

Ассириология и Египтология

Санкт-Петербург
2000

Ассириология и Египтология

Санкт-Петербургский государственный университет
Восточный факультет
Кафедра истории стран Древнего Востока

Ассириология и Египтология

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

п а м я т и

ИГОРЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ВИНОГРАДОВА

(К 65-летию со дня рождения)

Издательство С.-Петербургского университета
2000

Игорь Владимирович Виноградов (1933-1984)

ББК 63.3(0)31
А90

Редакционная коллегия: проф. Н.В. Козырева
А.В. Немировская

Рецензенты:

чл.-кор. РАН, докт. филол. наук И.М. Стеблин-Каменский,
ведущ. науч. сотрудник СПбФ ИВ РАН, докт. ист. наук В.А. Яковсон

*Печатается по постановлению
Редакционно издательского совета
Санкт-Петербургского государственного университета*

© Авторы публикаций, 2000
© Н.В. Козырева, отв. ред., 2000
© Издательство С.-Петербургского
университета, 2000

ОТ ДРУЗЕЙ И КОЛЛЕГ

И.В.Виноградов поступил на отделение египтологии кафедры истории Древнего Востока в 1953 г. У своих выдающихся учителей академика В.В.Струве и профессора Н.С.Петровского он получил серьезную историко-филологическую подготовку. После окончания восточного факультета Игорь Владимирович в течение 12 лет работал научным сотрудником Ленинградского отделения Института востоковедения, где его коллегами стали египтологи с мировым именем: Ю.Я.Перепелкин и О.Д.Берлев.

Главная сфера научных интересов Игоря Владимировича лежала в области социально-экономической истории Древнего Египта. В своей кандидатской диссертации, посвященной папирусу Вильбур, он тщательно и всесторонне исследовал этот уникальный документ хозяйственной отчетности (длина папируса 10,33 м) и одним из первых среди египтологов на конкретных фактах показал, что папирус Вильбур содержит ценнейшие сведения о структуре царского, храмового и вельможного хозяйства XII в. до н.э.

В 1970 г. после защиты кандидатской диссертации он вернулся на факультет, где в полной мере проявились его незаурядные способности преподавателя, отмеченные в 1981 г. Почетной грамотой Университета «За высокое педагогическое мастерство».

Широта интересов, открытость для дискуссии, умение передать мироощущение историка сделали И.В.Виноградова непревзойденным лектором общего курса истории Древнего Востока — одного из важнейших и традиционных базовых курсов Кафедры истории стран Древнего Востока. Этот курс читался для студентов и восточного, и исторического факультетов. И спустя 20 лет у бывших студентов истфака на памяти артистичные, живые (в буквальном смысле, т.е. рождавшиеся здесь и сейчас) лекции Игоря Владимировича, которые не хотелось пропускать.

На двух отделениях кафедры — египтологии и ассириологии — И.В.Виноградов читал спецкурс по истории социально-экономических отношений в Древнем Египте. Практические же занятия, которые вел Игорь Владимирович, завершались для египтологов-первокурсников весенним походом к сфинксам на Университетской набережной, где студенты пытались самостоятельно прочесть иероглифические надписи.

Достижения египтологии на начало 1980-х гг. были обобщены И.В.Виноградовым в главах по истории Египта в коллективной трехтомной

монографии «История Древнего Мира», вышедшей в свет в 1982 г. Здесь, как правило, по каждому региону авторами выступали несколько ученых. Только в одном случае сделано исключение. Всю историю Древнего Египта было поручено написать одному автору — Игорю Владимировичу Виноградову.

«Лекции под открытым небом» И.В.Виноградова, посвященные египетским мотивам в архитектуре Петербурга и его пригородов, навсегда запомнились всем, кто имел счастье их слушать. Его абонементный цикл лекций по истории и археологии Древнего Востока в Лектории на Литейном пользовался большой популярностью в городе. На слушателей И.В.Виноградова производили сильнейшее впечатление не только блестящая форма его выступлений, но и его увлеченность своим делом, умение донести до слушателей важность изучения древнейшей истории человечества, доскональное знание всех сторон жизни далекого прошлого и умение связать это далекое прошлое с фактами и явлениями, подчас не замечаемыми нами, но присутствующими и в нашей жизни.

Игорь Владимирович был замечательным путешественником. С рюкзаком за плечами по разработанным им самим маршрутам он обошел Прибалтику, большие и малые города Средней полосы России. Особенно он любил Русский Север с его уникальным деревянным зодчеством; дружил с мастерами «Каргопольской игрушки», дарившими ему свои авторские работы. Языком мастерски сделанных фотографий Игорь Владимирович умел поведать о русских храмах, о природе. Удивительны были и его рассказы об интересных людях, встреченных им в его странствиях, например, о кучере А.А.Пушкина (сына поэта), дед которого, в свою очередь, служил кучером у самого Александра Сергеевича!

Завсегдатай книжных магазинов, Игорь Владимирович собрал замечательную библиотеку художественной литературы и книг по искусству, что в то время было совсем не просто.

Своей научной и педагогической деятельностью И.В.Виноградов внес заметный вклад в развитие отечественной египтологии. Ученики Игоря Владимировича успешно продолжают его дело в Санкт-Петербурге и Ярославле, в Софии и Тарту.

Учитель, терпеливый и доброжелательный, друг и коллега, всегда готовый помочь не только словом, но, прежде всего, делом — таким навсегда останется с нами с в е т л ы й человек

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ ВИНОГРАДОВ.

*В.К.Афанасьева, Р.А.Грибов,
И.Т.Канева, Н.В.Козырева,
Б.Н.Мельниченко*

О КОМПОЗИЦИИ СТЕЛЫ УР-НАММУ

Может ли стела Ур-Намму, один из значительных, но очень плохо сохранившихся памятников III дин. Ура, пролить новый свет на столь долго и многообразно решаемую (но отнюдь не решенную) проблему о взаимоотношениях шумерийцев и аккадцев и на вклад обоих народов в культуру Двуречья? Последняя обобщающая работа на эту тему немецкой исследовательницы Андреа Бекер многое прояснила в этом вопросе, но не все¹. Замечательной заслугой А.Бекер является в первую очередь детальнейшее и добросовестное рассмотрение истории этой проблемы, начиная с ее возникновения в XIX в. и кончая 80-ми гг. нашего столетия. Пожалуй, впервые в ассириологии столь ясно, выпукло, четко и честно было показано, что и при изучении далекого прошлого возникает зависимость концепции от личных эмоциональных или идеологических пристрастий как будто бы стремящихся к объективности ученых, с одной стороны, и связь (причем, не всегда даже четко осознаваемая) с политическими конъюнктурами текущего момента — с другой². И в дальнейшем, уже в собственном исследовании, автор сохраняет внимательность к деталям, стремление к сопряжению всей совокупности данных (археологических, филологических, исторических, этнолого-антропологических) на самом современном уровне и к сохранению беспристрастности. Тем не менее, возможно, как раз благодаря этому обстоятельству, выводы ее крайне осторожны и лишены категоричности. Отметив, что III дин. Ура обладала своим собственным обликом, она заканчивает статью словами, что нет свидетельств, позволяющих говорить ни о «шумерском ренессансе», ни об «аккадской реставрации» (Becker 1985, 308)³.

Действительно, в таких категориях и определениях невозможно понять суть сложного и совсем для нас неясного явления, которое мы называем взаимодействием или взаимозависимостью культур, в данном случае, шумерской и аккадской. Враждебным оно было или дружественным по взаимоотношениям? Что кому принадлежит и кто кого научил, или это в конце концов неважно? Да и возможно ли выделить и

сказать точно: «это, мол, шумерское, а это аккадское». Обо всем этом уже столько говорилось и писалось. И если я еще раз пытаюсь возвратиться к этим вопросам, то лишь потому, что некоторые, может быть, очень частные наблюдения, которые сделаны мною еще до знакомства со статьей Андреа Бекер и долгое время лежали не востребованными, смогут добавить какую-то новую черту и внести дополнительную краску к ее работе.

Я попробую проделать маленькое исследование как бы с чисто внешней стороны — посмотреть на некоторые стилистические и композиционные особенности группы памятников III тыс. до н.э., употребляя слова «шумерское» и «аккадское» в чисто историческом конкретном смысле соответственно принятой хронологической терминологии: сосуд периода Джемдед-Наср из Урука — шумерский, стела Нарам-Суэна — аккадская, и т.д., а обнаружившиеся черты характеризовать только с чисто формальной, как бы внешней, точки зрения.

А.Бекер, анализируя художественные проявления и особенности шумеро-аккадского искусства, взяв на рассмотрение стелы, плакетки и наскальные рельефы, исходит из общности технических приемов этих групп памятников и начинает со стелы Эанатума, которую берет за отправную точку своих наблюдений.

Но, с моей точки зрения, начинать надо со знаменитого алебастрового сосуда из Урука. Конечно, это не стела и не рельеф, хотя изображения на нем даны как раз в том плоском тонком рельефе, который характерен и для других шумерских памятников, в частности, для плакеток — миниатюрных стел. Да и по размеру он не так уж мал по сравнению со многими плакетками — высота его 1,05 м. Что касается изображения, охватывающего тулово сосуда, то ведь многие плоские стелы, в том числе стела Ур-Намму — двусторонние, а стела Эанатума даже захватывает и узкие боковые стороны. Но главное — именно изображения на этом сосуде, и в первую очередь, характер композиции, позволяют, по нашему мнению, рассматривать его как родоначальника в создании приемов, для шумерского искусства новых и развитых в последующие периоды⁴. Это принципиально новое — повествовательность изображений, рассказ, делящийся во времени (А.Бекер, опираясь на М.Элиаде, говорит в данном случае о сакральном времени в отличие от времени профанного)⁵.

Для двухмерного представления о пространстве, а как мы знаем, до открытия способа построения глубинной перспективы оно таково для

всего древнейшего мира, пространство сводится к зависимости между расстоянием, направлением и размерами изображаемого предмета (предметов), и основные оси изображения ограничиваются вертикальным и горизонтальным направлениями. При этом пространство организуется на плоскости как композиция, не протяженная во времени, или безвременная, или такая, где действие представляет собой как бы кульминационную сцену, где сконцентрировано несколько событий, и будь то декоративный линейно-орнаментальный, ритмически организованный мотив или мотив изобразительный — плоскость в раннешумерском искусстве (и это тесно связывает его с искусством неолита) будет члениться на горизонтальном и вертикальном направлениях, подчиняться строгому чувству ритма и обозначать некую безвременность или одновременность развернутого на плоскости действия.

Гармонизация пространства достигается ритмическими горизонтально-вертикальными комбинациями, и отсюда — декоративность памятников первой половины III тыс. до н.э. — периодов Джемдет-Наср и раннединастического времени и их стилистически композиционная связь с неолитическими изображениями⁶. Итак, попробуем временно отвлечься от сюжетного изобразительного момента — с тем, чтобы к нему снова вернуться — в этих композициях всем хорошо известных.

1. Урукский сосуд (рис. 1а, б).

Горизонтальное членение: комбинация пустых и заполненных изображением полос, узких и широких лент. Членение пропорционально гармонично, но никоим образом не однообразно. Вертикальное членение: чередование пальм с цветущими тростниками — один ритмизированный орнаментальный узор, второй ряд: бараны и овцы, чередование безбородых и рогатых с борою фигур — также ритмизированный орнаментальный узор; следующий ряд — вертикально вытянутые человеческие фигуры с чашами и сосудами — снова ритмизированный орнаментальный узор; в верхнем ряду — вертикальность знаковых символов, и т.д.

2. Урукский штандарт (рис. 2а, б).

Горизонтальное деление на три полосы, широких, в изображениях, и четыре узеньких — чисто орнаментальных. В рядах — чередование вертикальных и горизонтально (животные) направленных фигур, или их деталей — сидящие фигуры верхнего ряда.

3. Стела Эанатума (рис. 3).

Горизонтальное деление. В верхнем ряду — подчеркнутость горизонтальных линий рядами копий, делящих плоскость, в комбинации с вертикалями (контуры щитов) и изогнутыми кривыми (шлемы и профили). Горизонтальность подчеркнута также рядами тел, по которым движутся вертикальные ряды воинов. Во втором ряду — наклонно-вертикальные ряды топориков и копий, а также человеческих профилей, и вертикально-горизонтальное членение складками одежды воинов. Но поскольку перед нами не просто комбинации элементов, а сюжетные многофигурные композиции с определенным и направленным действием, то повествование, точнее повествовательность, оказывается тем, что вносит шумерское искусство в искусство комбинации ритмических элементов. Композиции имеют развитие и направление во времени, и нам уже безразличен момент, точка зрения, с которой мы начинаем отсчет.

1. *Урукский сосуд*. Зрительный отсчет, как уже неоднократно замечалось, начинается с левого нижнего угла, с направления движения животных, перетекает во второй ряд, по ходу движения людей и снова поворачивает наш взгляд в сцене в верхнем ряду. Мы как бы соединяем движение незримой волнистой линией, спиралью, которая и объединяет действие. Почему снизу вверх? Объяснение направления дает верхний ряд — вся сцена представляет собой праздничное шествие, процессию с дарами, которая движется по направлению к главной фигуре — богине Инанне (это ее символы стоят рядом), возле которой сгружаются приношения храму, те что несут обнаженные люди в предшествующем ряду.

2. И действие на *урукском штандарте* также разворачивается во времени. Он состоит из двух сторон: на первой (рис. 2б) в нижнем ряду изображен колесничий бой, причем, судя по абсолютной повторяемости изображений, перед нами одна колесница в действии: вот она начинает движение, вот она подмяла под себя человека, вот второй сейчас попадет под ноги. Во втором ряду отряд воинов, идущий в бой и привод пленных к победителям (середина второго и верхний ряд). Перемена направления движения только с середины второго ряда, но все же она присутствует. Вторая часть штандарта (рис. 2а) — продолжение верхней сцены: два нижних ряда — угон и подсчет добычи, верхний ряд — пир. Перемена направления движения тоже начинается только с

верхнего ряда, но волнообразная, зрительно соединяющая всю сцену линия, также присутствует.

3. Есть, как мне видится, направление времени и в *стеле Эанатума*: в нижнем ряду идет в бой отряд воинов, во главе с Эанатумом на колеснице, затем отряд тяжеловооруженных воинов (фаланга) идет добивать раненых⁷.

Таким образом, для шумерского искусства I пол. III тыс. до н.э. в многофигурных композициях мы имеем определенную закономерность построения такой композиции, которая выражается в:

- 1) поярусном горизонтальном членении,
- 2) направлении действия снизу вверх,
- 3) непрерывности и последовательности изображаемых действий.

Действие, располагаясь горизонтально, мыслится как спираль, направленная снизу вверх, изображая движущийся во времени рассказ.

И *стела Нарам-Суэна* (рис. 4), памятник аккадского искусства, по существу, есть развитие и продолжение композиции шумерской.

1. Действие направлено снизу вверх, начинаясь с нижнего левого угла.

2. Действие спиралевидно, направлено во времени, изображая последовательно происходящий рассказ. В данном случае это рассказ о походе Нарам-Суэна против горных племен лулубеев. Изображено войско, поднимающееся и сражающееся на подъеме с врагами, а на вершине — уже поднявшийся Нарам-Суэн, который изображен как победитель.

3. Сложнее с горизонтальным поярусным делением. На первый взгляд его как будто нет, и многие исследователи относят это обстоятельство к новациям аккадского искусства. Но приглядевшись внимательно, мы замечаем в правом углу следы этого поярусного горизонтального членения: лулубеи изображены в параллельных горизонтальных линиях. Да и само членение в *стеле* сохраняется: движение воинов Нарам-Суэна идет по наклонным параллельным линиям, оно не исходит из одной точки, а, по существу, представляет три луча, по которым и вздымаются воины Нарам-Суэна на гору.

Аккадская *стела Нарам-Суэна* справедливо относится историками искусства к числу древневосточных шедевров. Более того, мастер, создавший ее, безусловно был новатором-экспериментатором. И даже если его отход от канонической композиции обуславливался идеологическими задачами — показать триумф царя-победителя, выделив его осо-

бо, сконцентрировав зрительное внимание на сужающейся заостренной вершине памятника, — ему удалось достигнуть цели исключительно художественными средствами. Замена горизонтальных линий наклонными смягчила линейное ритмическое однообразие, сделала движение более динамичным и целенаправленным; именно благодаря стремлению мастера к созданию новой композиции с острым ощущением момента, так ярко и выразительно застывшего в вечности, предстает перед нами завершающая сцена. Но эксперимент не привился. Аккадские художники возвращаются в массе своей к членению плоскости параллельными линиями⁸.

Обратимся теперь к стеле Ур-Намму, которую рассмотрим также с этих позиций (рис. 5а, б; рис. 6а, б). Двусторонняя стела, высотой 3,04 м разделена на регистры широкими и узкими полосами, что особенно сближает ее с урукским сосудом. Значит, перед нами рассказ-повествование в духе укоренившейся традиции? Конечно, памятник в очень плохой сохранности, но по отдельным фрагментам можно предполагать, что так оно и есть: фигуры людей, движущиеся по направлению к лестнице (второй ряд снизу), Ур-Намму вслед за божеством (Наннар-Син?), со строительными инструментами на плече, сцены праздника (освящение строительного обряда? — оборотная сторона), благословение божеств (обе стороны стелы) и т.д. Но лучше всех сохранившийся четвертый снизу ряд вносит некоторую коррекцию в наши предположения, ибо композиция выстроена по иным, до сих пор не применявшимся в такого рода памятниках принципам.

Рассмотрим их внимательнее. Это симметричная композиция. Она разделена на две части, из которых одна как бы дублирует другую. На одной половине — Ур-Намму, совершающий возлияние перед богом луны Наннаром, на другой — он же, производящий аналогичные действия перед богиней, скорее всего супругой Наннара, Нингаль. Замыкающими и оформляющими композицию элементами оказываются фигуры (или одна и та же удвоенная фигура) с воздетыми руками в жесте покровительства-защиты, характерными для изображений богинь-покровительниц на цилиндрических печатях. Да и вся сцена (точнее, обе сцены) как бы калькируют изображения в глиптике, столь характерные для времени третьей династии Ура, но появившиеся впервые в аккадский период. Таким образом, здесь изображение в последовательном движении времени нарушено, и тем самым разрушает (или ограничивает) повествовательность. В лучшем случае можно проследить по-

последовательность действия по отдельным ярусам, а если говорить о последовательности действия, то только в масштабе одного регистра.

Итак, мы возвращаемся к иератичной, замкнутой в самой себе и к тому же геральдической композиции. Эти изображения символичны, зрительно целостны и закончены, они несут свою значимость сами в себе, а не как часть изображения, хотя принцип линейно-ритмического фриза сохранен, что подчеркивается удвоением. Но та вневременность, одномоментность сцены, которую А.Бекер связывает с победными стенами, здесь налицо, и по сохранившемуся фрагменту мы вынуждены распространить этот принцип на все изображения и, конечно, в первую очередь на главные, выделенные размером и аркою верхние сцены (или просто удвоенная сцена на обеих сторонах стелы?) «триумфа и благословения Ур-Намму». Отсутствие указания на последовательность событий делает изображение вневременным. «Время не может создать последовательность, как раз последовательность создает время» (Арнхейм 1974, 346–347)⁹. Пространственное искусство не есть, по существу, искусство времени, и оно выделяет момент; для глаза и для зрительного восприятия неважно откуда начать обзор. Попытка передать время, как правило, специально художником не преследуется. Временное изображение событий, рассказ-повествование, стремление к нему часто идут в ущерб образности, чистой изобразительности. Замершим, безвременным моментом символичность подчеркивается, в движении — распыляется, теряется, отчего мы чаще воспринимаем повествовательные композиции как чисто бытовые — сам описательный характер действия толкает нас на это. Повествовательность, рассказ, изобразительное искусство взяло из искусства словесного, а потом и из литературы, для изобразительного искусства это явление вторичное.

Пройдя несколько веков по пути развития повествовательности, изобразительное искусство Двуречья сделало поворот. В композиции стелы Ур-Намму мастера III дин. Ура ввели новый принцип, и это было, как и в композиции стелы Нарам-Суэна, такое же важное новшество, которое имело не только художественное значение. Однако именно в художественном отношении легче проследить его истоки.

Уже упоминалось, что композиция фриза стелы Ур-Намму воспроизводит аналогичные или близкие сцены на печатях, которые засвидетельствованы в аккадский период. Резчики печатей аккадского времени внесли много нового в глиптические композиции и главное — отказ от плотного заполнения пространственного поля. Благодаря этому пере-

плетенный и как будто стремительно движущийся фриз шумерских печатей, получив свободное пространство, как бы остановился, успокоился и замер в окружающем его воздухе, даже если при этом воспроизводилось движение. Далее, усилилось стремление к геральдическим, симметричным композициям, что в какой-то мере кроется в особенности цилиндрической печати — удвоению изображения при откатке; наши изображения на стеле Ур-Намму в четвертом ряду выглядят как во много раз увеличенные глиптические оттиски. До этого времени подобных сцен в большой пластике мы не встречаем. Сцены на печатях кажутся моделью, образцом для большой пластики, и хочется поставить вопрос — не постоянная ли это зависимость?¹⁰ К сожалению, ответить на него, опираясь только на сделанное нами наблюдение, невозможно, поэтому предоставляем это другим исследователям.

Рассмотрим теперь сохранившиеся изображения стелы. Пластика, пропорции фигур — «аккадские»; т. е. стиль изображения человеческой фигуры отличается от того стиля, который мы называем «шумерский». Что это значит?

Уже с раннединастического периода, с того времени, когда север Двуречья, согласно наблюдениям исследователей, был «шумеризирован», т. е. несомненно проживавшие там аккадцы находились под влиянием шумерской культуры, все равно наблюдалось стилистическое отличие в памятниках пластики и в общем подходе к изображению человеческой фигуры. Так, для районов, скажем, реки Диялы характерна тенденция к более удлинённым пропорциям, в частности, к выделению и обозначению конечностей, к более тщательной проработке деталей, которая в скульптурах юга отсутствует: там пропорции укорочены, фигуры, как правило, приземисты и как бы сплющены. В раннединастический период наблюдается стремление к деформации антропоморфного облика изображений, к нарушению пропорциональных соответствий, что, безусловно, носило идеологический характер, но на севере эти черты менее ощутимы. В аккадское время, напротив, усиливается стремление к естественному, «натуралистическому» воспроизведению человеческой фигуры¹¹. В памятниках III дин. Ура эти тенденции закрепляются.

Таким образом, именно в изображениях и композиции стелы Ур-Намму мы сталкиваемся с весьма сложным переплетением художественных элементов, разработанных и в шумерский, и в аккадский периоды истории Двуречья. То, что возникло в результате этого перепле-

тения, совсем не похоже на эклектику — механическое захватывание деталей и особенностей того или иного стиля. Нет, перед нами скорее естественное и органическое соединение, плавное перетекание приемов, обкатанных за достаточно длительный промежуток времени. И уже из этих наблюдений трудно делать выводы о противопоставлении и конфликте, о целенаправленной реставрации и возрождении. Конечно, создатели стелы действовали по заказу, предполагающему осуществление и демонстрацию четко поставленной и ясно осознаваемой идеологической задачи. И тут могли играть свою роль (и даже обязательно играли) и личные пристрастия, как то тонко раскрыла в своей работе А.Бекер, и необходимость обосновывать свое право на власть, и многое другое. Но это уже относится к иным слоям исследования — идеологическому, далее слою мифологемы, более интуитивному и, наконец, бессознательному — тому, который мы называем голосом крови или расообразующим формирующим признаком, о котором мы на нынешнем уровне наших знаний просто не можем еще рассуждать¹². Мы же попытались рассмотреть только две внешние первые, с нашей точки зрения, необходимые для изучения ступени — стилистические и композиционные характеристики.

Примечания

- 1 Как видно из заглавия работы, А.Бекер (Becker 1985, 229–316) в первую очередь стремится к прояснению понятия «Новошумерский Ренессанс», возникшего в 1920-х гг.
- 2 Уже в конце XIX в., когда появилось понятие «новошумерское» (искусство, культура, период) и особенно после раскопок в Лагаше, у исследователей возникло ощущение разницы в памятниках северной и южной части Двуречья, которое, возможно, должно быть связываемо с разными этническими группами населения. В это время шла речь о семитских культурах. Проявление культуры шумерской, знакомство с ней через новые раскопки двигалось постепенно, иногда вызывая стремление к отрицанию самого существования шумерского языка. После докладов в 1902 г. на тему «Babel und Bibel», где речь шла о параллелях между текстами Библии и Месопотамскими, интерес к теме захватил не только теологические и научные круги, но и более широкий круг общественности. И уже с этого периода в той или иной форме начали проскальзывать антисемитские настроения, которые так или иначе окрашивали отдельные труды. Поэтому идея «шумерского возрождения» предполагала, как считали авторы, существование конфликта между семитскими и несемитскими

- группами населения, соответственно, утеснение и подавление одной культуры другой и стремление к своего рода реставрации. См. подробнее: Becker 1985, 234–274.
- 3 В ассириологии, естественно, существовала и тенденция искать в культуре III дин. Ура стремление к восстановлению традиций, возникших и развивавшихся в период правления аккадской династии Саргонидов.
- 4 Более подробно вопросы становления и развития законов композиции шумеро-аккадского искусства рассмотрены мною в статье «К проблеме толкования шумерских рельефов» (Культура 1978, 19–32).
- 5 М.Элиаде (Eliade 1957) говорит о сакральном времени, как циклическом, сконцентрированном, внеисторическом, отмеченном повторениями и симметрией, а о профанном, напротив, как о линейном, «разбавленном» («verdünnte»), историческом времени, в котором измеряются исторические события. По этим критериям А.Бекер делит стелы на культово-повествовательные «победные» изображения; где проявляется некий одномоментный или, так сказать, мотив вечности изображенного события. Группируя стелы и рельефы по этому принципу и обращая внимание и на переходные, соединяющие обе темы композиции, А.Бекер дает новые критерии подхода к изучению рельефов Двуречья (см. цит. в главах: «Die Konzepte der Stelen und Felsreliefs» и «Wiedergabe von Zeit». S. 278–283). В моей выше упомянутой, а также и в данной статьях эти вопросы рассмотрены в другой терминологии и в первую очередь с позиций формально-искусствоведческих критериев. Тем интереснее совпадение выводов в отдельных случаях.
- 6 Эта связь проявляется в первую очередь на керамике и в глиптике, где в этот период господствуют печати-штампы. О роли линейных элементов в искусстве неолита, в частности, на расписной керамике, см.: Шмит 1925; Афанасьева 1997а, 67–69; Mellink 1974, 38–51.
- 7 Подробнее см.: Культура 1978, 24–26.
- 8 Там же, с. 28–29.
- 9 См. также подробнее: Семиотика 1972.
- 10 Этот вопрос ставила в свое время еще Э.Порада (Porada 1957).
- 11 См. подробнее: Афанасьева, Дьяконов 1961, 5–23. Эти вопросы были рассмотрены мною с учетом всей литературы, которую приводит в своем исследовании и А.Бекер (Афанасьева 1979. Гл. X). См. также сравнительную таблицу эволюции иконографических типов в приложении к книге.
- 12 Так, по первому впечатлению, вполне на уровне «шумеро-аккадского конфликта» может быть рассмотрен текст «О том, кого укусила собака» (см.: Афанасьева 1997б, 339–340; 463–464).

Жрец-аккадец высмеивается как неуч и невежда, не знающий шумерского языка и осмеливающийся демонстрировать свое невежество в Ниппуре, где даже уличная торговка овощами владеет обоими языками.

Но текст этот — учебный, он многофункционален, и одна из его идей — образно показать юношам необходимость изучения шумерского языка (что, в свою очередь, говорит о том, что в этот период его знали не все) несомненно входила в первоочередную задачу его создателей. Главный конфликт — явное противостояние «ученой» образованной элиты писцов, создателей письменной традиции словесного жанра, передаваемого частью по наследству, куда входили заговоры, молитвы, заклинания.

Жрец-заклинатель не только не знал шумерского языка, но, скорее всего, был неграмотным. А то, что он не шумериец, а аккадец, имеет в данном случае второстепенное значение.

Список иллюстраций

- 1 *а, б.* *а* — Алебастровый культовый сосуд из Урука. Нач. III тыс. до н.э.; *б* — фрагмент сосуда (прорисовка). Багдад, Иракский музей.
- 2 *а, б.* «Урский штандарт». Ок. 2600 г. до н.э.: *а* — сцена мира; *б* — сцена войны. Лондон, Британский музей.
3. Стела шумерского правителя Эанатума. Ок. 2500 г. до н.э. Париж, Лувр.
4. Стела аккадского правителя Нарам-Суэна. Ок. 2300 г. до н.э. Париж, Лувр.
- 5 *а, б.* Стела правителя III дин. Ура, Ур-Намму из Ура: *а* — лицевая сторона; *б* — обратная (прорисовка). Конец III тыс. до н.э. Филадельфия, Университетский музей.
- 6 *а, б.* Фрагменты стелы Ур-Намму, второй ярус сверху: *а* — Ур-Намму перед Нанной (Наннаром), *б* — Ур-Намму перед Нингалъ.

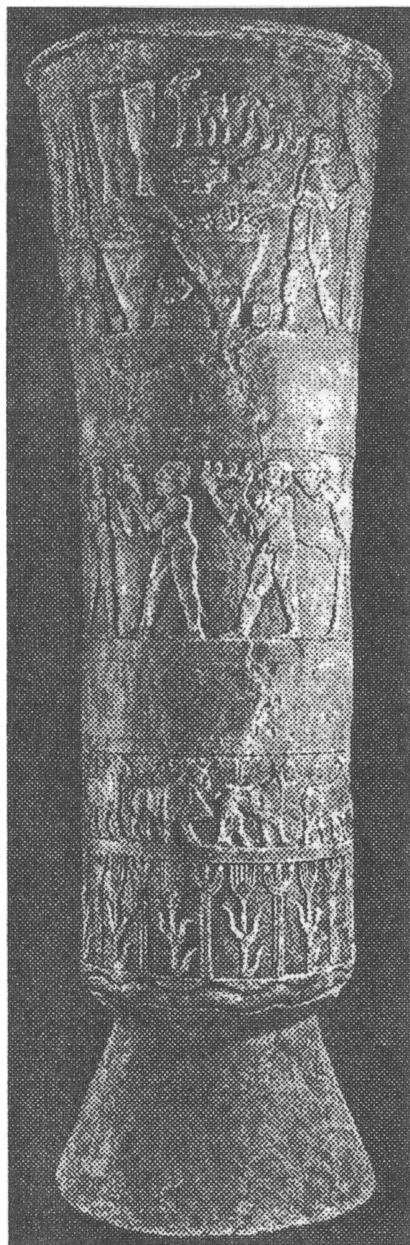

Рис. 1а

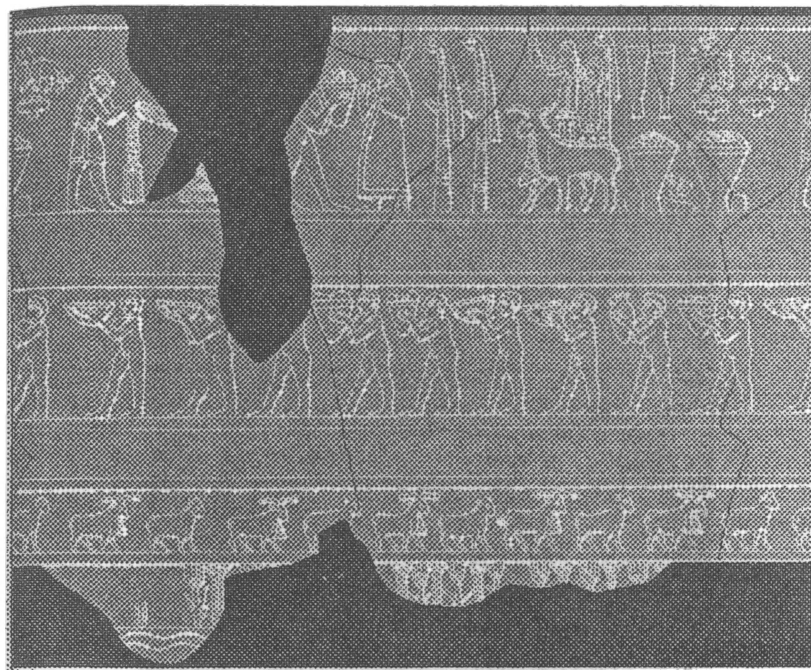

Рис. 16

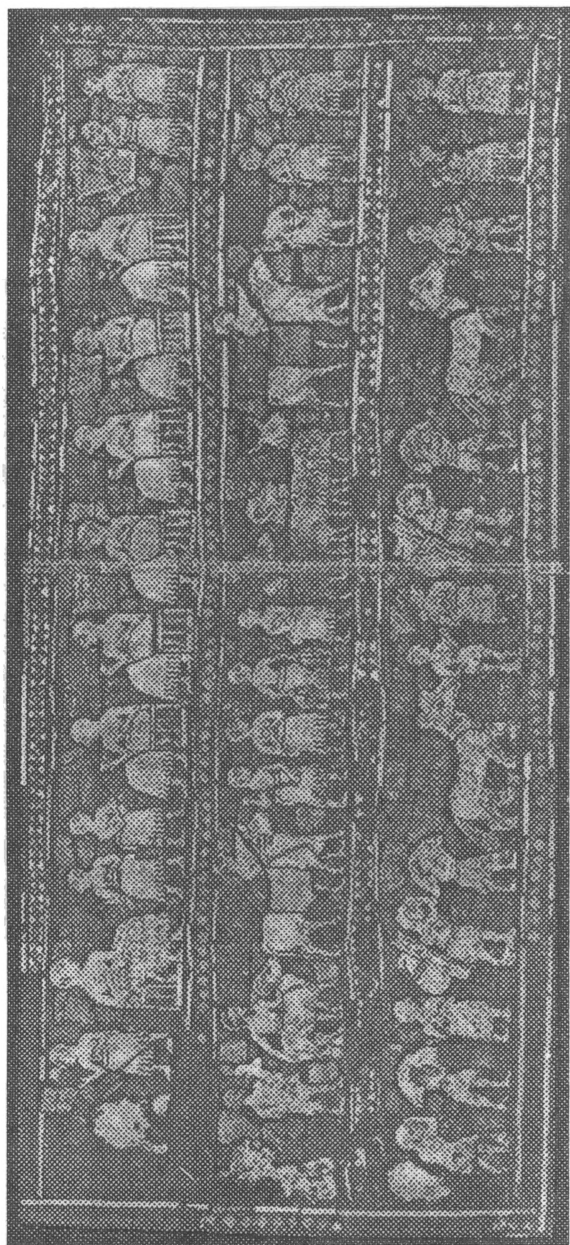

Рис. 2а

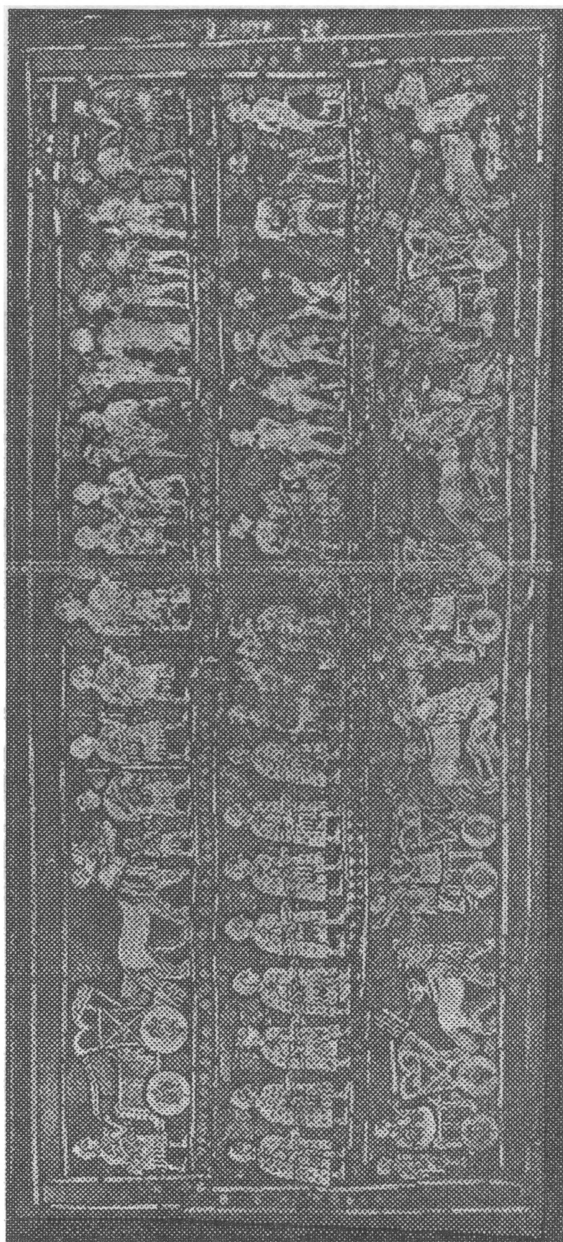

Рис. 26

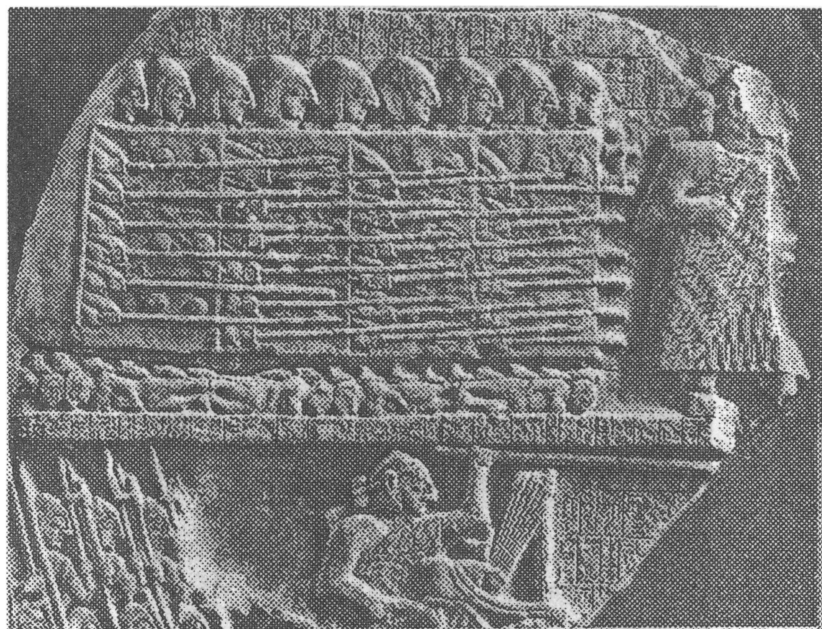

Рис. 3

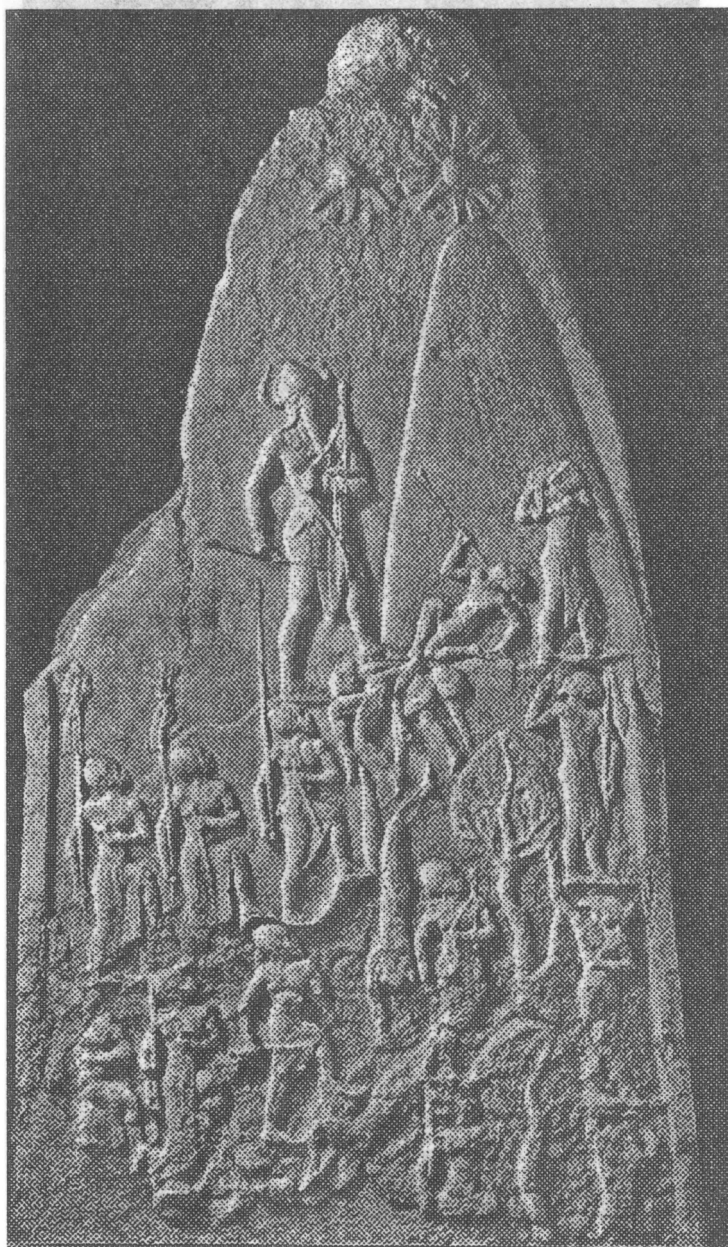

Рис. 4

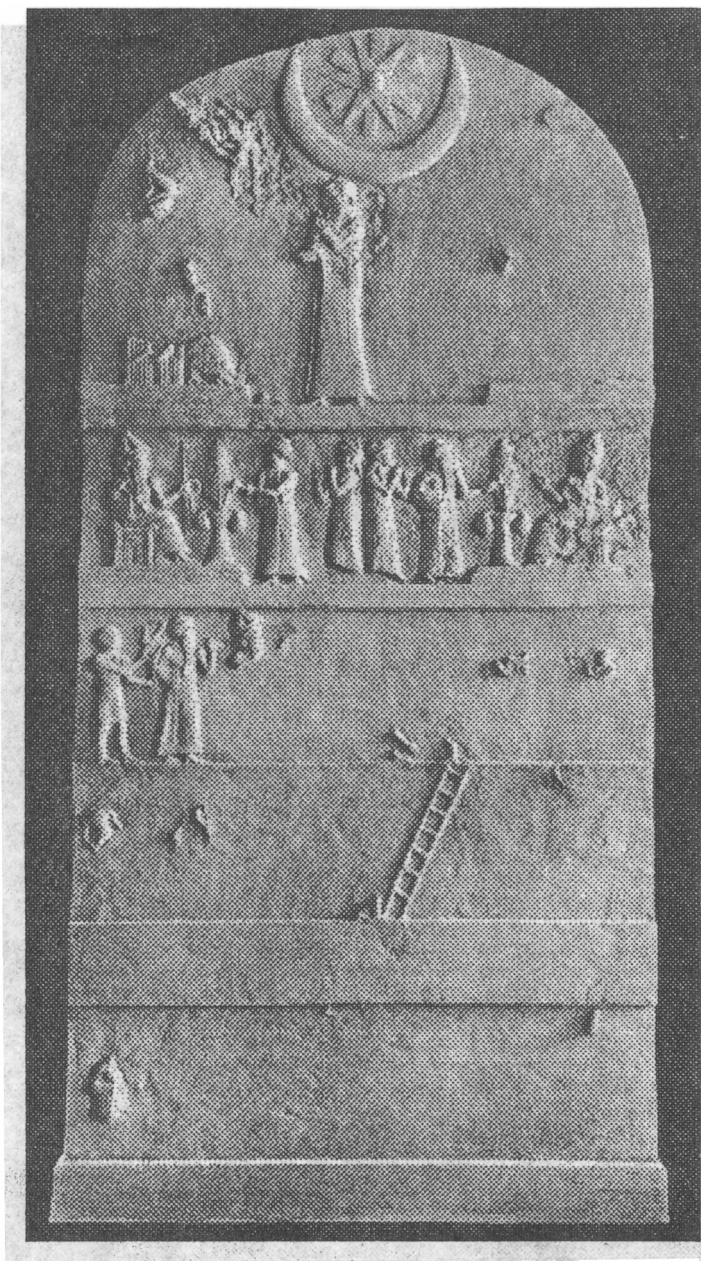

Рис. 5а

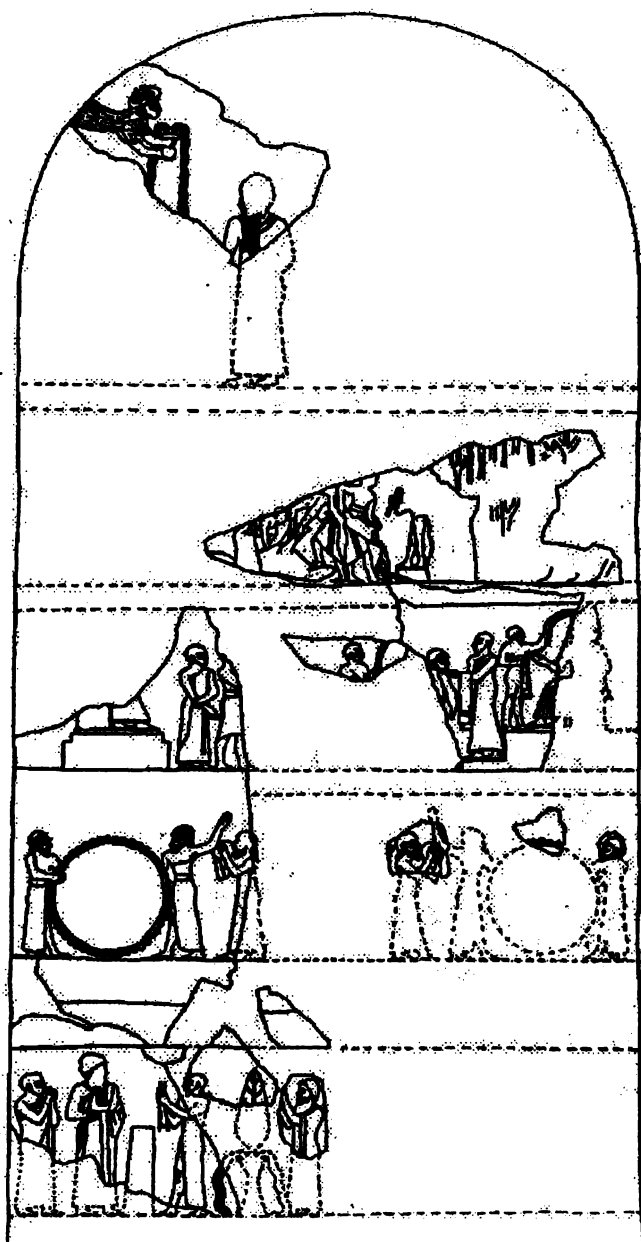

Рис. 56

Рис. 6а

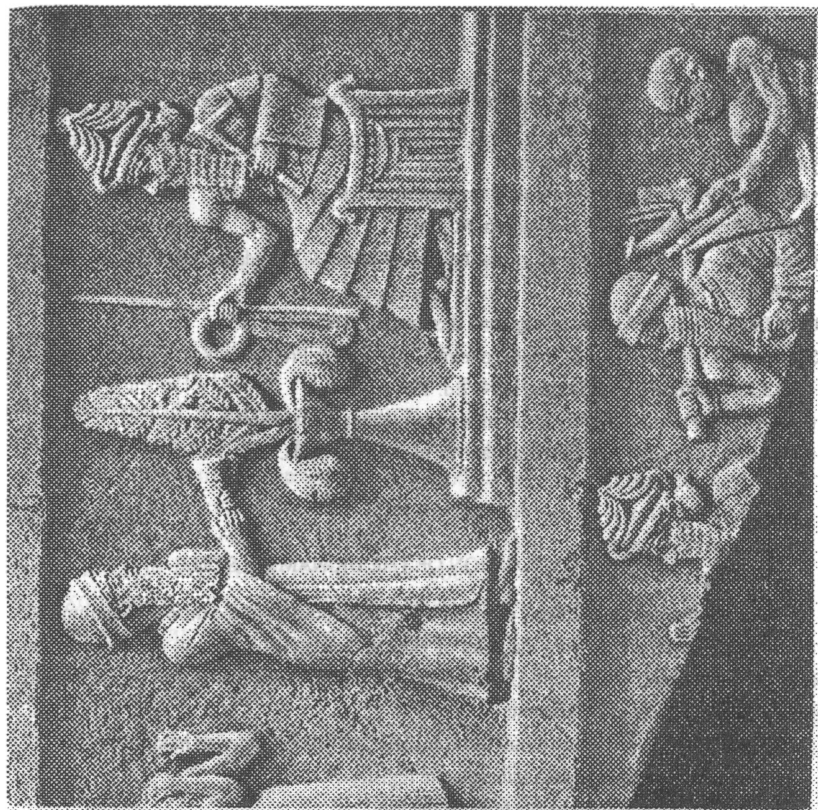

Рис. 66

- Арнхейм 1974 — *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. М., 1974.
- Афанасьева, Дьяконов 1961 — *Афанасьева В.К., Дьяконов И.М.* Об основных этапах развития Древнего Шумера // Культура и искусство народов Востока. Л., 1961. Т. V.
- Афанасьева 1979 — *Афанасьева В.К.* Гильгамеш и Энкиду: Эпические образы в искусстве. М., 1979.
- Афанасьева 1997а — *Афанасьева В.К.* Искусство Двуречья V–II тыс. до н.э. // История Востока. М., 1997. Т. I.
- Афанасьева 1997б — *От начала начал: Антология шумерской поэзии / Вступ. ст., пер., коммент. В.К.Афанасьевой.* СПб., 1997.
- Культура 1978 — *Культура Востока.* Л., 1978.
- Семиотика 1972 — Семиотика и искусствометрия: Сб. ст. М., 1972.
- Шмит 1925 — *Шмит Ф.И.* Искусство. М., 1925.
- Becker 1985 — *Becker A.* Neuesumerische Renaissance? // *Baghdader Mitteilungen.* Berlin, 1985. Vol. 16.
- Eliade 1957 — *Eliade M.* Das Heilige und das Profane. Hamburg, 1957.
- Mellink 1974 — *Mellink M.J.* Mesopotamien und Iran // *Propyläen Kunst Geschichte von M.J.Mellink und J.Flip.* Berlin, 1974. Bd. 13.
- Parrot 1960 — *Parrot A.* Sumer (L'art mésopotamienne). Paris, 1960.
- Porada 1957 — *Porada E.* Mesopotamian Art in Cylinder Seals. New York, 1957.

V.K.Afanasyeva

ON THE COMPOSITION OF THE UR-NAMMU STELE

The most important monuments of Sumero-Accadian plastics of the third millennium B.C. are considered in the article from the point of view of their stylistic features and composition. These are the alabaster vessel from Uruk, the stele of Eanatum, the standard of Ur, the Naram-Suen stele and the stele of Ur-Nammu.

The most important compositional features distinguished in Sumerian monuments are:

- 1) horizontal division of space into separate registers;
- 2) action developing from below towards the top;
- 3) uninterrupted sequence of events represented.

All these means serve to represent action developing in time and space, thus making a narrative. It was a way to introduce the category of time into a flat image, the feature which distinguished the art of Sumer from the Neolithic art.

The Accadian stele of Naram-Suen, with its spiral division of the surface instead of horizontal levels, preserves all the principal features of the Sumerian composition, even traces of parallel lines dividing it into horizontal levels.

The stele of Ur-Nammu, where the artist returns back to horizontal registers, presents, in its surviving fragments, a symmetrical heraldic composition stressing the timelessness or the single-momentness of the action, similar to the way it was represented on cylinder- and stamp-seals from the middle of the third millennium B.C. In the composition of the Ur-Nammu stele we find a very complicated mixture of artistic features develops in the Sumerian and the Accadian periods of Mesopotamian history. The art of space was not the art of time. It borrowed its narrative from oral tradition, then from literature. For several centuries in representative arts narrative had been developed, then the art of Mesopotamia made another turn. In the composition of the Ur-Nammu stele created under the 3rd dynasty of Ur we again encounter single-momentness which appeared as a novelty, like earlier the composition of the Naram-Suen stele. It was not just an artistic novelty, for it had ideological meaning.

И.В.Богданов

ЗАМЕЧАНИЯ К «ТЕКСТАМ ПРОКЛЯТИЙ» СТАРОГО ЦАРСТВА

Собрание «текстов проклятий» Старого царства, которому посвящена данная работа (далее — ÄTAR), состоит из 4-х коллекций единой серии, найденной в результате работ разных экспедиций и в разное время в Гизе, с западной и восточной сторон пирамиды Хеопса (ÄTAR II 133). Памятник представляет собой собрание антропоморфных бирок с воспроизведенными на них курсивным письмом именами нубийцев, поэтому чрезвычайно интересен для изучения так называемой староегипетской иератики. Небольшие сосуды, содержащие эти бирки, были захоронены в кладбищенских проходах (ÄTAR II 156). Все сосуды с бирками, как показывают датирующие надписи на трех из них, были погребены в течение 2 месяцев. Количество бирок в разных сосудах неодинаково. Наиболее многочисленная серия была открыта экспедицией А.М.Абу-Бакра (далее — AB) — 249, далее следуют серии экспедиции Дж.Райзнера в Бостоне (далее — RB) и Каире (далее — RK) — 91 и 74 соответственно, последним идет собрание Х.Юнкера (далее — J) 21 — всего 435 экз. с именами более 300 лиц. Публикация памятника в целом состоялась лишь в 1970-е гг. Все 4 собрания, как было показано издателями, принадлежат одной коллекции. По своему характеру ÄTAR идентичны уже известным в науке группам «текстов проклятий» и название получили от опубликованных к тому времени К.Зете и Ж.Познером (Sethe 1976, 185–254; Posener 1940; Posener 1958, 152 ff.; Posener 1966, 277–287) подобных собраний конца

Среднего царства. В настоящее время известно уже достаточно большое число текстов такого характера, дошедших от всех исторических эпох Древнего Египта¹. По ономастическим и палеографическим данным издатель датировал исследуемый памятник временем позднего Старого царства. В задачи данной работы входит рассмотрение некоторых вопросов интерпретации ÄTAR в историческом контексте и, главным образом, уточнение датировки памятника.

Все имена, записанные на бирках, принадлежали нубийцам, и большинство из них имели чисто нубийское происхождение (ÄTAR II 160 ff). Прочие носили либо египетские имена, поясняясь при этом этнонимом *nhsj* — «нубиец», либо два имени — туземное и египетское (ÄTAR II 158 ff. Taf. 1–2).

О положении этих людей можно судить только по двум надписям на сосудах:

1. *Nhsj nb sbj.tj.fj m Jrṯt, W3w3.t, Z3ṯw, J3m, K33w, Jṯnh, M3sjt, Md3, Mrtj, sbj.tj.sn jr.tj.sn ḥw3, w3.tj.sn ḡd.tj.sn mdw.t nb.t ḡw.t* — «Всякий нубиец, что будет восставать в *Jrṯt, W3w3.t, Z3ṯw, J3m, K33w, Jṯnh, M3sjt, Md3, Mrtj*², (когда) те поднимут мятеж, (чтобы) устроить грабеж и будут замышлять дурное, говоря злые речи».

2. *Sbj nb n t3 pn: rmt nb, p3.t nb, rhj.t nb, t3j nb, šḥ.t nb, hm.t nb.t, wr nb, nhsj nb, spj nb, zm3j.tj nb, dmdj nb nj h3s.t nb.t, sbj.tj.sn m W3w3.t, Z3ṯw, Jrṯt, J3m, Jṯnh, M3sjt, K33w, sbj.tj.sn, w3.tj.sn n ḡd ḥw3 n mdw.t nb.t ḡw.t r t3 rsj / t3 mḥw ḡt* — «Всякий мятежник этой страны: всякий из людей-*rmt*, всякий из народа-*p^c.t*, всякий из народа-*rhj.t*³, всякий муж, всякий кастрат, всякая женщина, всякий (иноземный) князь, всякий нубиец, всякий заговорщик, всякий союзник, всякий, кто связан <с этим> из какой-либо чужеземной страны, которые будут восставать в *W3w3.t, Z3ṯw, Jrṯt, J3m, Jṯnh, M3sjt, K33w*, (когда) те поднимут мятеж и будут замышлять дурное, призывая к грабежам всякими злыми речами южной и северной земель вечно».

Эти «условные проклятия»⁴ не могут адресоваться мятежникам, имена которых зафиксированы в текстах, так как глаг. *sbj* «восставать, затевать мятеж» и т.п. употреблен здесь в проспективной форме услов. будущ. вр. — *sbj.tj.fj/sn* — «имеющим намерение восстать». Следовательно, надписи предрекают будущим мятежникам подавление и те кары, которым были подвергнуты лица, имена которых содержатся в ÄTAR.

Кроме того, две эти надписи, очевидно, имеют разных адресатов. Первая предназначена будущим нубийским мятежникам, а вторая —

по-видимому, тем из египтян и нубийцев, которые поддержат мятеж внутри Египта. Судя по данным «текстов проклятий» в целом, эти формулы являлись трафаретными.

Социальная стратификация нубийцев по источникам Старого царства прослеживается не очень четко. Можно выделить термины, обозначающие нубийцев, находившихся на службе у египтян (ʕ.w, *nḥsjw ḥtp.w*), и прочих. Особые случаи обозначений враждебных или не подвластных Египту нубийцев почти не отмечены⁵. Что касается ʕ.w, то унифицированного толкования его в литературе нет (см., например: Gardiner 1915, 125; Goedicke 1960; Goedicke 1966; Kadish 1966, 29 ff.; Žaba 1974, 121 ff.; Fischer 1960, 138; Fisher 1964, 28 ff.; Habachi 1981, 25 ff. и др.), хотя титулы руководящих чинов ʕ.w широко известны⁶. Оба существующих варианта перевода термина ʕ.w («переводчики» — восходит к А.Гардинеру, и «варвары» — впервые предложен Х.Гёди́ке) отталкиваются от значения корня этого слова — «разговаривать по-варварски» и т.п. В настоящее время большинство исследователей придерживается последней интерпретации.

Как было указано Х.Гёди́ке, наименование ʕ.w в титуле *shd / jmj-r3 ʕ.w n.w Md3, J3m, Jrtt* пункта 2 Дахшурского декрета соответствует наименованию *nḥsj.w ḥtp.w* и обозначает нубийских наемников на египетской службе (Goedicke 1960, 63). Службу фараону нубийцы могли нести в разных частях державы — как в Нубии, так и в Египте, даже в резиденции. Последние именовались *nḥsj.w ḥtp.w*, т.е. «добрые, замиренные нубийцы». Несмотря на уникальность этого сочетания (присутствует только в Дахшурском декрете), элемент *ḥtp* во многих источниках обнаруживает контекстуальную связь с *nḥsj*⁷.

Истолкование эпитета *ḥtp* также дискуссионно. Однозначный его перевод («умиротворенный, замиренный» и т.п.) в контекстах разных источников неоднократно подвергался сомнению (Edel 1955, 52 ff.; Edel 1960, 21 ff.; Dixon 1958, 45 ff.; Simpson 1959, 24; Goedicke 1966, 174; Goedicke 1981, 12; Edel 1981, 57, 63). В частности, Э.Эдель предположил (и был поддержан рядом специалистов), что в некоторых контекстах можно выделить дополнительное значение этого эпитета — «наемный», а также глаг. *shtp* — «нанимать», применительно к служилым чужеземцам (т.е. уже «замиренным»). Аргументация проводилась при поддержке двух свидетельств.

1. Надпись K3r из Эдфу:

jw štp.n(.j) ḥ3s.t(jw) nb n ḥnw r mnḥ, rjs(.j) ḥr.s ḥzj.kwj ḥr.s jn nb(.j) — «(вот) усмирил я *ḥ3s.tjw* всех (для) резиденции отменно, и я контролировал⁸ их так, что хвалим был за это господином своим».

2. Текст из гробницы S3b-nj в Кубат ал-Хава (Habachi 1981, 19 ff. Fig. 5)⁹ (царь послал его в W3w3.t построить корабли для отправки двух обелисков в Гелиополь):

jw prj.kwj r W3w3.t ḥnḥ t3z.w.t n(w).t (mšḥw)(.j?)-5 *ḥ3.w štp(w).n(.j) ḥr jmn.t.t / j3b.t.t nj.t W3w3.t r jn t3z.t nj.t (mšḥt)(.j) m ḥtp* — «(вот) отправился я в W3w3.t вместе с отрядами, (состоявшими) из 5 солдат и варваров, которых я усмирил на западе и востоке W3w3.t, чтобы отвести (обратно) отряд своих солдат в спокойствии».

Контексты надписей K3r и S3b-nj с критических позиций по отношению к интерпретации Э.Эделя проанализировал Х.Гёдике (Goedicke 1981). Его вывод остался однозначным — глг. *štp* следует переводить как «замирать, умиротворять» без всякого экономического оттенка¹⁰. Процесс *štp* мог производиться как в результате военных действий, так и мирным путем, в ходе проникновения египтян на неподвластные им нубийские территории¹¹.

Следует отметить, что в значении «умиротворять, удовлетворять» глг. *štp* (либо прилаг. *ḥtp* «довольный, удовлетворенный») употребляется также в надписях, сообщающих о плате мастерам за сооружение гробниц и заупокойных памятников¹². Здесь словоупотребление *ḥtp* / *štp* связано с вознаграждением и всяческими благами, которые получал за свою работу мастер. Однако и в текстах такого характера наблюдаемая омонимия «нанимать» < «удовлетворять» является относительной, так как толкование *štp* как «найма», по крайней мере по надписи на мнимой двери Mnj (Urk. I. 23, 9), не действует. Кроме того, «процедура» *štp* происходила по окончании работы. Таким образом, в контексте этих надписей более уместным для глг. *štp* является значение «удовлетворять», что, впрочем, не меняет понимание сути работы по найму¹³.

Таким образом, наименование *štp* «добрый, замуренный» применительно к нубийцам обусловлено обстоятельствами их давней службы внутри Египта. Между тем существование наемничества не позволяет найти точного эквивалента в египетской терминологии для его обозначения как экономического института.

Данные ономастики ÄTAR (AB 161, 199) и употребление формулы *nḥsj nb sbj.tj.fj* свидетельствуют о подчиненном положении восставших

нубийцев. Содержание текстов, впрочем, не позволяет связать службу упомянутых здесь лиц с «наемничеством».

Интересные данные предоставляет и скудная терминология ÄTAR.

Помимо *ḥnh-Wnjs*, представленного здесь в качестве верховного вождя восставших, можно выделить шестерых так называемых «начальников загона / ограды» — *jmj.w-r3 šnw* (AB 123; 73; 206/226; 144/178; 17/RB 6; RB 47)¹⁴. Все они носят чисто нубийские имена, да и сам *ḥnh-Wnjs* сохранил родное имя *Jšrs*. По надписи *Ppj-nḥt* известно, что *jmj.w-r3 šnw* являлись детьми *ḥk3.w-ḥ3s.w.t* — правителей (нубийских) земель, причем в египетской номенклатуре титул не присутствовал (об этом титуле см.: О'Коннор 1986, 43 ff.). В таком случае титул *jmj.w-r3 šnw* является египетским переводом туземного титула, где под «оградой» подразумевалось, видимо, место оседлости определенного племени в составе некоей «конфедерации». Итак, нубийцы, перечисленные в ÄTAR, находились под египетским господством, вероятно, с конца V дин. Поэтому термин «мятежники» употреблен здесь закономерно, в своем сугубо «египетском» значении. Выяснить, при каких обстоятельствах могло произойти это восстание, возможно лишь при уточнении датировки захоронения сосудов с текстами.

Датировка текстов представляет сложность; хотя на 3 сосудах и сохранились датирующие отметки, относящиеся к году *(m)-ḥt zp-5 (tnw.t jh)*, т.е. к 10-му году правления неизвестного царя (AB — *(m)-ḥt zp-5, jbd-3 prw.t, hrw-29*; J — *(m)-ḥt zp-5, jbd-3 prw.t, hrw-22*¹⁵; RK — *(m)-ḥt zp-5, jbd-2 prw.t, hrw-5*), которые позволяют установить, что весь «ритуал», связанный с погребением сосудов, длился в течение 2 месяцев. Между тем имя царя не указано, поэтому относительная датировка может быть установлена по ономастическим данным, так как в текстах зафиксировано 2 базилеофорных имени — *ḥnh-Wnjs* (AB 199) и *ḥnh-Ttj* (AB 161). Благодаря этим данным становится ясным, что все лица жили при VI дин. и после смерти первого представителя этого дома *Ttj*. Следовательно, под датировку подходят правления царей *Ppj I*, *Mrj-n-R^c* и *Ppj II*. Издатель текстов Ю.Озинг ориентировочно датирует их правлением последнего (ÄTAR I. 131). Между тем его аргументы не кажутся убедительными. Рассмотрим все возможности.

Последние известные годы правлений *Ttj* и *Ppj I* известны по Хатнубским граффити, это годы «счета» *(m)-ḥt zp-6* и 25, т.е. 12-й и 49-й годы правлений соответственно (Anthes 1928. Taf. 9, 4; Urk. I. 95, 16). Последний год *Mrj-n-R^c* устанавливается по «жизнеописанию» *Wnj* и его надписи в Хатнубе — 6 / *(m)-ḥt zp-6 (tnw.t jh)*, т.е. 11–12-й годы

правления (Urk. I. 108, 7; ср. Anthes 1928. Taf.5=Urk.I.256, 18; 109, 3 — еще 1–2 гр.). Это свидетельство опровергает сомнения Ю.Озинга в том, что ÄTAR не могли быть составлены при *Mrj-n-R^c*.

Следует учесть, что базилеоформное имя, строго говоря, является хронологическим индикатором только в качестве *terminus post quem*. Однако для нубийцев они являлись вторичными, что позволяет предположить синхронность *ʿnh-Wnjs* и *ʿnh-Tij* соответствующим царям (ср. ÄTAR I. 132). В таком случае при *Mrj-n-R^c* *ʿnh-Wnjs* было не менее 72 лет, а при *Ppj II* — не менее 84. Варианты престарелого возраста *ʿnh-Wnjs* можно принять, если учесть, что он был верховным вождем мятежников с египетским титулом *hk3-h3s.w.t* «властитель чужеземных стран» и упоминается в ÄTAR 1 раз. К тому же цифровые данные можно сократить, если принять тезис о соправлении царей *Mrj-n-R^c* и *Ppj II*, источники по которому, впрочем, исчерпываются печатью с серехами обоих царей (Kaplony 1981. Taf. 112, *Mrj-n-R^c / Nfr-k3-R^c 1*; 1977, 411 ff.) и надписью *Mrj-n-R^c / Nfr-k3-R^c* на о.Элефантина (Kaiser 1976, 78 ff.), но которое также предполагается по содержанию надписи *Hwj.f-Hr*¹⁶.

Итак, датировка ÄTAR колеблется в пределах царствований *Ppj I* — *Mrj-n-R^c* — *Ppj II*. Для ее уточнения следует обратить внимание на данные источников по военной деятельности царей VI дин. в Нубии. Об интересе египетского двора к Нубийским делам свидетельствуют граффити *Nj-sw-hwj*, *Jdj* и пр. из Тумаса, которые были посланы сюда для инспекции (*wb3*) (ср. Kadish 1966, 29 ff.) во времена царя *Nfr-z3-Hr*, т.е. в первые годы правления *Ppj I* (Weigall 1978. Pl. 58; Urk. I. 208 f.). Однако ничего тревожного об обстановке в Нубии в те времена в них не сообщается.

Интересно для данной проблемы событие последних лет правления *Mrj-n-R^c*, известное по 3 надписям из Элефантинского нома (точно датируются, правда, лишь 2). Первая найдена на стене скальной ниши на о.Элефантина и датируется годом *zp-5 tnwt, jbd-2 smw, hrw-24* (Kaiser 1976, 78 ff.):

prj.t-ʿkj.t njswt ds.f, jrj.f skr hk3.w-h3s.w.t; njsw.t-bj.tj Mrj-n-R^c ʿnh-d.t — «Поход (букв. «выход и вход») царя самого, (чтобы?) творить убийства властителей чужеземных стран; царь Верхнего и Нижнего Египта *Mrj-n-R^c*, да живет вечно».

Вторая (Urk. I. 110, 10–16) и третья (Urk. I. 111, 5–11)¹⁷ зафиксированы на о.Хессе (ал-Хейса, I катаракта):

(*ntr nfr nb-t3.wj Hr 'nh-h'w*) *njsw.t-bj.tj Mrj-n-R^c mrj Hnmw nb* [*Kbhw*] (*'nh mr w3s*); (*rnp.t*) *zp-5, jbd-2 šmw hrw-28* [*prj.t*]-*'kj.t* [*njsw.t*] *ds.f, 'h'c* (во 2-ой надписи — *h'j*) *hr z3 h3s.t, (m33[t ntjw m h3s.t]) jst hk3w-3 n.w Md3, Jr(r)tt, W3w3.t hr sn-t3 rdj.t j3w* [*'3 wr.t*] — «(Бог молодой, владыка обеих земель, *Hr 'nh-h'w*), царь Верхнего и Нижнего Египта *Mrj-n-R^c*, любимый Хнумом, владыкой “земель I катаракты”, (да живет согласно благосостоянию). В 5-й год счета — 2-й месяц *šmw* 28-й день — поход царя самого, чтобы стать (вар. «сиять») на спину вражеской стране, (видя тех, кто в чужеземной стране), и 3 вождя *Md3, Jr(r)tt, W3w3.t* целуют землю и творят весьма великий поклон».

Эти граффити датированы 4 днями позже 1-й надписи. Если принять датировку *ĀTAR* временем *Mrj-n-R^c*, тогда выходит, что они были составлены 6–8 месяцами позже указанных граффити. В пользу датировки *ĀTAR* правлением *Mrj-n-R^c* говорят и другие данные. Этим временем датируется начало самостоятельной деятельности первого эфептинского губернатора Нубии (*jmj-r3 h3s.w.t*) *Hwjf-Hr* (Urk. I. 124, 2). При этом свидетельство 1-й надписи из Элефантины о второстепенном положении *Ppj II* как царя — соправителя *Mrj-n-R^c*, выразившееся в добавлении его картуша к надписи его брата, пересекается с данными автобиографии *Hwjf-Hr*, так как письмо царя *Ppj II*, датированное годом 2-го счета (т.е. 3-й год правления), было отправлено, по видимому, еще при жизни *Mrj-n-R^c* (Urk. I. 126–127, 128, 3; см.: Kaplony 1981).

На основании этих соответствий можно сделать два важных предположения.

Следует подчеркнуть прежде всего роль карательного похода *Mrj-n-R^c* как последнего военного предприятия резиденции против Нубии, так как создание эфептинской системы ее управления (т.е. переход полномочий по делам южных рубежей из резиденции в сферу деятельности эфептинских номархов) было осуществлено в самом конце его царствования¹⁸, что можно рассматривать как прямое следствие похода, предпринятого на рубеже 8–9-го гг. правления этого царя.

Очень туманным является вопрос о судьбе мятежников. Представляется, что поименная перепись восставших произошла после подавления мятежа. Кроме того, в списки были внесены только живые, т.е. пленные мятежники, так как тексты аналогичного характера обнаруживают последовательность при указании фактов жизни или смерти определенных лиц пометками *škrw* «убитый» или *mtj* «мертвый».

Уточнение в Элефантинской надписи *Mrj-n-R^c* — *jrj.f* (т.е. царь) *skr* — нельзя рассматривать как свидетельство тотального истребления восставших, так как оно касается только вождей *hk3-h3s.w.t*. Кроме того, в более поздней надписи царь, по-видимому, дарит милость вождям, что ставит под вопрос и точность понимания 1-й надписи.

Из многих текстов (например, по поучению *Mrj-k3-R^c* Е 1–24; последнее изд-е: Quack 1992) известно, что мятеж являлся страшнейшим видом преступления, а его устроители заслуживали мучительной казни. Следует иметь в виду, что ритуальное значение ÄTAR довлело над политическим. В заупокойных храмах многих царей Старого царства были обнаружены статуи связанных пленников, головы которых были отбиты от торсов и лежали отдельно¹⁹. Уже издатели статуй из храма *Prrj I* Ж.-Ф.Лоэр и Ж.Лаклан квалифицировали обезглавливание статуй как часть ритуала по уничтожению врагов, который зафиксирован в Текстах Пирамид (Руг. 692с, 1925е-г, 2186а-б). Более того, ритуал уничтожения врагов имел характер жертвоприношения покойному царю (Leclant 1956, 141 sqq.), что подчеркивает роль Хеопса и значительность его культа у последующих поколений. В качестве казни для мятежников практиковалось также сожжение и потопление в специальной клетке (Grimm 1989, 111 ff.).

Между тем вопрос о конкретном месте наказания военнопленных, т.е. были ли они уничтожены на родине или же в резиденции — месте находки ÄTAR, остается неясным, несмотря на данные граффити. Непонятным остается и вопрос о причине захоронения ÄTAR в Гизе, а не в Саккара, поле пирамид VI дин. (ср. местонахождение «текстов проклятий» XVIII дин.: Posener 1958, 152 ff.).

Все опубликованные тексты такого плана содержат важные сведения о конкретных событиях, связанных с захоронением фигурок иноземных врагов, а также, вероятно, и с проведением ритуального обезглавливания статуй и т. п. Результаты уточнения датировки захоронения серии ÄTAR в Гизе и попытки увязать это событие с фактом похода *Mrj-n-R^c* в Нубию позволяют заключить, что весь ритуал происходил по окончании карательных походов и экспедиций. Таким образом, организация наказания мятежников преследовала две цели, главная из которых, судя по ÄTAR — предохранение от последующих мятежей в подвластной Нубии и Египте.

Возможно, этот вывод о формальных обстоятельствах возникновения ÄTAR можно распространить и на прочие тексты такого характера, дошедшие от разных эпох древнеегипетской истории.

- 1 Полная сводка известных «текстов проклятий» (в том числе и неопубликованных) приводится Ж. Познером (Posener 1987, 1–6). Тексты Старого царства — I Переходного периода — Posener 1987, 2; 4; см. также: Wimmer 1993, 87–101.
- 2 Большинство стран в источниках Старого царства не засвидетельствовано (ÄTAR II 146). К локализации некоторых Нубийских земель в эпоху Старого царства из последних работ см.: O'Connor 1986, 37–50.
- 3 К толкованию *p3.t* и *rhj.t* см.: Берлев 1972, 97 и сл.
- 4 Формулы схожи с известными из других серий «текстов проклятий» (см., например: Sethe 1976, 220–222; 240 ff.).
- 5 Ср. граффити *Mrrj* (Petrie 1900. Pl. 8c; Fischer 1968, 138 ff.) — *nhjs.w n.w h3s.t*, которые упоминаются в качестве гостей в Дендера, в отличие от *3w nw Jwnt*, находившихся под контролем *Mrrj*; *šmw.w* (*šm^c.w*, *šm3w*) (Wb. IV, 481; Fischer 1960, 47; 52 ff.) и т. д. (к противопоставлению *3.w* - *šmw.w* см.: Fischer 1968, 139). См. также: Goedicke 1966; Kadish 1966, 29 ff.; Habachi 1981, 19 ff. — стела *S3b-nj* с упоминанием *h3s.tjw* (у Хабаши — *h3s.w.t*) и др.
- 6 Полная сводка приведена в статье: Chevreau 1987, 23–33.
- 7 В ходе военных действий — напр., надписи *Ppj-nht* (Urk. I. 134, 4), *Hwj. f-Hr* (Urk. I. 126. 3, 11); *K3r*; *Mrrj-R^c-nfr* (Urk. I. 255, 4); надпись из Тумаса (Weigall 1978. Pl. 58); см. также Wb. IV. 222 ff.
- 8 *Rjs.j* — букв. «сторожу, храню бдительность» и т.п.
- 9 Датировка: конец VI дин. — начало I Переходного периода.
- 10 Следует отметить, что *S3b-nj* привел «варваров» вместе с пятью своими солдатами (ср. Habachi 1981, 20), и «усмирение» этих «варваров» (в данном случае — «принятие на службу») не было связано с необходимостью постройки кораблей. Напротив, отряды *3.w*, судя по содержанию, находились под командованием *S3b-nj* уже в Элефантине и входили в состав отрядов (*3zwf*), вышедших вместе с ним в *W3w3t*. Настоящее чтение идеограммы с условным значением (*m3^c*) затруднительно, но в одном месте оно дополнено -w, а в другом — -t (т.е. *m3^c3t* «пехота»?).
- 11 См. контексты: *sgrh.n.f hrjw-s^c*, *šhtp sbj.t hr jr.t sn* (Janssen 1946, 46); *šhtp.n.j jmn.t.t mj kdf* (Merikara E 82), где ликвидация мятежа посредством «умиротворения»-*šhtp* не предполагает того, что военные операции завершились для мятежников без крайних для них последствий.
- 12 О проблеме в целом см. в особенности: Helck 1956, 63 ff. Ю.Я.Перепелкин не согласен с трактовкой процедуры *šhtp* как найма (Перепелкин 1988, 112 и сл.). Отмеченные значения глаг. *šhtp* зафиксированы в словаре — Wb. IV. S. 222.
- 13 Ср. выражение *h3p m h3mt* — «удовлетворять по договору» в намп. *Nfr-hr-nj-Pth* (Grdseloff 1942, 33).

- 14 Ср., например, переводы: Fischer 1961 (*šnw* «courtiers»); O'Connor 1986, 45 — *šnw* «military forces», и др.
- 15 В публикации Х.Юнкера — 4-й день (Giza VIII. S. 30 ff., Abb. 8).
- 16 Х.Гёдике скептически отнесся к возможности использования датировочных формул автобиографии *Hwj.f-Hr* как свидетельств о соправлении (Goedicke 1981, 1).
- 17 Не датирована, прочие различия в текстах 2-х надписей заключены в круглые скобки, восстановления в тексте К.Зете — в квадратные.
- 18 О проблеме см., в особенности: Martin-Pardey 1976, 178 ff.; 189 ff.; Zibelius-Chen 1990, 353 ff.
- 19 Материал по изображениям обезглавленных пленников в пластике Старого царства сведен в статье: Lauer, Leclant 1969 (*Ppj* I). P. 60, п. 1–5 (*Nj-wsr-R^c, Jzzj, Ttj, Ppj* II); см. также: Lauer 1977, 204 sqq. Pl. 1–6; Müller 1992, 105–107 (*Dd.f-R^c*); Posener 1987, 2 и др. См. также: Abd er-Razeq 1995, 7 ff.

Литература

- Берлев 1972 — Берлев О.Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. Л., 1972.
- Перепелкин 1988 — Перепелкин Ю.Я. Хозяйство староегипетских вельмож. М., 1988.
- Abd er-Razeq 1995 — Abd er-Razeq E.M. A Note on the Difference between Execration Staues and Prisoner Statues // Göttinger Miscellen: Beiträge zur ägyptologischen Diskussion. Göttingen, 1995. Bd. 149.
- Anthes 1928 — Anthes R. Die Felseninschriften von Hatnub. Berlin, 1928.
- ASAE — Annales du Service des Antiquités de l'Égypte, Le Caire.
- ÄTAR I — Abu Bakr A.M., Osing J. Die Ächtungstexte aus dem Alten Reich (I) // MDAIK. 1973. Bd. 29.
- ÄTAR II — Osing J. Die Ächtungstexte aus dem Alten Reich (II) // MDAIK. 1976. Bd. 32.
- Chevreau 1987 — Chevreau P.-M. Contribution à la prosopographie des cadres militaires de l'Ancien Empire et de la Première Période Intermediaire // RdE. 1987. T. 38.
- Dixon 1958 — Dixon A. The Land of Yam // JEA. 1958. Vol. 44.
- Edel 1955 — Edel E. Inschriften des Alten Reichs V // Festschrift f. Grapow. Berlin, 1955.
- Edel 1960 — Edel E. Inschriften des Alten Reichs XI // Zeitschrift für ägyptische Sprache, Berlin, 1960. Bd. 85.
- Edel LÄ — Edel E. «Kubbet el-Hawa» // Lexikon der Ägyptologie I–VI. Wiesbaden, 1975–1986. Vol. 5.
- Fischer 1960 — Fischer H.G. The Nubian Mercenaries of Gebelein during the 1st Intermediate Period // Kush. Khartoum, 1960. Vol. 9.

- Fischer 1961 — *Fischer H.G.* An Occurrence of *hnn-nswt* «Ehnasya» on two Statuettes of the Late Old Kingdom // *Journal of the American Oriental Society*. New York; New Haven; Boston, 1961. Vol. 81.
- Fischer 1964 — *Fischer H.G.* Inscriptions from the Coptite Nome. Roma, 1964.
- Fischer 1968 — *Fischer H.G.* Dendera in the 3rd Millenium B.C. New York, 1968.
- Gardiner 1915 — *Gardiner A.H.* The Egyptian Word for «Dragoman» // *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*, London, 1915. Vol. 37.
- Goedicke 1960 — *Goedicke H.* The Title *jmj-r3 3w* in the Old Kingdom // *JEA*. 1960. Vol. 46.
- Goedicke 1966 — *Goedicke H.* An Additional Note on 3 «Foreigner» // *JEA*. 1966. Vol. 52.
- Goedicke 1981 — *Goedicke H.* Harkhuf's Travels // *JNES*. 1981. Vol. 40 (1).
- Grdseloff 1942 — *Grdseloff B.* Deux inscriptions juridiques de l'Ancien Empire // *ASAE*. 1942. T. 42.
- Grimm 1989 — *Grimm A.* Der Tod im Wasser // *SAK*. 1989. Bd. 16.
- Habachi 1981 — *Habachi L.* Identification of Hekaib and Sabni whis Owners of Tombs in Qubbet el-Hawa and their Relationship with Nubia // *Sixteen Studies on Lower Nubia*. Le Caire, 1981.
- Helck 1956 — *Helck H.* Wirtschaftliche Bemerkungen zum privaten Grabbesitz im Alten Reich // *MDAIK*. 1956. Bd. 14.
- Janssen 1946 — *Janssen J.* De traditioneele egyptische autobiografie voor het Nieuwe Rijk. Leiden, 1946.
- JEA — *Journal of Egyptian Archaeology*, London.
- JNES — *Journal of Near Eastern Studies*, Chicago.
- Kadish 1966 — *Kadish G.E.* Old Kingdom Egyptian Activity in Nubia: Some Reconsiderations // *JEA*. 1966. Vol. 52.
- Kaiser 1976 — *Kaiser W. et al.* Stadt und Tempel von Elephantine VI // *MDAIK*. 1976. Bd. 32.
- Kaplony 1981 — *Kaplony P.* Die Rollsiegel des Alten Reichs. Brussel, 1977. Bd. II A; Brussel, 1981. Bd. II B.
- Lauer 1977 — *Lauer J.-Ph.* Rapport sur les travaux a Saqqarah // *ASAE*. 1977. T. 62.
- Lauer, Leclant 1969 — *Lauer J.-Ph., Leclant J.* Découverte de statues de prisonniers au temple de la pyramide de Pépi I // *RdE*. 1969. T. 21.
- Leclant 1956 — *Leclant J.* Le mascarade des boeufs gras et le triumphe de l'Égypte // *MDAIK*. 1956. Bd. 14.
- Merikara — *Golenischeff W.S.* Les papyrus hiératiques nos. 1115, 1116A et 1116B de l'Ermitage Imperial à St.Petersbourg. Spb., 1913.
- Martin-Pardey 1976 — *Martin-Pardey E.* Untersuchungen zur ägyptischen Provinzialverwaltung, bis zum Ende des Alten Reiches. Hildesheim, 1976.
- Müller 1992 — *Müller H.W.* Gedanken zu einem Köpfchen von der Figur eines gefesselten Libyers (?) // *MDAIK*. 1992. Bd. 48.

- MDAIK — Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Instituts. Abteilung Kairo; Wiesbaden; Mainz.
- O'Connor 1986 — *O'Connor D.* The Location of Yam and Kush and Their Historical Implications // *Journal of the American Research Center of Egypt*. Boston, 1986. Vol. 23.
- Petrie 1900 — *Petrie W. M. Fl.* Denderah. London, 1900.
- Posener 1940 — *Posener G.* Princes et pays d'Asie et de Nubie. Bruxelles, 1940.
- Posener 1958 — *Posener G.* Les Empreintes magiques de Gizeh et les morts dangereux // MDAIK. 1958. Bd. 16.
- Posener 1966 — *Posener G.* Les textes d'envoûtement de Mirgissa // *Syria*. Paris, 1966. T. 43.
- Posener 1987 — *Posener G.* Cinq figurines d'envoûtement. Le Caire, 1987.
- Pyr. — *Sethe K.* Die altägyptischen Pyramidentexte. Leipzig, 1908–1922. Bd. I–IV.
- Quack 1992 — *Quack J.F.* Studien zur Lehre für Merikara. Wiesbaden, 1992.
- RdE — *Revue d'Égyptologie*, Paris.
- SAK — *Studien zur altägyptischen Kultur*, Wiesbaden.
- Sethe 1976 — *Sethe K.* Die Ächtung feindlicher Fürsten, Völker und Dinge // *Sethe K.* Leipziger und Berliner Akademieschriften. Leipzig, 1976.
- Simpson 1959 — *Simpson W.K.* Historical and Lexical Notes on the new Series of Hammamat Inscriptions // *JNES*. 1959. Vol. 18.
- Urk. I — *Sethe K.* Urkunden des alten Reiches. Leipzig, 1932–1933. Ht. 1–4.
- Wb. — *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Berlin, 1982. Bd. I–V.
- Weigall 1978 — *Weigall A.A.* Report on the Antiquities of Lower Nubia. 2nd ed. Oxf., 1978.
- Wimmer 1993 — *Wimmer S.* Neue Ächtungstexte aus dem Alten Reich // *Biblische Notizen: Beiträge zur exegetischen Diskussion*. Bamberg, 1993. Bd. 67.
- Žaba 1974 — *Žaba Z.* Rock Inscriptions of Lower Nubia. Prague, 1974.
- Zibelius-Chen 1990 — *Zibelius-Chen K.* Die Frage einer Expansion Ägyptens im Alten Reich // Beiheft SAK. Hamburg, 1990. Bd. 4.

I.V. Bogdanov

NOTES ON THE «EXPULSION TEXTS» FROM THE OLD KINGDOM

In the research an attempt of synchronizing «the expulsion texts» from the Old Kingdom, published by A.M. Abu Bakr and J. Osing, with the Elephantine graffiti dating back to the time of meeting of *Mrj-n-R'* and *Ppj II'* reigns, is carried out. Specifying the date of creating the texts as the time of these kings' reign and establishing the chronological parallels to the graffiti evidences enables to stress the importance of the punitive expedition of *Mrj-n-R'*, which happened in the 8–9th year of this king's rule, as the last war undertaken by the residence against Nubia. Also it lets to claim that creating the elephantine system of its governing which implies the transfer of the commission on the southern frontiers' affairs from the hands of the residence under the elephantine nomarchs' power, who served as «overseers (*jmj.w-r3*) of the foreign

countries», was carried out in the beginning of his reign and came as the direct consequence of the expedition. The expedition was induced by the uprising of the subject Nubian tribes led by their ruler *ḥkꜣ-ḥꜣs.w.t*.

The «expulsion texts» draw a number of important details on the certain events associated with the burial of the images of the Nubian mutineers as well as with the ritual of beheading the images of the enemies. More precise dating of the «expulsion texts» burial in Giza enables to establish the connection between this event and the expedition and, since the texts were composed 6–8 months later than the date mentioned in graffiti, it leads us to conclude that the whole ritual took place after the expedition of *Mrj-n-R^c*.

И.В.Богословская

ВИДЫ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ УКРАШЕНИЙ

Потребность в исследовании всех сторон этнознаковой системы, коей является «визитная карточка» человека — костюм (включая все дополнения), назрела уже давно. Хотелось бы понять, как функционирует данный комплекс в каждой реальной культуре. В то же время область материальной культуры с ее гораздо более открытым для инноваций полем, чем идеологически осмысленные вербальные структуры этнической культуры, дает возможность проследить отдельные штрихи заимствований, а в некоторых случаях выявить закономерности появления инноваций (Арутюнов 1989, 83).

Традиционная культура любого народа имеет строго определенный набор элементов. В данном случае нас интересует комплект дополнений к костюму — так называемые «украшения». Термин употребляется специалистами по этнологии условно. Собственно «украшений», т.е. предметов декоративно-прикладного искусства, подбор которых зависит только от эстетических потребностей индивида и стилистики его внешнего облика, ни одна традиционная культура не знает.

Культура древних египтян на протяжении всего времени своего существования включала почти все виды дополнений к костюму — то, что мы называем теперь словом «украшения». С точки зрения реконструкции набора существовавших украшений, следует отметить, что этническим маркером является комплект «среднего» египтянина, однако подобная реконструкция наиболее затруднительна, так как материала осталось ничтожно мало. Верхи общества пользуются избыточным комплектом, низы — недостаточным. Эстетический идеал этноса помещается в центре. Имея в распоряжении не совсем соответствующую

щий нашим задачам материал (чаще всего опубликованы именно погребения царей и близких к ним чиновников), приходится, опять же, ориентироваться на отражение того или иного элемента костюма в изобразительных источниках.

Свой анализ мы начнем с рассмотрения египетских украшений додинастического периода. Согласно исследованиям Х.А.Кинк, Египет IV тыс. до н.э. знал несколько видов украшений: 1) кольца, 2) браслеты ножные и ручные, 3) бусы.

В отношении серег, подвесок, ушных палочек и т.п. предметов, распространенных во многих регионах мира, Кинк, ссылаясь на ряд работ, где утверждалась теоретическая возможность их использования, тем не менее вынуждена признать: «никаких данных у нас нет» (Кинк 1976, 74)

Неразработанность формы ранних украшений не дает основания указать на какие-либо их этнические признаки. Обращает на себя внимание наличие определенных символов, знакомых нам по более поздним эпохам (скажем, образ сокола, «серех» — символ дворца с тем же соколом). Часть колец, браслетов украшена изображениями зооморфного типа. Впрочем, для этого периода трудно объяснить, с чем связано их образное решение. Если же говорить о материале изделия, то чаще всего мы имеем дело с изделиями из цветных металлов (медь, золото). В додинастический период уже можно отметить известные предпочтения в цвете и виде камня. Полный обзор употреблявшихся в египетских ювелирных изделиях камней приведен в книге А.Лукаса (Лукас 1958, 583–608). Из нее становится ясно, что египетская культура признает не символику камня, а символику цвета. Характерно, что набор камней достаточно ограничен по сравнению с природными ресурсами страны. К тому же в изделия на равных правах используются материалы, относящиеся к группе полудрагоценных камней, и вспомогательные. Особенно показательно существование изделий из различных стекловидных паст, подчас заменявших редкие материалы, например, лазурит, доставлявшийся из Бадахшана, но часто использовавшихся и без видимых причин в качестве равноправного с камнем материала (Лукас 1958, 292). В царских изделиях наравне с камнем употреблялась также окаменелая смола (не путать с янтарем!), и в виде самостоятельного материала (двойной перстень из гробницы Тутанхамона), и попеременно с камнем: ожерелье из смолы и лазурита, серьги из смолы и золота (Лукас 1958, 586).

О том же свидетельствует и нередкая замена одного камня другим. Для того чтобы добиться эффекта нужного цвета, вместо сердолика применялся просвечивающий кварц, помещенный на красное связующее вещество (Лукас 1958, 591). Аналогичные приемы, типичные для царских памятников (маска Тутанхамона, например), показывают: материал имел второстепенное значение по отношению к цветовой характеристике. Другой причиной подобного феномена может являться достаточно высокая цена искусственных материалов в древности, причем, дополненная в сознании ритуализацией самого производства (последнее предположение высказано в личном разговоре специалистом по африканской культуре Ю.К.Поплинским).

Использование металла в ювелирных изделиях фиксируется с самого начала внедрения металлов в культуру. Наряду с металлом применялось и дерево (Павлов, Ходжаш 1959, 70) — явление достаточно редкое. Употреблялись кость, раковины и, конечно, чистый камень. Позднее для изготовления многих элементов украшений, как и самого изделия, стали применять фаянс. Закономерности в использовании материала проследить также не удастся, но обработка данных может выявить социально-дифференцирующую роль украшения, причем для каждого отрезка времени явно свою.

Следует помнить: тот или иной материал, ценный для одной культуры, может не восприниматься другой. Чаще всего подобные явления фиксируются на широко распространенном в природе или быту материале. Пример — малахит, широко распространенный в Египте в качестве краски для глаз и слишком привычный для того, чтобы стать знаком престижа. То же можно сказать о гематите, хотя эту «железную руду» все же очень редко, но использовали (Лукас 1958, 596–597).

Но, как справедливо указывают в своей работе В.Павлов и С.Ходжаш, «древнейший художник в большей степени шел еще здесь ощупью» (Павлов, Ходжаш 1959, 70). Однако думается, «размытость» формы, произвольный подбор цветовой гаммы и образных решений прежде всего связан с неустоявшимися канонами традиции. Форма знака еще не сложилась, поскольку не устоялось еще само мировоззрение египтянина, социальная и этническая структура его жизни. В процессе формирования общества происходила выработка канонов искусства и одновременно ремесленник искал образ своего произведения. Вряд ли мастер, создававший композиции «палеток», требующих уже достаточного опыта, не мог подобрать камни в бусы. Просто в этот момент украшение — только «оберег». Цвет, материал интересу-

ют опосредованно. В украшениях лишь отчасти прослеживается половозрастная функция. До конца проанализировать, выявить мы ее не можем, но по аналогии с другими культурами мира предполагаем, что в том или ином виде она присуща всем комплектам украшений.

Находки времени I дин. в Гизе гораздо более детализированы по форме и отражают более разветвленную структуру представлений. Знак сокола на изображении дворца говорит о появлении «царской» символики, знаков власти (Aldred 1971. Pl. 1). К видам украшений добавляются головные: диадема «принцессы» из золота с розетками по обручу (op.cit. Pl. 4). А вот изобразительные источники этого периода удивительно неинформативны. Создается впечатление, словно авторы скульптур или рельефов опускают все внешнее. Конечно, есть исключение, поскольку налицо только общая тенденция к передаче обобщенного образа, но не деталей.

Статуя Нофрет (Westendorf 1968, 35) предлагает новый вид шейного украшения: воротник-ожерелье. Широкий полосатый воротник окаймлен подвесками, по форме и пропорциям напоминающий ожерелье «неизвестной принцессы» (Vilimkova 1969. Taf. 6). На головной повязке Нофрет к цветочным розеткам добавляется цветок лотоса — излюбленный символ в египетском искусстве. На статуе Раххотепа можно рассмотреть амулет на тонком обруче или тесьме — «сердце».

Некоторые женские изображения показывают, что вместе с воротником-ожерельем носили в это время некое шейное украшение, по-видимому, плетеное или из мелких бус, которое завязывали непосредственно на шее. Употреблять его могла и царица Хетеп-херес II (Wenig 1967, 9) и танцовщицы (op.cit., 14–15). Впрочем, учитывая, что художник скорее всего в эту эпоху и не видел царицы и не знал, каков ее наряд, возможно, что так он представлял себе некий идеальный образ царицы. Отмечены на изображениях и браслеты на запястьях (Westendorf 1968, 49), и ножные (Wenig 1967, 12, 14–15). Одно из изображений танцовщиц в гробнице Меху (Саккара, VI дин.) показывает и «противовес» — тяжелую часть воротника-ожерелья, спускавшуюся на спину. У изогнувшихся в танце женщин он словно бы взметнулся, подчеркивая движение (op.cit., 19). В целом изобразительная система Древнего царства избегает передавать детали.

От времени Среднего царства дошли уже вполне разработанные по форме, очень точные по рисунку и вполне сложившиеся по символике украшения. К сожалению, из-за недостатка сведений мы можем судить лишь об украшениях царей или лиц, близких к верхам общества.

Воротник-ожерелье Сенеб-тиси из Лишта имеет противовесы — застежки в виде головы сокола (Aldred 1971. Pl. 7), головная повязка из фаянсовых бусин с золотом сзади дополнена изображением кобры, висящей вниз головой (op.cit. Pl. 9). Особенно показателен по семантике набор украшений принцессы Хнумет из Дашура (XII дин.) (op.cit. Pl. 11, 12). Здесь основным звеном во многих элементах становится иероглиф — благожелательный символ. В этот период утончаются и технические приемы.

Наряду с традиционными видами украшений распространяется пектораль-подвеска на цепочке из бус, ее носили на груди. Пектораль по художественному и символическому языку сразу занимает среди египетских украшений особое место. Композиции, используемые в пекторальных, свойственны, скорее, крупным предметам декоративно-прикладного искусства: спинке колесницы, крышке шкатулки, спинке кресла. За исключением того, что на пекторальных применялся статический тип композиции, в прикладном искусстве обычно применялся динамический (Vilimkova 1969. Taf. 66; Tutanchamun 1980. № 35).

Большинство пекторалей, в сущности, изображают беседку с какой-либо религиозной статуарной группой.

Существовали и другие формы подвесок, но все же важнейшим их свойством становится архитектурность (т.е. передача форм архитектуры или скульптурной группы в плоскостном решении) и прямое обращение к однозначно трактуемому символу. Таковы пекторали Сит-Хатор-Юнет из Лахуна (Aldred 1971. Pl. 24, 26).

В нескольких комплексах появляется новый тип браслета с элементами скульптуры (Vilimkova 1969. Taf. 21b; Aldred 1971. Pl. 28). Подобное решение, явно не свойственное природе ювелирного украшения, встречается достаточно часто. Например, плоский браслет с крепящимся на нем скульптурным изображением. Оно отражает символически-знаковую функцию, в то время как визуальная роль предмета игнорируется. Спрашивается, не являются ли такие вещи чисто погребальными? Трудно представить их употребление даже в ситуации торжественного царского выхода. Небольшие скульптуры опираются на предплечье и практически не воспринимаются взглядом человека. Более вероятно, что украшения предназначены потусторонним силам, а не реальному зрителю.

Особое место для истории древнеегипетских украшений имеет найденный Ф. Питри комплект украшений неизвестной женщины царского рода из Курны конца XVII дин. (Aldred 1971. Pl. 28). В этом слу-

чае впервые появляются серьги. Вернее, нечто вроде клипсов (ушное кольцо не вставляется в проколотую мочку, а зажимает ее в прорези). Второй тип серег сходен по решению, но у части кольца, состоящего из четырех спаянных проволочек, две крайние проволочки обрезаны и дужка из двух проволочек могла вставляться в проколотое ухо.

Необычно для Египта выглядит и золотое ожерелье, выполненное из толстой золотой проволоки, спаянное из четырех составных частей. Монохромное по цветовому решению, особенно в сочетании с другими элементами комплекса, ожерелье резко выпадает из круга общеегипетских представлений об эстетике украшений. Можно на данном этапе исследования только предположить, что мы имеем дело с заимствованием элементов чужой культуры (вероятно, у гиксосов).

Украшения рядовых египтян, дошедшие до нас из археологических комплексов, совершенно идентичны украшениям Раннего и Древнего царств: нитки бус, простенькие браслеты, но в компоновке бусин, конечно, прослеживается гораздо больше фантазии, игры материалами. В некоторых случаях подбираются по три-четыре бусины, двух чередующихся цветов, в некоторых — четырех цветов.

Изобразительное искусство времени Среднего царства также немного добавляет к уже имеющимся фактам. Чаще всего на скульптурах и в рельефе украшения отражены намеком, контуром. Можно констатировать, что египтяне сочли необходимым, при соблюдении прежней условности в деталях, на нескольких царских статуях показать амулет в виде сердца на тонкой нитке или цепочке, воротник-ожерелье (Wenig 1967, 23), пектораль (Müller 1970, 105–107. Taf. 68), несколько ожерелий (Wenig 1967, 25). Очень редко бывают переданы браслеты для рук (Westendorf 1968, 92). Можно сказать почти с уверенностью, что единственным женским элементом является набор ожерелий, не соединяемых в единое целое.

Видовой состав украшений времени Нового царства — наиболее полный. К этому времени складывается особый тип египетского костюма, имеющего в своей основе белый цвет. Все цветные ткани воспринимаются как принадлежащие «варварам», иноэтничные. Процесс этот начался уже в эпоху Среднего царства, но высшей точки развития достиг ко времени XVIII дин. В основе становления самосознания, отразившегося и на костюме, лежало столкновение египтян с культурой завоевавших их гиксосов. Костюм гиксосов неизвестен, но по тому, как подчеркнуто выделяли себя египтяне по сравнению с внешним обликом всех пришельцев в течение всего периода Нового царства

(Богословская 1999), можно выдвинуть гипотезу, что начало процессу было положено именно во 2-ом Переходном периоде. Многоцветный костюм остается принадлежностью изображения божеств, костюм египтян отныне белый с яркими цветными дополнениями-украшениями.

Виды украшений к этому времени установились, но усложнение элементов и появление новых типов продолжалось. Со времени XVIII дин. обычным и для рядового египтянина становится воротничко-ожерелье. Пожалуй, ни один элемент не носил столь четко выраженного этнического характера, судя по массовости его отображения на памятниках разных слоев населения. Дошли от XVIII дин. и образцы самих «воротничков» из фаянса, один из них хранится в Эрмитаже (вернее, элементы, составлявшие его некогда) (Ланда, Лапис 1974. Таб. 74). Воротничко-ожерелья мы видим и у детей (Champdor 1957, 142–143), девочек, прислуживающих за пиршественными столами (Westendorf 1968, 114–115, 118). В последнем случае весь наряд составляют одни украшения, включая тонкий пояс на бедрах, браслеты и диадемы. Что касается царского комплекса, то следует отметить нагрудные обереги, которые носили на шнурке или цепочке (Aldred 1971. Pl. 78) в виде богини Нехбет — коршуна или Уто-змеи.

Проникновение в быт серег, по-видимому, было встречено египтянами неоднозначно. По крайней мере до времени Аменхотпа III на изображениях частных лиц серьги не отмечены. Скульптурное изображение царицы Тэе (Westendorf 1968, 137) — едва ли не первое известное свидетельство появления серег среди других, чисто египетских украшений. Однако тип серег другой, нежели в находке из Курны. Они аналогичны алебастровым серьгам, найденным в Саккара (Vilimkova 1969, 31), т.е. представляют собой два диска на довольно толстом штыре, протыкавшемся через мочку. У третьего типа серег, дошедших от времени Тутанхамона, та же конструкция, но дополненная кольцом, подвесками или тем и другим (Aldred 1971. Pl. 83, 84). Кроме того, и в царских комплексах, и в наборах украшений частных лиц встречаются «пуговицы» — диск на штыре, вставлявшийся в мочку. Серьги-клипсы, т.е. кольца с разрезом, крепившиеся без отверстия в ухе, продолжали существовать до времени Туосрэ (op.cit. Pl. 93, 94), но в чисто египетском полихромном стиле.

Интересен тот факт, что амарнские памятники с их устремленностью к точной передаче подробностей отмечают на портретах проколотые мочки (Aldred 1973. № 7, 12, 15, 88; Myśliwiec 1976. Fig. 141, 152, 172, 176, 187, 188), но редко показывают сами украшения. Только

от времени Тутанхамона на многих сценах «личного» характера и царь, и царица показаны с серьгами в ушах. Вскоре серьги у мужчин на изображениях исчезают, но у женщин остаются и становятся одной из составляющих полного комплекта украшений.

Начиная с эпохи Среднего царства в Египте женщины царского рода носили диадемы, причем не только с изображением головок сокола или змеи, но и с головами газелей, укрепленными на золотом обруче (Aldred 1971. Pl. 48, 49). Существовали и простые диадемы, сплетенные из золотой проволоки, некоторые — с включением цветочных розеток.

Что же касается незнатных женщин, то излюбленным их украшением становится подобие венка, преимущественно из цветов лотоса, или лента с символическим изображением того же лотоса. Такие головные уборы стали неотъемлемой частью женского праздничного туалета и в эпоху Нового царства.

Дополнением к костюму служил также пояс. Из царских погребений до нас дошло немало поясов из бисера, золота, камней. Часто в состав элементов пояса входило изображение раковины каури. Этот мотив встречается настолько часто, что случайным быть не может. Конечно, каури играла роль оберега, как и в других регионах. В данном случае мы можем указать на особую роль пояса (или вздержки у мужчин), зафиксированную практически во всех современных традиционных культурах. Пояс — защитник половой силы у мужчин и охранитель детородной функции женщины. Нет сомнения в том, что повторяющийся мотив раковины связан с подобного же рода представлениями. Отметим, что в богатых захоронениях используется не сама раковина, а только ее изображение в золоте. В живописи и скульптуре пояса показаны крайне редко (стела Сменхкара, кресло Тутанхамона). У мужчин пояса явно представляют собой ювелирное изделие, но у женщин показаны в виде лент, входящих в состав собственно костюма.

На протяжении всей истории древнеегипетской культуры мужчины и женщины носили кольца. От самых простых из фаянса до сложных с камнем-символом (скарабеем, например). Мужские кольца часто представляли собой печать с врезанными или выпуклыми знаками. Но на изображениях кольца игнорируются, либо из-за слишком частого употребления, практически повседневного, либо из-за «неэстетичности» в рисунке, искажения рисунка пальцев.

Видовой состав древнеегипетских украшений сложился полностью к середине Нового царства, и в дальнейшем изменения касались уже

только стилистических особенностей, конкретного набора предметов комплекса и т.д.

Что же касается семиотического значения конкретных видов, то пока можно сделать только предварительные выводы. Для окончательного выявления значения конкретных предметов и их разновидностей потребуется анализ несравненно большего числа памятников. Причем прежде всего следует обратить внимание на различия в данных археологических находок и отражения реалий в изобразительном искусстве. Проблема реального и идеального в культуре в принципе достаточно сложна. Следует помнить, часто мы имеем дело с материалом, отобранным для погребения, следовательно, не бытовым в прямом смысле.

Итак, подведем некоторые итоги. С самого начала и до конца древнеегипетской цивилизации египтяне употребляли **браслеты** различных видов. Плоские, широкие и тонкие, круглые в сечении, их носили на шиколотках, запястьях и предплечьях, они очень широко и во все времена отражены в изобразительном искусстве. Как вид они не имели этно- и социально-дифференцирующего значения, не выявлена и их поло-возрастная избирательность. Похоже, что эти функции передавали лишь эстетические характеристики: материал, цвет, символика. Особо интересны браслеты с использованием малой пластики — подобные вещи явно создавались для погребения, их практически невозможно носить.

Кольца носили на протяжении всей истории Египта. На изобразительных памятниках не отражены.

Бусы существовали во все эпохи, но в памятниках изобразительного искусства встречаются только в эпоху Древнего, иногда Среднего царства. Бусы — исключительно женский элемент костюма. Со времени Нового царства, очевидно, являются социально-дифференцирующим признаком в костюме, свидетельством принадлежности к небогатому слою или частью повседневного костюма.

Воротник-ожерелье появляется в период Древнего царства как редкость. В эпоху Нового царства превращается в примету праздничного костюма. Для египтян выполнял основную этнодифференцирующую функцию. Подчеркнем, массовое распространение он получает в то время, когда Египет имел многочисленные контакты с иноэтничным населением. Поло-возрастная функция не прослеживается, эстетические характеристики выполняли социально-дифференцирующую роль.

Пектораль возникает довольно поздно, в эпоху Среднего царства. Ее носили женщины и мужчины. Судя по особой «архитектоничной» форме и особо интенсивной насыщенности образами религиозного характера, имела прежде всего функцию защиты и привлечения благополучия. Только в эпоху Нового царства пектораль несколько теряет свое значение знака власти, изображения пекторали появляются у высококвалифицированных ремесленников (гр. Иринеффера в Дейр эль-Медина). Ее могли носить и как дополнение к воротнику-ожерелью.

Подвески-амулеты были распространены широко во все времена. Основная их функция — оберег.

Серьги появляются в Египте очень поздно и под влиянием культуры гиксосов. Долгое время изобразительными источниками игнорируются, скорей всего из-за инозтичности. Серьги начинают изображать в живописи и скульптуре в предамарнский период, но вскоре они вновь исчезают у мужчин — у женщин остаются. Важно, что в царском уборе мужские серьги продолжали существовать, судя по археологическим находкам. Похоже, что в женском варианте традиционная культура данную инновацию признала, в мужском — нет. Тогда следует предположить, что серьги у мужчин являлись знаком особо богатого и парадного костюма — знаком власти. История серег в Египте пока что практически не изучена.

Пояса-украшения судя по изображениям являлись достаточно редкой деталью костюма. Явно имели значение социального знака. Употребление формы ракушки каури из золота, не так уж часто встречающейся на других элементах набора украшений, показывает, что как и в других цивилизациях, пояс воспринимался в качестве оберега. В эпоху Нового царства употреблялся мужчинами.

Особый пояс-обруч носили девочки, прислуживавшие на пиру гостям. Показаны в росписи обнаженными в полном комплекте женских украшений. Пояс такого вида очень похож на известные со времени Древнего царства пояса из погребений царских родственниц.

Существует несколько разновидностей **головных украшений**, например, переплетений для волос, но к украшениям их причислить трудно из-за чистой прагматичности использования. Конечно, роль социального знака они исполняли (золото), однако встречаются сравнительно редко и определенную каноничность формы не приобрели. Более распространены диадемы-обручи. Отражены они и в живописи. Эти украшения, носимые женщинами, выполняют функцию социаль-

ного знака. Зафиксированы в I пол. Нового царства. Семантика не совсем ясна, хотя также связана с царскими знаками.

В живописи у рядовых египтян можно заметить **налобную повязку** с лотосом или ленту с лотосовидным орнаментом. Здесь явно прослеживается определенная семантика, если учесть огромное значение образа лотоса для египетской культуры. Начиная с эпохи Среднего царства, и особенно во время Нового царства, налобная повязка становится очень частой принадлежностью праздничного костюма (как замена — употребление самого цветка, крепившегося к прическе или парику).

Элементы костюма в значительной степени предопределяются средой обитания и особенностями хозяйственно-культурного типа, но эстетические признаки практически представляют собой систему знаков, своего рода, «текст», считываемый на уровне подсознания и несущий информацию о самом человеке. Прежде всего этническую, социальную, поло-возрастную, иногда — конфессиональную и в очень незначительной степени — личностную (Богословская 1995, 17–18), хотя, в сущности, проблема взаимодополнения и взаимозаменяемости комплексов костюм-украшение практически даже не поднималась в исследованиях. В то же время подобное исследование могло бы показать, где украшение является необходимым, а в каких случаях оно становится лишь психологически привычным предметом, без которого можно обойтись.

Эти предметы, практически окружающие какую-то часть тела, выполняли те же функции, что и декорированные части костюма. Естественно, их знаковая функция и магически защитная являются основными. Как и подавляющее большинство аналогичных элементов культуры, украшения имеют самую разработанную и яркую форму.

Набор видов украшений в целом невелик. Этнологи группируют элементы костюма согласно месту крепления их на теле: головные, ушные, шейные и т.д. Подобная позиция неоднократно оспаривалась, но если подходить к украшениям с точки зрения осуществления магической защиты или привлечения удачи, такая компоновка имеет смысл именно в создании магического кольца. Не исключено, что в основе верований в защитную роль украшений лежат вполне реальные физические явления. При современных знаниях о полях, возникающих в замкнутом кольце, можно только предположить, что уже в глубокой древности человек эмпирически нашел способ усилить свое здоровье. Вспомним наши представления о целебности янтарных ожерелий,

древности человек эмпирически нашел способ усилить свое здоровье. Вспомним наши представления о целебности янтарных ожерелий, медных браслетов и т.п. Если предположение подтвердится физиками, врачами, то станет ясно, что вышивка на костюме является уже вторичным, чисто магическим повтором функции украшения. Недаром в традиционной культуре имеет смысл пояс, обруч, но не имеет смысла брошь — предмет чисто эстетического характера.

Особенно сложно решается проблема украшений на материале древних этносов, где нет возможности наблюдать «живую» культуру («полевое наблюдение»). Здесь мы сталкиваемся или с редкими находками на месте поселений или с уже отобранными предметами для погребения. Причем в гробницах отражен не срез реальной жизни, а только предметы, необходимые покойному в загробной жизни. В этой ситуации этническая функция может быть подавлена, она необходима лишь при соприкосновении с иноэтничным контекстом. Наоборот, защитная функция в гробничных предметах оказывается усиленной. И конечно, в редком погребении встречаются вещи личностного предпочтения, отражающие вкус носителя (покойного). В какой-то мере полнота картины жизни восполняется изобразительными источниками. Однако и здесь следует иметь в виду, что памятники создавались отнюдь не с целью передачи объективной информации. Строгий отбор деталей, подчиненных задачам мировоззренческого характера, обращенность языка визуального текста в конкретно заданную среду, связанную с областью сакрального, ограничивают возможность прочтения такого текста с точки зрения профанной бытовой культуры. Воссоздание более широкой картины реально только при использовании разнообразных источников, имеющих каждый свой язык. Одним из них является язык украшений.

Литература

- Арутюнов 1989 — Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
- Богословская 1995 — Богословская И.В. Одежда библейских стран. СПб., 1995.
- Богословская 1999 — Богословская И.В. Одежда мастеров поселка в Дейр эль-Медина // Древний Египет: Язык. Культура. Искусство. М., 1999.
- Кинк 1976 — Кинк Х.А. Художественное ремесло древнейшего Египта и сопредельных стран. М., 1976.
- Ланда, Лапис 1974 — Ланда Н.Б., Лапис И.А. Памятники искусства Древнего Египта в Эрмитаже. Л., 1974.

- Лукас 1958 — *Лукас А.* Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М., 1958.
- Павлов, Ходжаш 1959 — *Павлов В.В., Ходжаш С.И.* Художественное ремесло Древнего Египта. М., 1959.
- Aldred 1971 — *Aldred C.* Jewels of the Pharaohs. New York, 1971.
- Aldred 1973 — *Aldred C.* Akhenaten and Nefertiti. New York, 1973.
- Chamdor 1957 — *Chamdor A.* Die Altägyptische Malerei. Leipzig, 1957.
- Myśliwiec 1976 — *Myśliwiec K.* Le portait royal dans les bas-relief du Nouvel Empire. Varsovie, 1976.
- Müller 1970 — *Müller H.W.* Ägyptische Kunst. Frankfurt a/Main, 1970.
- Vilimkova 1969 — *Vilimkova M.* Altägyptische Goldschmiedekunst. Prague, 1969.
- Wenig 1967 — *Wenig St.* Die Frau im Alten Ägypten. Leipzig, 1967.
- Westendorf 1968 — *Westendorf W.* Das Alte Ägypten. Baden-Baden, 1968.

I.V.Bogoslovskaya

DIFFERENT KINDS OF JEWELRY IN ANCIENT EGYPT

The present article deals with the different types of jewelry sets of the Egyptians used through almost all their history, such as: arm's and leg's bracelets, rings, beads, collar-necklace, pectoral, pendent amulets, earrings, decorative girdles, hoop belts, head decorations.

Jewel's language is highly informative in every traditional culture, where jewels play the role of representatives of ethnic, social, gender and age groups, and at the same time that of amulet, talisman etc. This fact made the author deal with the jewelry complex and its genesis.

The study has shown that a certain kind of jewelry, which was distinctive from others in a different period of history, may witness some difficult processes in the culture of the society, and signify the change of ethnic self-determination as well.

ДОРОГИ И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

В эпистолярной части архива из города Мари (городище Телль-Харири на среднем Евфрате) много сообщений о передвижениях между городами купцов, послов, гонцов, курьеров, чиновников, частных лиц. Пример подавал царь и царская семья своими бесконечными поездками по городам, в которых административные задачи, возможно, переплетались с интересом к местным достопримечательностям. Настоящая статья посвящена проблемам безопасности движения по дорогам, не нашедшим достаточного освещения в специальной литературе. Хронологически тексты относятся к первой половине XVIII в. до н.э. События происходят, в основном, в долине Евфрата от Каркемиша на севере до Сиппара на юге.

Авторы писем в значении «путь», «дорога», «путешествие», «караван» употребляют термины *ḥarrānum*, *girrum*, *ālikum*.

Приведем в качестве примера несколько коротких сообщений:

ḥarrānum (KASKAL) *ka-li-it-ma* «Путешествие затягивается» (ARMT 10, 70:18). *[gi-ru-u]m ú-ul i-ši-ir* «[Караван] не прибыл» (ARMT 10, 18:9).

gi-ir-ru-šu-nu ša-al-ma-at «Их путешествие прошло благополучно» (ARMT 6, 20:9). *gi-ir-ru-um ša ša-bu-um i-il-la-ku ne-e-si* «Путь, которым люди идут, долог» (ARMT 6, 54:8-9).

a-lik-tam ša-a-ti la ta-ka-aš-ši-id «Этот караван не задерживай» (ARMT 1, 66:7).

Тексты ничего не говорят о строительстве дорог, о поддержании в порядке дорожного хозяйства. Традиционно функционировали природные пути, т.е. судоходные реки, к ним тяготела и вся система сообщений. Обычно передвигались по путям наезженным, хорошо известным. Если путник не знал дороги, ему давали подробные инструкции, как попасть в нужное место. Так, чтобы добраться от верховьев Хабера до Евфрата, советовали следовать по маршруту: «(14) Из города Шубатэнлиля (15) в город Тилла, (16) из Тилла (17) в город Ашихум, (18) из города Ашихума (19) в город Ятум, (20) из Ятума (21) в город Лакушир, (22) из Лакушира (23) в город Саггаратум» (ARMT 1, 26). Последний город находился уже на Евфрате. Расстояние между пунктами отправления и назначения измерялось в днях. Из Мари в Вавилон добирались за шесть дней, от Евфрата до Оронта за десять

дней. Любопытная деталь: в Верхней Месопотамии расстояние между городами-центрами округов равнялось в среднем двум дням пути.

Хорошо было налажено почтовое дело. Почта обслуживалась специальными гонцами *qallūtum* (от *qallum* «легкий», «быстрый», «срочный». См.: ARMT 15. P.245) по принципу эстафеты. Например, письма из Мари в Вавилон передавались по эстафете дважды (ARMT 1, 93), а почта из Мари в г. Экаллатум на Тигре, расстояние между которыми сами древние определяли в 300 км, доставлялась за 4–5 дней.

По распоряжению царской администрации путешествующим обычно выдавали средства на дорожные расходы (как правило, только в один конец). По-видимому, в таких случаях между городами действовала система взаиморасчетов.

В чужой город попадали с разрешения местных властей, его получали в городских воротах или у входа во дворец. Иногда город не принимал чужеземцев, особенно послов, из дипломатических соображений. Размещали гостей по-разному, одних у речной пристани, других, как в Сиппаре, в специальных кварталах. В Мари гостям отводилась часть царского дворца. Чувство местного патриотизма, стремление произвести выгодное впечатление заставляли принимать гостей с почетом. Подобно ассирийским и иудейским царям I тыс. до н.э., демонстрировавшим перед чужеземными послами все свои сокровища, весь арсенал, все лучшее, чем они владели, царям Мари было чем удивить. Дворец мог принять одновременно сотни гостей. Для приезжих отводились просторные комнаты с банкетками вдоль стен, их использовали как ложа и как столы. В распоряжении гостей имелись кухни, ванны, туалеты. Внутренние дворы использовались для прогулок и спортивных игр. В самом большом дворе, площадью в 1500 кв. м, одновременно могло разместиться 10–15 тыс. человек. Если добавить сюда богатое убранство дворцовых покоев со стенами, покрытыми росписями или изразцами, то станет понятным, что в памяти у посетителей время пребывания во дворце запечатлевалось надолго.

Многое делалось для обеспечения безопасности на дорогах. Вдоль дорог выставлялись сторожевые посты, курсировали воинские отряды. По берегам Евфрата в ночное время разводились костры, служившие маяком для путников. И все же, несмотря на принимавшиеся меры, путешественников подстерегали опасности. Больше всего боялись диких зверей, разбойников и царской администрации.

Серьезную угрозу для человека представляли львы. Это так называемые месопотамские, или иранские, львы, они меньше своих афри-

канских собратьев, но также сильны и свирепы. Раскопки в Мари дают нам изображения львов на печатях, глиняных формах для печенья; спросом пользовались небольшие каменные булавы с навершием в виде львиной головы. (Последнего иранского льва видели в начале XX века н.э.)

Львы нападали на домашний скот (ARMT 1, 118:14), даже пытались проникнуть в города. Представляет интерес письмо двух чиновников из Мари:

(9) 2 ur.maḥ *i-na ku-ut-li-im ša a-bu-lim* (10) [*i-n*]a *pa-an mu-ši-im ir-bi-šú-ma* (11) [*lú.enga*]r.meš *ša a-bu-ul-la-at* (12) [*ù š*]a-bu-um *ša an-na-nu-um ù an-na-nu-um* (13) [*iš-šu-r*]u-ma (14) [*ú-ul*] *ú-da-ap-pí-ru-šu-nu-ti*
«(9) Два льва у плетня перед воротами (10) [с] ночи залегли. (11) Земледельцы, находившиеся у ворот, (12) [и л]юди, которые здесь и там (13) [несли охра]ну, (14) [не] смогли их прогнать» (АЕМ 1/2, 106). Позвали воинов, те одного льва убили, а другого прогнали. За убитого льва полагалось вознаграждение.

Согласно другому документу, лев проник в ригу при одном доме, выбраться же обратно не смог. Местный чиновник доносит царю:

(15) ù ur.maḥ u₄ 5.kam *i-na li-ib-bi* (16) *ru-ug-bi-im ú-ši-ib* ur.ku.ra ù šaḥ (17) *id-du-šum-ma a-ka-lam li-mu um-ma a-na-ku-ma* (18) *as-sú-ur-ri* ur.maḥ *šu-ú i-ḥa-aṭ-tà-ar* (19) *ap-la-aḥ-ma* ur.maḥ *še-tu* (20) *a-na mu-ba-al-li-iṭ-ṭim ša giš.ḥá* (21) *ú-še-ri-ib-ma i-na giš.má* (22) *ú-ša-ar-[ki-ib-ma a-na še-er be-l]t-ja* (23) *ú-ša-[ra-aš-šu]*
«(15) И лев пять дней в (16) риге находился. Собаку и свинью (17) ему бросили, корм он принял. (Затем) я подумал: (18) «Вдруг этот лев вырвется на свободу?» (19) Я испугался, этого льва (20) в деревянную клетку (21) приказал посадить, в лодку (22) погру[зить и к господин]у моему (23) от[править]» (ARMT 2, 106).

Встреча с опасным хищником не всегда заканчивалась для путника благополучно. На берегах Евфрата не раз находили растерзанные львами тела людей (ARMT 6, 37:5'–10'; 43:7–15). Стала обычной фраза: «Лев убил человека» (*nēšum awīlam iduk*).

Находясь в пути, следовало ожидать нападений со стороны разбойников (*awīlū^{mes} sarārū*). Вот некоторые примеры.

Три человека отправились в Эшнунну. По дороге у них отняли все, даже одежду. Потерпевшие вернулись обратно в Мари (ARMT 6, 37).

Ограблены два гонца, у них забрали письма и 15 мин серебра (ARMT 10, 166:4-5,7'-8').

Пропала отправленная в Мари посылка с серебром (ARMT 10, 61).

С дороги похищена дворцовая девушка, ее необходимо выручить (ARMT 5, 7).

В город Элахут отправили посольство из 24 человек. В подарок правителю Элахута предназначались ценная древесина на 10 ослах и один конь. На посольство напали разбойники. Груз исчез, вместе с послом погибли еще 13 человек, лишь десятерым удалось спастись (ARMT 2, 123).

В конце концов, со львами и разбойниками справлялись, путешествуя большими группами с воинскими эскортами. Трудно приходилось, особенно одиночкам, при встрече с представителями царской администрации. На жителей приевфратских пограничных городов сильное влияние оказывал быт племен Сирийской пустыни. Горожане уходили на запад. Местные власти энергично боролись с этим злом. Регулярно проводились переписи населения; запрещалось надолго покидать свои общины; с соседями заключались договоры о взаимной выдаче перебежчиков; на Евфрате «полиция восточного и западного берега» задерживала подозрительных. В последнем случае желательно было бы узнать, какие вопросы задавали неизвестным людям. Например, в «Одиссее» незнакомца всегда спрашивали: «Где твой город и где твои родители?» Там полис ставился превыше всего. Человек внеполисный становился негосударственным и вызывал сожаление. В Мари поступали иначе.

Пример. Задержали одного человека. Он назвал свое имя и свою общину и заявил, что действует по поручению правителя города. Ждут свидетелей (ARMT 5, 49).

Похожая ситуация: задержанный назвал свое имя и свою общину, добавив, что выполняет поручение общины. Его показания проверили по переписным листам и вынесли решение: «Это раб дворца, на дворцовых табличках он записан». Ждут представителей общины задержанного, в зависимости от их показаний этого человека или заберут во дворец, или отпустят (ARMT 6, 40).

Настоящему допросу подверглись два жителя города Терки, отправившиеся в дорогу по собственным делам. В одном городе их задержали и стали выяснять, не являются ли они рабами либо должниками, не связаны ли они с хозяйством своего правителя либо царским дворцом, но прежде поинтересовались их именами и откуда они родом. Задержанным удалось доказать, что они свободные люди, и их больше не задерживали (ARMT 2, 102).

В приведенных примерах опрос задержанных начинался одинаково, с выяснения их имен и местожительства. Первый вопрос к незнакомцу звучал примерно так: «Как твое имя и где твоя община?». В Мари свободный человек выше всего ценил свое имя и свою общину, он всегда мог рассчитывать на помощь сородичей.

Остается выяснить, не имели ли путешественники на руках каких-либо документов, наподобие охранных грамот или подорожных. Оказывается, имена отправлявшихся в дорогу заносились на *tuppāt āliktim* «таблички для путешествия» (АЕМ 1/2, 448:12). Трудно судить о практической ценности таких табличек, несомненно одно, попадись они на глаза лихим людям или неграмотным солдатам, их цена была не больше цены тех кусочков глины, которую использовали как материал для письма.

Таким образом, при путешествиях по дорогам Месопотамии путник мог надеяться на себя, своих товарищей и на удачу.

К XVIII в. до н.э. относится одна из версий известного литературного памятника «Поучение Шуруппака». Мудрец по имени Шуруппак дает советы сыну Зиусудре, герою шумерского мифа о всемирном потопе:

«Сынок, путешествуя на Востоке,
Один в дорогу не отправляйся —
Земляк может оказать помощь.
Имя на имя — можно поднять человека»
(Афанасьева 1997, 306).

Литература

- Афанасьева 1997 — *От начала начал*: Антология шумерской поэзии. Вступ.ст., пер., коммент. В.К.Афанасьевой СПб., 1997.
- АЕМ 1/2 — *Archives épistolaires de Mari 1/2* — *Archives royales de Mari 26* / Publiées par D.Charpin, F.Joannès, S.Lackenbacher et B.Lafot. Éditions recherche sur les civilisations. Paris, 1988.
- ARMT 1 — *Archives royales de Mari 1* — Dossin G. Correspondance de Šamši-Addu et de ses fils. Paris, 1950.
- ARMT 2 — *Archives royales de Mari 2* — Jean Ch.-F. Lettres diverses. Paris, 1950.
- ARMT 5 — *Archives royales de Mari 5* — Dossin G. Correspondance de Jasmaḥ-Addu. Paris, 1952.
- ARMT 6 — *Archives royales de Mari 6* — Kupper J.R. Correspondance de Baḥdu-Lim. Paris, 1954.

ARMT 10 — *Archives royales de Mari* 10 — Dossin G. Correspondance féminine. Paris, 1978.
ARMT 15 — *Archives royales de Mari* 15 — Bottéro J., Finet, A. Répertoire analytique des
tomes I à V. Paris, 1954.

R.A.Gribov

ROADS AND TRAVELERS IN ANCIENT MESOPOTAMIA

The article deals with the condition of roads and the security of travelers. The source materials derive from the city of Mari.

The main routes lay along rivers and canals. The distance between cities and towns was measured in days. Mail was carried by relays. Travelers stayed in towns by permission of the local authorities. The safety of travelers was secured by troops of soldiers and official documents that were called «tablets for traveler».

М.М.Дандамаева

СВЕДЕНИЯ О ГОРОДАХ АССИРИИ И ВАВИЛОНИИ В АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ

По словам Плиния Старшего, в Месопотамии до македонского завоевания было лишь два города: Ниневия и Вавилон, все прочие обитатели страны жили в деревнях (Plin. H.N. VI.117). Это замечание римского ученого очень точно отражает существовавшие в античности представления о городах Ассирии и Вавилонии: из множества очагов цивилизации, развивавшихся в долине Тигра и Евфрата с древнейших времен, грекам, а потом и римлянам, были известны лишь две знаменитые столицы. С другой стороны, именно Ниневия и Вавилон служили для западного мира воплощением величия и суетности, характерных для большого города.

Рассказы о богатстве и могуществе Ниневии, а потом и весть о ее сокрушительном падении, вероятно, прогремели по всему Средиземноморью, сделав для греков и римлян древнюю столицу символом бренности всякого величия. Одно из самых ранних упоминаний о Ниневии, дошедших до наших дней, принадлежит жившему в VI в. до н.э. милетскому поэту Фокилиду: «Маленький город на скале, живущий как следует, лучше безумного Нина» (Phocyl. 4)¹. Это короткое двустишие включает в себе квинтэссенцию представлений греко-римского мира о столице Ассирии. Все остальное, что сказано о ней античными авторами, станет, по сути, повторением или развитием это-

го тезиса. Отношение к Ниневии и правившим там царям было в античной литературе традиционно негативным. Это кажется тем более интересным, что другие варварские города, даже персидские, не вызывали у греков столь резкого отношения к себе. По всей видимости, репутация Ниневии пришла к грекам уже в готовом виде от соседних с ионийцами народов Малой Азии, находившихся под властью или в сфере влияния Ассирии. Презрительное отношение греков к безумствам и распущенности правителей Ниневии вызывает невольные ассоциации с библейскими проклятиями этому городу. По всей видимости, древний мир был един в своем отношении к ассирийской столице.

Реальные сведения о Ниневии в античной традиции скудны и неопределенны. Это кажется легко объяснимым: вряд ли многим грекам удалось посетить город до его гибели, им приходилось довольствоваться общими словами о былом могуществе и процветании прославленной столицы. Несколько подробнее говорит о ней лишь Ктесий. Никому, утверждал писатель, никогда уже больше не удалось возвести города, равного Ниневии в окружности, длина которой составляла 480 стадиев, и со столь же мощной стеной. Высота стены достигала ста футов и по ней могли проехать три колесницы (Diod. II.3.2–3). Таким образом, периметр города, согласно Ктесию, был чуть меньше или немногим больше 90 км (в зависимости от того, как оценивать греческий стадий). По словам же Синаххериба, уже после расширения им границ Ниневии ее окружность равнялась 21.815 локтям, т.е. менее 11 км (Heidel 1953. VII.65–70). Нетрудно догадаться, откуда Ктесий заимствовал свои сведения о гигантских размерах столицы: они соответствуют описанию Вавилона у Геродота. По мнению Галикарнасца, именно этот город (а отнюдь не Ниневия) достигал 480 стадиев в окружности. Ктесий, несомненно, использовал сочинение самого Галикарнасца или же общего с ним источника, какого-либо греческого автора. Сам придворный врач Артаксеркса никогда не посещал Ниневию и не имел ясного представления о ее местоположении, об этом со всею очевидностью свидетельствует его уверенность в том, что город находился на Евфрате (Diod. II.7.2; 28.2). Единственной достопримечательностью ассирийской столицы, упомянутой Ктесием, был огромный (высотой в девять стадиев, т.е. много более полутора километров), издавна заметный плывущим по *Евфрату* холм, сооруженный над могилой основателя и эпонима Ниневии царя Нина (Diod. II.7.1–2). Греческий писатель не мог увидеть подобного памятника в Месопотамии, где существовали совершенно другие традиции погребения умерших.

Источником вдохновения для книдского мастера скорее всего и здесь послужила родная литература. Достаточно вспомнить слова Гектора о высокой, хорошо видной с кораблей насыпи, которая будет воздвигнута над могилой павшего в бою героя (Hom. II. VII.84–91). Таким образом, есть все основания полагать, что греки ничего не знали об истинных размерах и достопримечательностях Ниневии.

С точки зрения античной традиции, после падения Ассирийской державы ее столица была полностью разрушена (см., например: Paus. VIII.33.2; Strab. XVI.1.3). Ктесий прямо говорит, что вавилоняне и мидийцы сравнивали город с землей (Diod. II.28.7). Однако в некоторых произведениях эллинистического и римского времени Ниневия упоминается так, как будто она продолжала существовать. Древняя столица фигурирует в рассказе Диодора о подготовке Александра к сражению при находившихся неподалеку от нее Арбелах (Diod. XVII.53.4), в настоящем времени говорит об этом городе и Аммиан Марцеллин (Amm.Marcel. XXIII.6.22), однако можно допустить, что в обоих случаях имеются в виду лишь развалины Ниневии. Труднее интерпретировать таким же образом слова Тацита, который, излагая события междоусобных войн, происходивших в I в. н.э. между претендентами на парфянский трон, вскользь упоминает взятие Мегердатом Ниневии, древнейшего, по словам автора, поселения Ассирии (App. XII.13). Маловероятно, чтобы полководец стал завоевывать руины. Место, где когда-то находилась величественная столица Ассирийской империи, действительно, не оставалось совершенно пустынным². Во всяком случае, там было обнаружено несколько фрагментов греческих надписей с упоминанием полиса, его архонта, стратега и эпистата (Postgate 1970, 133–136; Thompson, Hutchinson 1929, 140–142; также Rostovtzeff 1935, 57). Археологические находки тоже свидетельствуют о том, что город в селевкидское и парфянское время был обитаем (Кошеленко 1979, 107–108). Неизвестно, однако, каковы были размеры и значение этого поселения и что могли знать о нем греки эпохи эллинизма и римляне³.

Если Ниневия вошла в античную традицию как некий город-призрак, о котором остались лишь воспоминания, то Вавилону были посвящены подробные описания, каких не удостоилась более ни одна варварская столица. Самое раннее упоминание о преемнике Ниневии (а именно так воспринимался Вавилон в греко-римской литературе) встречается во фрагменте Алкея (конец VII в. до н.э.), сохранившемся у Страбона (Strab. XIII.2.3). Поэт посвятил свое стихотворение воз-

вращению на родину служившего в вавилонском войске брата, который, как принято считать в современной науке, служил наемником в войске Навуходоносора. Среди текстов, прочитанных на оксиринских папирусах, есть несколько строк, вероятно относившихся к тому же произведению Алкея (Edmonds 1922. № 133–134. P. 405 n. 2; Braun 1982, 22). Здесь еще раз упоминается Вавилон, причем с необычным для варварского города эпитетом «святой». О том, что в литературе VI — начала V в. до н.э. уже существовала некая традиция относительно Вавилона, свидетельствует и определение «многозлатый Вавилон» у Эсхила (Pers. 52–53). Вряд ли город, переживший персидское завоевание и жестоко подавленные Ахеменидами восстания, мог порадовать своей роскошью афинского драматурга и его современников; поэт, по всей видимости, пользуется литературным образом, ставшим уже в его эпоху штампом⁴. Косвенные признаки, таким образом, свидетельствуют о существовании определенных, вполне сформировавшихся представлений о Вавилоне задолго до появления труда Геродота. Однако лишь в сочинении отца истории содержится первое (во всяком случае, из дошедших до наших дней) описание этого города, которое и сегодня продолжает служить источником учебной и популярной литературы о Вавилоне (Herodot. I. 178 sq.). Геродот приводит сведения о размерах столицы, ее мощных укреплениях, широких и прямых улицах, трех- и четырехэтажных домах⁵, о храме Бела (т.е. святилище Мардука Эсагиле), на территории которого находилась ступенчатая башня (зиккурат Этеменанки), и разводном мосте через Евфрат. При этом рассказ писателя полон невероятных преувеличений и бросающихся в глаза противоречий. Так, длина городской стены, с его точки зрения, равнялась 480 стадиям, т.е. около или немногим более 90 км (см. с. 60), в то время как по данным археологов, периметр внутреннего города не достигал и 8,5 км, и даже окружность Вавилона с учетом построенных Навуходоносором к востоку от столицы укреплений (скорее всего, уже разрушенных к эпохе Геродота) составляла, самое большее, 18 км (Wetzel 1944, 55–56, 67). Высота стены достигала почти ста метров, что а priori нельзя принимать всерьез. К тому же Геродот подробно описывает стены Вавилона и говорит о них, как об укреплениях, существовавших в его время, однако в другом месте своего труда, упоминая подавление Дарием восстания вавилонян, историк сообщает, что городские стены были снесены по приказу персидского царя (Herodot. III.159). Эти и другие противоречия и преувеличения в рассказе Геродота еще в конце XIX столетия заставили Сейса заявить,

что отец истории никогда не был в Вавилоне, а лишь пользовался трудами своих предшественников (Sayce 1883, XXVIII–XXIX). Гиперкритицизм Сейса находит горячих сторонников и в наши дни (Rollinger 1993; Dalley 1994, 45), однако нельзя не признать, что галикарнасский автор, несмотря на многочисленные и, по большей части, оправданные претензии к нему древних и современных исследователей, в целом правильно представлял себе структуру и основные достопримечательности великого города. Если Геродот лично не посещал Вавилон, то кто бы мог послужить источником для его описания? Судя по немногим дошедшим до наших дней фрагментам трудов предшественников Геродота — логографов, — ни один из них, кроме, быть может, Гелланика, не посвящал Вавилону подробных описаний и не мог являться более компетентным специалистом в этом вопросе, чем сам отец истории, очерк которого по духу и по стилю действительно очень похож на записки путешественника. Несмотря на то, что большая часть сочинений греческих писателей, особенно ранних, не дошла до наших дней, античная традиция была непрерывной и сохраняла, если не произведения или фрагменты, то, по крайней мере, имена наиболее значительных из ее создателей, и трудно представить себе, чтобы автор, уделявший в своих книгах много внимания Вавилону и заложивший основы описания этого города, был бы совершенно забыт потомками и не упоминался жившими после него собратьями по перу, по крайней мере, по имени. Между тем античная литература связывала становление традиции об Ассирии и Вавилоне лишь с тремя историками: Геллаником, Геродотом и Ктесием⁶. Современник (вероятно, старший) Геродота Гелланик, судя по весьма скудным фрагментам его трудов, посвященных Вавилонии, вряд ли разбирался в вопросе лучше своего знаменитого коллеги. Что же касается Ктесия, то его описание древнего города имело своим прообразом очерк Геродота. Наконец, нельзя не принимать во внимание точку зрения исследователей, проводивших под руководством Кольдевея в начале нашего столетия раскопки в Вавилоне. По утверждению посвятившего этому вопросу специальную работу Ветцеля, город, описанный Геродотом, при всех преувеличениях, ошибках, неточностях и проникших в рассказ литературных штампах, — это, несомненно, тот же самый Вавилон, который открылся глазам археологов (Wetzel 1944, 68). Тем не менее, замечал Ветцель, поражает, что такие заметные достопримечательности прославленного города, как царский дворец, ворота Иштар и дорога процессий не нашли отражения в труде галикарнасского историка. По мнению иссле-

дователя, дорога процессий и нарядные ворота, в таком случае, в эпоху Геродота уже лежали в руинах или же внутренний город был закрыт для иноземца (op.cit., 49–50). Последнее, во всяком случае, должно было относиться к царскому дворцу, о котором отец истории говорит лишь, что тот окружен высокой стеной (Herodot. I.181). Кто бы ни жил за этой стеной во времена Геродота, скромному греку путь туда, надо думать, был заказан. Кроме того, как уже не раз замечалось, странствующий писатель должен был испытывать на Переднем Востоке трудности, связанные с недостатком квалифицированных информаторов и переводчиков. Однако теми же причинами никак нельзя объяснить фантастические преувеличения и противоречия в рассказе о Вавилоне. В связи с этим обращает на себя внимание замечание, вскользь сделанное Геродотом при описании храма Бела: «и при мне он еще существовал» (Herodot. I.181). Таким образом, можно предположить, что далеко не все, что описывает путешественник, действительно можно было еще увидеть в его время. Над отцом истории, по всей видимости, довлела репутация Вавилона как сказочно богатого и могущественного города, писатель не мог поведать своим читателям, что грандиозные святилища и дворцы пребывают в жалком состоянии, а легендарные стены полуразрушены. Геродот посвятил свой очерк не описанию реальной, существовавшей в его время столицы, он воссоздает облик Вавилона в эпоху его расцвета, и здесь, вполне вероятно, пользуется какими-то свидетельствами своих предшественников. Однако в другом месте своего труда, отвлекшись и забыв стоящую перед ним задачу, писатель «проговаривается».

Можно а priori предположить, что Вавилон в середине V в. до н.э. переживал не лучшую эпоху своей истории. В городе произошло несколько неудачных антиахеменидских восстаний, кроме того здания и укрепления, построенные из кирпича-сырца, нуждались в постоянном обновлении, а персы вряд ли следили за древней столицей столь же заботливо, как нововавилонские цари. Тем не менее, Вавилон был одной из резиденций Ахеменидов. Так единодушно заявляют античные авторы⁷, это же подтверждают и данные археологии (Koldewey 1913, 126–129; Wetzel, Schmidt, Mallwitz 1957, 25). Естественно, в таком случае, что город посещал придворный врач Артаксеркса II Ктесий: он сопровождал туда свою пациентку, вдовствующую царицу-мать Парисатиду⁸. Ктесиево описание Вавилона известно лишь в пересказе Диодора, который прямо заявляет, что пользовался также трудами спутников Александра и сочинением Клитарха (Diod. II.7.3). Поэтому отде-

лить свидетельства книдского мастера от данных более поздних авторов во многих случаях очень сложно. По всей видимости, историкам, пришедшим в Азию с Александром, принадлежит замечание о полном запустении Вавилона, о разрушении дворца и всех прочих значительных построек (op.cit. 9.9). Однако Диодор, как и Геродот, описывает город в эпоху его расцвета и прямо заявляет об этом своему читателю. Сицилиец никак не обнаруживает свое знакомство с трудом отца истории, но при этом рассказы обоих писателей имеют много общего с точки зрения их плана, набора достопримечательностей и характеристики отдельных памятников. Можно думать, что те части очерка, за которыми проглядываются сюжеты Геродота, принадлежат Ктесию. Этот мастер, зло и непримиримо критиковавший своего предшественника, тем не менее, как свидетельствуют другие части его наследия, нередко использовал данные Геродота, при этом снабжая их новыми деталями и преувеличивая почти до неузнаваемости. К такого рода сюжетам относилось, вероятно, описание высокого храма Бела, увенчанное статуями Зевса, Геры и Реи, стоящими или сидящими перед огромным золотым столом, выкованными из чистого золота, усыпанными драгоценными камнями и достигающими невероятных размеров, которые автор старательно приводит (Diod. II.9.4–9). Излишне говорить, что рассказ этот целиком выдуман. Вершины вавилонских святилищ вообще не украшались скульптурами, а тем более скульптурными группами, такое описание могло выйти только из-под пера грека, привыкшего к многофигурным композициям на фронтонах родных храмов. Толчком же для работы воображения скорее всего послужило упоминание Геродота об огромной золотой статуе Зевса и золотых столе и ложе, некогда находившихся внутри нижнего святилища Бела (Herodot. I.183), а также о храме, стоявшем на вершине многоступенчатой святыни того же божества (Ibid. I.181). Данные Геродота, вполне возможно, достоверны. В описанном им здании есть все основания видеть вавилонский зиккурат. На вершине подобных сооружений, как правило, действительно возвышался храм, посвященный главному богу города. Источник же Диодора пересказывает свидетельство крайне невнятно, так, что оно практически теряет всякий смысл. Исчезает упоминание о многоступенчатости сооружения, позволяющее отождествить его с реальным типом вавилонских построек, статуи перемещаются на вершину святилища, придавая всему рассказу гротескный характер. На авторство Ктесия указывают и размеры скульптур и стола: точные и фантастически большие цифры в рассказе о никогда не

существовавших событиях или персонажах были весьма характерны для его творческой манеры. В то же время очевидно, что автор описания гигантских статуй действительно видел какие-то памятники передневносточного искусства и представлял себе их стилистические особенности. Фигуры богов статичны, фронтальны, ноги «Зевса» слегка раздвинуты, к тому же скульптуры расположены в ряд, а не в органичном взаимодействии друг с другом, как это было в образцах греческого искусства. Источник Диодора имел представление также об украшенных динамичными сценами ассирийских рельефах и неких искусно сделанных и раскрашенных изображениях зверей (Diod. II.8.4–7). Не исключено, впрочем, что писатель не видел эти памятники собственными глазами, но слышал о них от очевидца.

Несмотря на то что ряд достопримечательностей, упомянутых Геродотом и Диодором, совпадает, сочинение последнего содержит много компонентов, полностью отсутствующих у отца истории. Так, мост через Евфрат описан у эллинистического автора со множеством технических деталей (Diod. II.8.2–3), в то время как Геродот лишь упоминает убирающийся по ночам настил (Herodot. I.186). Подробности устройства моста вряд ли могут восходить и к романтическому Ктесию, в сферу интересов которого не входили подобные сюжеты. Скорее всего, сведения были почерпнуты из трудов историков Александра. Два святилища Бела, привлечшие пристальное внимание Геродота и соответствующие, по всей видимости, Эсагиле и зиккурату Этеменанки, как уже говорилось, превращаются у Диодора в единый храм, описание которого выглядит весьма путанным. Создается впечатление, что в данном случае основным источником информации был труд самого Геродота. Царскому дворцу, напротив, уделено много внимания. Наконец, в тексте Диодора содержится рассказ о знаменитых висячих садах Вавилона (Diod. II.10.1–6), ни словом не упомянутых у Геродота. Описание этого необычного сооружения, причисленного греками к чудесам света, можно встретить в трудах целого ряда поздних авторов (Strab. XVI.1.5; Curt. Ruf. V.1.32–35; Phil. Paradox. 22–24), однако вопрос о местонахождении и даже самом факте существования подобных садов представляет для современной науки неразрешимую загадку. Кольдевей, не сомневавшийся в достоверности практически любых свидетельств античных авторов о Вавилоне, считал руинами садов одну из построек на территории дворца Навуходоносора II (Koldevey 1913, 90–100), но впоследствии исследователи отказались от этого отождествления (См., например: Dalley 1994, 54; Nagel 1979, 242). Вы-

двигались и другие гипотезы относительно местоположения памятника (Wiseman 1985, 56–57), однако они пока не нашли своего археологического подтверждения. Обращает на себя внимание и отсутствие каких-либо упоминаний об этом сооружении в клинописных документах, тем более что Навуходоносор подробно описывает возведенные в его царствование постройки. Несмотря на молчание собственно вавилонских источников, висячие сады нельзя считать лишь выдумкой античных авторов, так как о них, по свидетельству Абидена, в деталях рассказывал Берос (Schnabel 1923, 270–271. Fr. 48) ⁹. Иосиф Флавий, тоже прибегавший к авторитету вавилонского историка (хотя и, по всей видимости, через посредников), сообщал, что Навуходоносор построил сады для своей жены, тосковавшей в Вавилоне по природе родной Мидии (Joseph. A.J. X.220 sq. Apion. I.128 sq.). Однако если Абиден и Иосиф прямо называют свой источник, то можно только строить догадки о том, откуда почерпнули информацию остальные авторы, упоминавшие висячие сады Вавилона. Ни один из них не ссылается на Бероса, более того, слова Диодора о некоем «сирийском» царе, который создал эту диковинку для своей персидской наложницы, полностью исключает вероятность непосредственного использования труда вавилонского историка. Сирийского царя, построившего сады для своей жены, упоминает и римский историк Курций Руф. Среди произведений, которыми пользовались и Диодор, и Курций Руф, был труд Клитарха. Этого раннеэллинистического автора, написавшего популярную в древности, но весьма ненадежную с исторической точки зрения историю Александра, Шнабель и считал промежуточным звеном между Беросом и более поздними историками (Schnabel 1923, 33–66). Следует заметить, что рассказы античных писателей о висячих садах в значительной степени отличаются друг от друга. Возможно, причина этого в лаконичности некоторых очерков, отражавших лишь отдельные детали исходного описания. Однако не исключено, что их авторы имели в своем распоряжении еще какой-либо источник. Теоретически таким источником могли быть произведения историков Александра.

Дошедшие до наших дней свидетельства о Вавилоне позволяют, таким образом, выделить три основных этапа формирования античной традиции об этом городе: Геродот, Ктесий и историки Александра. Именно спутники македонского царя, по всей видимости, рассказали греческому читателю то, о чем пытался умолчать Геродот: прославленный Вавилон лежит в руинах. Позднееэллинистические и римские авторы, упоминавшие о жалкой участи некогда великого города, веро-

ятно, исходили, в основном, из данных современников Александра, чьи рассказы постоянно кочевали из одного произведения античной традиции в другое. Однако упоминание об основании Селевкии на Тигре, послужившем одной из причин окончательного упадка Вавилона (Strab. XVI.1.5; Plin. H.N. VI.121), указывает на то, что в распоряжении писателей были свидетельства и более позднего времени, поскольку это обстоятельство не могло быть известно в эпоху Александра. Таким источником мог стать выходец из Сирии Посидоний, трудом которого широко пользовались Страбон и Плиний. Самый поздний рассказ о состоянии Вавилона относится к началу II в. н.э. Автор «Римской истории» Кассий Дион сообщает, что император Траян, привлеченный громкой славой древней столицы, посетил ее, но не нашел ничего достойного внимания, кроме холмов, руин и камней (Dio Cass. 68.30). Впрочем, сведения о жалком состоянии Вавилона оставались на периферии античной традиции, которая продолжала воспринимать этот город как чудо Востока, окруженное мощными стенами¹⁰.

Примечания

- 1 Еще одно свидетельство о Ниневии приписывалось Аристотелем Гесиоду. По словам Стагирита, поэт рассказывал об осаде ассирийской столицы (Hist. anim. 601 а). Однако Гесиод, живший в VII в. до н.э., вряд ли мог описывать события, происходившие в 612 г. до н.э. Скорее всего, эти сведения содержались в каком-либо из многочисленных трудов, считавшихся в античности вышедшими из-под пера Гесиода, но в действительности созданных много позже времени его жизни. Впрочем, упоминание о Ниневии в произведении VI в. до н.э., в любом случае, принадлежит к числу наиболее ранних.
- 2 В науке новейшего времени Ниневию традиционно отождествляют с упомянутым в «Анабазисе» Ксенофонта (III.4.7–12) заброшенным городом Меспилой (см., например: Nöldeke 1871, 455; Schwartz 1931, 380).
- 3 Ниневию посетили и герои «Жизни Аполлония Тианского» Филострата: философ Аполлоний и его преданный друг и последователь ассириец Дамид. Писатель даже описывает некий памятник Ио с рожками, по всей видимости, имея в виду изображение Исиды (Philost. Vit. Apol. 1.19). Совершенно очевидно, впрочем, что Филострат обладает лишь самыми туманными представлениями о древней столице и вводит этот сюжет в свой рассказ лишь из-за громкой славы города.
- 4 Эсхил вложил в уста хора персидских старцев слова о том, что многозлатый Вавилон послал в войско Ксеркса, готовившегося к походу на Элладу, «смешанную тол-

пу» (παύσεικτον οὐλον) матросов и лучников. Вряд ли афинский трагик имел при этом в виду смешение различных родов войск, поскольку пехотинцев и моряков отправляли на службу царю и другие упомянутые поэтом города. Возможно, в словах Эсхила содержался намек на этническую пестроту жителей Вавилона, воспоминание о которой нашли отражение и в библейской традиции. В античной литературе рассказы о смешанном населении столицы южного Двуречья больше не встречаются, кроме произведений византийских авторов, цитировавших ветхозаветную легенду.

- 5 Некоторые исследователи отрицали возможность существования в Вавилоне многоэтажных домов, полагая, что эпитет означал «имеющий много крыш» и Геродот пытался таким образом передать свое впечатление от расположенных уступами крыш вавилонских жилищ (Wetzel 1944, 61. См. также: Ravn 1942, 78–80). С другой стороны, среди памятников передневносточного искусства нередко встречаются глиняные модели двухэтажных домов (Brentjes 1981. № 80; Weiss 1985, 234. № 101; Bretschneider 1991, 39–66. № 20–40. Taf. 21–41).
- 6 В частности, Кефалион (II в. н.э.), приступая к изложению ассирийской истории, прямо говорит, что до него к этой теме обращались Гелланик, Ктесий и Геродот (FGrH. № 93. Fr. 1).
- 7 См., например: Xen. Anab. I.4.11; Cyr. VIII.6.22. Diod. XVII.31.6; 53.3.
- 8 Phot. Bibl. № 72 = FGrH. Bd. III C. № 688. Fr. 2.
- 9 Фрагменты труда никак более не известного Абидена сохранились благодаря «Хронике» Евсевия, дошедшей до наших дней только в армянском переводе. Это же свидетельство приводит византийский автор Синкелл, по всей видимости, почерпнув его из сочинения Евсевия.
- 10 В античной литературе упоминалось еще несколько центров традиционной вавилонской культуры: Борсиппа, Урук, Ниппур. Однако эти и другие ассирийские и вавилонские города со второй половины не играли значительной роли в политической жизни Переднего Востока, чем и объяснялся, по-видимому, отсутствие интереса к ним греческих и римских авторов.

- Кошеленко 1979 — *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Braun 1982 — *Braun T.F.R.* The Greeks in the Near East // *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. 1982. Vol. 3. Pt. 3.
- Brentjes 1981 — *Brentjes B.* Völker am Euphrat und Tigris. Leipzig, 1981.
- Bretschneider 1991 — *Bretschneider J.* Architekturmodelle in Vorderasien und der Östlichen Ägäis vom Neolithikum bis in das 1. Jahrtausend. Neukirchen-Vluyn, 1991.
- Dalley 1994 — *Dalley S.* Nineveh, Babylon and the Hanging Gardens: Cuneiform and Classical Sources Reconciled // *Iraq*. 1994. Vol. 56.
- Edmonds 1922 — *Edmonds J.M.* *Lyra Graeca*. London, 1922. Vol. 1.
- Heidel 1953 — *Heidel A.* The Octagonal Sennacherib Prism in the Iraq Museum // *Sumer*. 1953. Vol. 9.2.
- Koldewey 1913 — *Koldewey R.* Das wieder erstehende Babylon. Leipzig. 1913.
- Nagel 1979 — *Nagel W.* Where were the «Hanging Gardens» Located in Babylon? // *Sumer*. 1979. Vol. 35.
- Nöldeke 1871 — *Nöldeke Th.* Ἀσσύριος Σύριος Σύρος // *Hermes*. 1871. Bd. 5.
- Postgate 1970 — *Postgate J.N.* An Assyrian Altar from Nineveh // *Sumer*. 1970. Vol. 26.
- Ravn 1942 — *Ravn O.E.* Herodotus' Description of Babylon. København, 1942.
- Rollinger 1993 — *Rollinger R.* Herodots babylonischer Logos. Innsbruck, 1993.
- Rostovtzeff 1935 — *Rostovtzeff M.I.* Προγονοί // *Journal of Hellenic Studies*. London, 1935. Vol. 55.
- Sayce 1883 — *Sayce A.H.* The Ancient Empires of the East: Herodotus I–III with Notes. London, 1883.
- Schnabel 1923 — *Schnabel P.* Berossos und die babylonisch-hellenistische Literatur. Leipzig; Berlin, 1923. (Repr. 1968).
- Schwartz 1931 — *Schwartz E.* Einiges über Assyrien, Syrien, Koilesyrien // *Philologus*. 1931. Bd. 40 (86).
- Thompson, Hutchinson 1929 — *Thompson R.C., Hutchinson R.W.* The Excavations on the Temple of Nabu at Nineveh // *Archaeologia*. 1929. Vol. 26.
- Weiss 1985 — *Ebla to Damascus. Art and Archaeology of Ancient Syria* / Ed. H.Weiss. Washington, 1985.
- Wetzel 1944 — *Wetzel F.* Babylon zur Zeit Herodots // *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*. Leipzig, 1944. Bd. 14 (48).
- Wetzel, Schmidt, Mallwitz 1957 — *Wetzel F., Schmidt E., Mallwitz A.* Das Babylon der Spätzeit. Berlin, 1957.
- Wiseman 1985 — *Wiseman D.* Nebuchadrezzar and Babylon. London, 1985.

TOWNS OF ASSYRIA AND BABYLONIA IN GRECO-ROMAN TRADITION

Classical authors refer to several towns of Mesopotamia, namely Borsippa, Uruk and Nippur, but Nineveh and Babylon were for Greeks and Romans cities *par excellence*, embodiments of splendor and vanity, which are typical of every metropolis. Although Nineveh was often mentioned in the classical sources as a symbol of fallen grandeur, practically nothing was known about structure and monuments of the Assyrian capital. On the contrary, many detailed descriptions were devoted to Babylon. Three main stages can be distinguished in the vast tradition concerning the city: works by Herodotus, Ctesias and historians of Alexander the Great. The essay by Herodotus served as the basis of future descriptions, but at the same time it contains striking discrepancies and exaggerations which made some scholars believe that the writer had never visited the city. It must be taken into consideration, however, that long before Herodotus Babylon enjoyed reputation of an enormous and magnificent capital. It is possible that the Greek historian being in captivity of this opinion did not want to reveal the fact that the city already laid in ruins and tried to describe ideal Babylon, the city of the epoch of its flourishing. This approach was typical of later classical writers and even in Hellenistic and Roman periods when poor state of the ancient capital became a well-known fact Babylon was quite often referred to as a splendid capital.

В.В.Емельянов

ШУМЕРСКИЙ КОСМОГОНИЧЕСКИЙ МИФ «ПУТЕШЕСТВИЕ НИНУРТЫ В ЭРЕДУ» (Библиотека Ниппура, XIX–XVII вв. до н.э.)

Шумерский текст, известный под условным названием «Путешествие Нинурты в Эреду», дошел до нас в записи Старовавилонского периода из Ниппурской библиотеки, в очень поврежденном состоянии. Вместе с большинством табличек ниппурской коллекции он хранится в Пенсильванском музее в Филадельфии (CBS 13938, 9–10). В четырех колонках текста отсутствуют, по крайней мере, 30 строк. Внутри сохранившихся частей текста большое число лакун, которые с трудом поддаются восстановлению, так что из вероятных 140 строк хорошо читаются и понимаются только около 90. Впервые текст был издан в начале 30-х гг. Э.Кьерой (STVC, 34), спустя четверть века появился комментированный немецкий перевод А.Фалькенштейна (SGL I, 80 ff.), а в 1972 г. было опубликовано последнее на сегодняшний день издание Д.Райзмана (JCS 24, 3–11) с транслитерацией, переводом и

филологическим комментарием. Некоторые историко-культурные проблемы текста о путешествии Нинурты в Эреду рассматриваются в неопубликованной диссертации Абдул-Хади А. Аль-Фуади, посвященной шумерским текстам о путешествиях богов (Al-Fouadi 1969, 4 ff.). Аль-Фуади, в частности, полагает, что на табличке содержатся два текста о Нинурте: колонки I–II — путешествие в Эреду, колонки III–IV — гимн Нинурте, сюжетно не связанный с текстом путешествия. Однако с этим трудно согласиться, поскольку в III и IV колонках встречаются формулы, фигурирующие в первых двух и подчеркивающие связь Нинурты с Эреду и Абзу (например, II 8, 10; III 16, 21–22). Вероятнее всего, перед нами цельная композиция, состоящая из следующих частей:

I. Выход Нинурты из Ниппура в Эреду с просьбой о поддержании и преумножении жизни в Шумере (что выражается в неизменности *ME* и предначертаний).

II. Энки дарует Нинурте *ME* вместе с царскими и жреческими инсигниями.

III. Нинурта прославляется как носитель царственности, определитель судеб, герой и сын Энлиля, его превозносят над Ануннаками и воспевают как победителя гор.

IV. Нинурта прославляется как жрец священной трапезы Энлиля и бог, послушно исполняющий его волю.

Колофон текста «шир-гид-да Нинурты» идентичен колофону Angim, что указывает на связь обоих текстов в функциональном плане — это гимны, исполняемые под аккомпанемент духового инструмента и прославляющие царскую власть¹. Но тексты могут быть связаны и в плане содержания. Вспомним, что в Angim Нинурта назван «леопардом, получившим *ME* в Абзу» (69), в нашем же тексте Нинурта только идет в Абзу с целью получения *ME*. Следовательно, оба текста могут составлять части одного повествования: в 1-й части — путешествии — Нинурта получает в Эреду *ME*, во 2-й части — битве и возвращении — использует эти *ME* для одоления и устрашения противника. Датировка возвращения Нинурты в Ниппур известна — 2-я половина II ниппурского месяца (апрель–май; подробнее см.: Емельянов 1997, месяц II). Из Цилиндров Гудеа мы знаем, что строительство храма Нингирсу Эннинну начинается вскоре после начала половодья (т.е. в марте–апреле) (A I 1–9), а заканчивается оно ровно через год в то же самое время, и тогда же Нингирсу возвращается из Эреду в Лагаш: mu-ḡen-na-am₃ iti-til-la-am₃ / mu-gibil an-na im-ma-gub / iti e₂-ba ba-a-ku₄ /

iti-bi u₄-eš₃-am₃ im-ta-zal / ^dNin-ġir₂-su Ered^{ki}-ta du-am₃ «Год прошел, месяц закончился, Новый год на Небе встал, месяц в дом свой вошел (и) 3-й день его прошел — Нингирсу из Эреду прибыл» (В III 5–9). Поскольку после III дин. Ура лагашский Нингирсу и ниппурский Нинурта не отличались друг от друга, то повествование о деяниях одного автоматически переносилось на другого. В функциональном же плане оба героя с ранней древности несли одинаковую нагрузку — и Нинурта, и Нингирсу считались победителями гор и любимыми воинами Энлиля. Эти обстоятельства позволяют нам датировать путешествие Нинурты в Эреду по времени путешествия туда Нингирсу. Итак, если Нингирсу возвращается из Эреду в Лагаш после начала половодья, на 3-й день после Нового года, то путешествие его должно проходить в феврале–марте, т.е. в XII месяце Ниппурского календаря. Аналогично для Нинурты: битва обладателя *ME* проходит в I месяце или в начале II, возвращение датируется 20-ми числами II месяца, и значит, путешествие в Эреду за *ME* и получение *ME* от Энки должны предшествовать I месяцу. Делая поправку на периодические подвижки в лунно-солнечном календаре из-за вставки XIII месяца, можно сказать, что основные события ритуала Нинурты/Нингирсу происходят в пределах марта–первой половины мая, т.е. весной, и раньше всего совершается путешествие в Эреду с целью получения *ME*. Тот факт, что после получения *ME* от Энки Нинурта называется «владыкой-истребителем гор» (III 37), лучше всего свидетельствует об истинной последовательности событий.

В нашем тексте Нинурта назван *dumu-^dEn-lil₂-la₂-ke₄* «сын Энлиля» (I 27). В то же время, многие тексты говорят о тесных и даже родственных отношениях между Нинуртой и богом Эреду Энки. Так, уже в текстах Урукагины супруга Нингирсу Бау именуется *e₂-gi₄-a-Ered^{ki}-ga-ke₄* «невестка Эреду» (Ukg. 52), что означает ее брак с сыном (!) Энки. Однако в старовавилонском гимне Бау ее называют «невесткой Энлиля» (UMBS X 14, 15). Кроме того, в цилиндрах Гудеа сестра Нингирсу Нанше является дочерью Энки (A II 16). Это как будто бы дает основание для утверждения о первоначальном родстве Нинурты/Нингирсу с Энки, которое впоследствии (по мнению О.Шеберга и затем Аль-Фуади, в эпоху III дин. Ура) было подправлено на родство с Энлилем (TCS 3, 10; Al-Fouadi 1969, 15–17). Однако, все здесь не так просто, как хотелось бы. Одно и то же божество могло вступать в разных городах Шумера в различные родственные отношения. Хорошо известно, что Инанна в Уре была дочерью Нанны, в Уруке — дочерью

Ана, а в текстах, связанных с Эреду, она дочь Энки. Также и Нингирсу/Нинурта мог быть в Эреду сыном Энки, а в Ниппуре — сыном Энлиля. О его связи с обоими городами достаточно наглядно свидетельствуют четыре примера: ^dNin-ġir₂-su en Abzu-ta u₄-su₃-še₃ maḥ «Нингирсу — владыка, от Абзу на долгие дни высокий» (Ent. 30, 2: 4'–6'); ^dNin-ġir₂-su en Nibru^{ki}-ta u₄-su₃-še₃ maḥ «Нингирсу — владыка, от Ниппура на долгие дни высокий» (Lug. 15, 2':6'); ^dNin-ġir₂-su Abzu-gal-di / Nibru^{ki}-a ni^r-gal₂ «Нингирсу в Абзу выносит решения, в Ниппуре избирается» (Zyl. A II 11–12); me-E₂-kur-ra an-gim dugud-da-am₃ mu-e-il₂ / me-Eredu^{ki}-ga ki-gim maḥ-am₃ mu-e-i[l₂] «МЕ Экура, тяжелые как Небо, ты держишь! МЕ Эреду, высокие как Земля, ты держишь!» (Angim, 11–12). Из этих контекстов неоспоримо следует связь Нингирсу/Нинурты одновременно с династиями богов Ниппура и Эреду. Приведем и последний, самый весомый аргумент. В Цилиндре А Гудеа Нингирсу два раза называется dumu-^dEn-lil₂-la₂ «сын Энлиля» (VIII 21; IX 3). Следовательно, уже в эпоху Гудеа (XXII в. до н.э.) Нингирсу официально считался сыном Энлиля, несмотря на ритуал путешествия в Эреду в конце года. Впоследствии же, в Старовавилонский период, когда произошла гипертрофия ниппурского культа, родственные связи Нинурты с Энки были отсечены, и Нинурта стал сыном одного только Энлиля.

В диссертации аль-Фуади тексты путешествия богов разделяются на две группы: а) petitioning journeys; б) reporting journeys (Al-Fouadi 1969, 4). В первом случае божество идет в город своего отца с просьбой о даровании стране благополучия, а царю — долгого правления. Чтобы растрогать сердце предка, сын/дочь устраивает в его честь пир. Во втором случае путешествие предпринимается с целью сообщения богу-предку о завершении храмового строительства в своем городе. И здесь также упоминается о пире. Каковы же могут быть истинные цели такого путешествия? И в первом, и во втором случае речь идет об отделении сына от отца и желании сына жить собственным домом. Прежде чем отделиться, в общине всегда испрашивают родительского благословения на самостоятельную жизнь (в том числе и семейную), и в знак своей материальной состоятельности сытно кормят предков результатами своего труда. Если же предки к этому времени умерли, то кормление их превращается в жертвоприношение. В любом случае без благословения старших нельзя начинать никакое новое дело. Стало быть, разделение текстов путешествия на две группы достаточно формально и условно, поскольку все известные нам хождения богов по-

священы одной-единственной цели — это хождения к предкам за новым началом, это поиск самостояния без разрыва родовых связей. С точки зрения идеологии, путешествие бога к предку за началом новой жизни обязательно связано с новогодним праздником и интронизацией царя. На примере трех «Путешествий Нанны в Ниппур» мы знаем, что благоволение испрашивается Нанной сперва для царя III дин. Ура Шульги, а позднее — для исинского царя Синиддинама (Al-Fouadi 1969, 30–35). Это означает, что путешествие бога к отцу всегда предшествует обряду интронизации (хотя бы и символическому, поскольку в последние века Шумера цари правили очень долго и их статус был закреплён за ними пожизненно).

Чего же конкретно хочет добиться путешествующий бог от своего отца? Во-первых, поддержания жизни («судьбы изобилия») на прежнем уровне, а именно — воспроизводства скота, диких животных и рыбы, улучшения качества молочных продуктов, разлива рек, роста трав и тростников. Это уровень проявленной, оформленной жизни, которая предназначена для людей. Во-вторых, сохранения в неизменном виде *МЕ* и «предначертаний» — божественных субстанций, от наличия и целостности которых зависит изобилие в человеческом мире. И, в-третьих, царской и жреческой власти над миром, дающей средства для достижения означенных выше целей. В нашем тексте *МЕ* и атрибуты царственности Нинурта получает от Энки еще и для того, чтобы с их помощью одержать победу над врагом.

В последней части текста прославленный герой Нинурта удостоивается за свои подвиги пятидесяти *МЕ*, подносимых к его жертвенному столу. Сообщение о 50 *МЕ* Нинурты здесь коррелирует с рассказом самого Нинурты о даровании ему Энлилем 50 *МЕ*, а рассказ этот содержится в Цилиндре А Гудеа (цитируем и переводим по: Edzard 1997).

х

- 1 *ja*₁₀ *gu*₅-*ḡu*₁₀ *nam-gal-ki-aḡa*₂-*da*
Отец, мой создатель, в великой любви (своей)
- 2 *lugal-a-ma-gu*-^d*En-lil*₂-*la*₂
«Царь, потоп Энлиля,
- 3 *igi-ḥuš-a-ni kur-da nu-il*₂
Чьего яростного взгляда горы не выносят,
- 4 ^d*Nin-ḡir*₂-*su*₂ *ur-saḡ*-^d*En-lil*₂-*la*₂
Нингирсу, герой Энлиля»

- 5 mu-še₃ mu-sa₄
 Меня назвал,
 6 me-ninnu-a za₃ mi-ni-keš₂
 50 *ME* мне за концы связал.
 7 ^{giš}banšur mu-il₂
 Жертвенный стол я воздвиг,
 8 šu-luḥ si bi₂-sa₂
 Обряд омовения рук исполнил,
 9 šu-si-sa₂-a-ḡu₁₀ an-ku₃-ge u₃-a ba-zi-ge
 Моей правой рукой светлого Ана ото сна (?) поднял,
 10 ninda šu-ḡe₂₆ du₁₀-ga-am₃
 Пищи благой из руки моей
 11 ja₁₀ gu₅-ḡu₁₀ du₁₀-ga-bi mu-ku₂
 Отец, мой создатель, вкусил.
 12 an lugal-dingir-re-ne-ke₄
 Ан, царь богов,
 13 ^dNin-[ḡir-s]u lugal išib (*ME*)-an-na
 «Нингирсу, царь *ME* Ана (вар. царь, жрец-консекратор Ана)»²
 14 mu-še₃ mu-sa₄
 Меня назвал.

В том тексте Нинурта после получения *ME* кормит своего отца, предварительно исполняя обряд омовения рук, и после этого удаляется от Ана титула «хозяин небесных *ME*». Здесь также упоминается об обряде омовения рук как священной миссии Нинурты, и, скорее всего, как и в цилиндре, это намек на предстоящую ему роль кормильца своего отца. Подтверждение этому находим в других текстах: sagi-zabar-ku₃ zalag₂-ga en-me-^{giš}banšur-га «чашник, который светлые бронзовые (сосуды) сияющими делает, владыка *ME* жертвенного стола» (эпитет Нинурты в SGL II 108:21); en-^{giš}banš[ur]-ra-^dEn-lil₂-la₂-me-en «Владыка жертвенного стола Энлиля — я!» (также эпитет Нинурты; PSD B, banšur).

Итак, на протяжении нашего текста Нинурта дважды получает *ME* — от Энки в Эреду и от Энлиля в Ниппуре. Поскольку многие части текста утеряны, нельзя точно сказать, состоялось ли кормление в первом случае. Что же касается ниппурских *ME*, то они были получены за жертву, о чем свидетельствует именование Нинурты «владыкой священных обрядов омовения рук». В общем и целом смысл путешествия богов становится ясен: невозможно начать новую жизнь, пред-

варительно не расплатившись с родителями по старым долгам. В свете этой тривиальной для родового общества истины приобретает новое значение факт кормления Инанны Энки перед похищением *МЕ* в тексте «Инанна и Энки» (Инанна и Энки, I,2, 7–14). Можно предположить, что перед нами ситуация обращенного обряда: следуя обычаю, Инанна, несомненно, сама должна кормить и поить своего отца с целью воздания необходимых почестей предку перед получением *МЕ*. Скорее всего, так и обстояло дело в глубокой древности. И только впоследствии, уже на этапе литературной обработки текста, этот важнейший обрядовый мотив был превращен в трапезу, устроенную Энки для своей дочери и послужившую причиной утраты им *МЕ*. Здесь трапеза понадобилась автору композиции в качестве сюжетной завязки, а о назначении ее в обряде (особенно о том, кто кого кормит) составитель текста предпочел не вспоминать³.

Получая от родителей *МЕ*, молодые боги знают, что лишают их необходимого имущества. Поскольку же *МЕ* есть в огромной степени условия существования самой жизни (*u₄-ti-la* «свет жизни», как сказано в нашем тексте), то предки, отдавшие *МЕ*, сами теряют жизненную активность (они не могут умереть, так как по определению бессмертны). И кормление предков перед получением *МЕ* является энергетической компенсацией за потерю жизненной активности. По аналогии можно вспомнить старинный шумеро-аккадский обряд продажи общинной земли царю (*bukanni*), в котором одним из основных моментов было кормление родственников продавца и нищих общинников в качестве компенсации за потерянный участок земли (Дьяконов 1959, 40–83). «Потерянный» нужно понимать здесь как «отделенный от целого/от тела», поэтому кормление — плата за отдельность как утрату части этого целого. Одна и та же социально-психологическая форма встроена в разные по уровню содержания: в частности, в политике любая претензия на самостоятельное правление и есть претензия на отделение, на противопоставление себя всеобщему. Поэтому и начало правления, и — аналогично — начало года должны проходить по одинаковой схеме: хочешь жить отдельно — плати за ущерб родительской семье (ср. в вавилонском «Диалоге господина и раба»: «Строящий свой дом разрушает дом своего отца»).

Путешествие Нинурты в Эреду

Пер. по изданию: Reisman 1972, 3–8.

Пер. с шумерского В.В.Емельянова.

Колонка I

1. [Герой, имеющий власть над Ануннаками, из Эку]ра вышедший⁴,
 2. [Нинурта, имеющий власть над Ануннаками], из Экура вышедший,
 3. *Разбито*.
 4. [Герой Нинурта, сын] Энлиля,
 - 5–6. *Разбито*.
 7. [Нин]урта из места Э[нли]ле[ва в Эреду] направился.
 8. Чтобы [су]дьбу изобилия определить,
 9. *Разбито*.
 10. Чтобы на ши[рокой зем]ле травы в изобилии вырастить,
 11. Чтобы в [хлевах и за]гонах масло и сливки густыми сделать⁵,
 12. Чтобы овечьих [па]стухов возвеселить, —
 13. [Ге]рой Нину[рта] в Эреду направился.
 14. Чтобы [Ти]гр с [Ев]фратом могли разливаться,
 15. Чтобы [.....], чтобы Бездна могла яриться,
 16. Чтобы [на болоте рыбы «сухур-х»и] и усач (могли резвиться),
 17. *Разбито*.
 18. Чтобы на [цинов]ке мертвый тростник и зе[ле]ный тростник, все сколько ни есть, в качестве жертвы принести (?)⁶,
 19. Чтобы [множество живо]тных, тварей степи,
 20. [.....], олень, горный баран, [.....] великий
 - 21–23. *Разбито*.
 24. Чтобы [МЕ] Шумера были неуничтожимы,
 25. Чтобы [предначертания] всех стран были неотменимы,
 26. Чтобы [.....], чтобы справедливые решения выносить,
 27. [Нинурта, сы]н Энли[л]я,
 28. [.....], чтобы решение приня[ть],
- (Далее *разбито*)

Колонка II

5. [Он⁷ приготовил путь] своему царю [в Абзу],
6. Нинурте [он] приготовил путь в Абзу,
7. Дорогу, как праздник, он выстроил, степь [....].
8. Нинурту в Абзу Эреду с радостью ввел он.

9. При вступлении царя в Абзу день — изобилие, ночь — великолепия!
 10. При вступлении Нинурты в Абзу день — изобилие, ночь — великолепия!
 11. *МЕ* — свет жизни — он ему даровал. Герой Ана он!
 12. *МЕ* — все подобающее — на место он [вернул].
Владыка всех *МЕ* он⁸!
 13. Благой свет Шумера выведший, владыка [.....]!
 14. Нинурта, сын Энлиля,
 15. Ради царственности корону надел, [.....] принес!
 16. Ради⁹ владычества лазуритовую повязку повязал, [.....] в руку взял,
 17. Сияние вывел, в Абзу Эре[ду] голову к Небу поднял.
 18. Юноша, имеющий (в руках) великолепия Экура!
 19. В царственности [.....],
 20. На Небе и на Земле [.....] он увязывает (?),
 21. С Аном и [Энк]и во дворе в радости он сидит, [.....]!
- (Далее разбито)*

Колонка III

11. Нинурта! Ты — великая крепость Шумера!
12. За свой героизм ты к мужам причислен!
13. Владыка истинных решений, сын Энлиля,
14. Ль[н]яную одежду носящий, [сын бог]а определения судьбы,
для энства назначенный!
15. Священный обряд омовения рук, о царь, — твое жречество *ишиб* —
для священного престола предназначен!
16. Нинурта в Абзу Эреду — с Аном судьбы определяющий!
17. Приказания твои — благоговение (вызывают)!
18. Судьбы, тобой определенные — неизменны!
19. К слову твоему, к определенной тобой судьбе
20. Боги-герои Абзу [склоняют]ся:
21. «Царь! Из Абзу голову свою ты поднимешь!
22. Нинурта! Из Эреду голову ты поднимешь!» —
23. Геройство они воспевают.
24. Боги Ануннаки [.....]
- 25–29. *Разбито.*
30. Сияние твоей царственности враждебные страны покрывает!
31. Герой! (Где) ты пашешь — народу стабильность (приносишь)¹⁰!
32. Серебро-лазурит, сокровища лесистой горы,
33. Своему отцу Энлилю из глубины гор ты при[носишь]¹¹!

34–36. *Разбито.*

37. Владыка-[ис]ребитель гор, победу одержав[ший]!

38. Нинурта! Герой Энлиля — [ты]!

39. В Небе мужем ты избран, ге[рой]!

Колонка IV

10. [...] в [руку] твою он вложил!

11. [Владыка] священных [загонов], сияющих обрядов омовения!

12. [...] к Э-игишуду, твоему месту определения судеб, —
50 *ME* должны быть (положены)!

13. [В зале] вечерней трапезы на месте воздвижения твоего [жертвен-
ного стола]¹² — 50 *ME* должны быть (положены)!

14. [...] никто их не назовет!

15. [...] *ME* благие (никто) не удалит!

16. [Твой город — вы]сок! Твой храм — высок!

17. [Сияние]¹³ твоей [цар]ственности — высок(о)!

18. Рев твоего [ге]ройства — высок!

19. [Нин]урта, сын Энлиля! [Сияние твое] высок(о)! Из храма
[...]он(о) выходит!

20. Те[нь твоя] высокая над Страной простерта!

21. [От низ]а до верха, одеянию подобно, (все земли) она покрывает!

22. [Высоче]ство¹⁴ твое — от сердца Энлилева¹⁵!

23. [Нинурта]! Вы[с]очество твое — от сердца Энлилева!

24. Направление твое [в горы] — от его сердца!

25. [Оп]ределение твоей судьбы — от его сердца!

26. Твой неизменный твой [трон ца]рственности — от его сердца!

27. *Разбито.*

28. [Пес]ня (в честь) Нинурты для флейты *эмбубу*, (прославляющая
царственность).

29. [...] ге]рой Ана, своей рукой [...] жизнь страны.

Примечания

- 1 В колофоне обоих текстов читаем: šir₃-gid₂-da-Nin-urta-ka. Эту фразу можно перевести двояко. Во-первых, буквально это «длинная песнь (в честь) Нинурты». Однако, слово gid₂ «длинный, долгий» имеет еще одно значение — «духовой музыкальный инструмент» (акк. *embubu*) (Angim. P. 3). Кроме того, в гимне Shulgi E «шир-гид-да» предназначена для ar₂-nam-lugal-la «прославления царственности» (29).

Следовательно, во-вторых, можно перевести колофон следующим образом: «песнь для инструмента gid₂ (в честь) Нинурты, (прославляющая царственность)».

- 2 Знак *МЕ* здесь может читаться двумя способами: а) как išib «жрец обряда очищения», б) в основном чтении me. Рассмотрим обе версии. Читая *МЕ* как išib, мы опираемся на данные самого текста, в котором бог Нингирсу сообщает об устройении для своего отца Энлиля жертвенной трапезы. Перед началом жертвенной трапезы Нингирсу совершил обряд омовения рук, а проведение этого обряда входило только в обязанности жреца išib, ср. параллелизм в NBC 11108 VIII 5–6: išib-maḥ-^dEn-ilī₂-la₂ nu-u₃-ga₂ /šu-luḥ-ku₃-ge šu nu-u₃-ma-du₇ «Верховный жрец-очиститель Энлиля не существовал — священный обряд омовения рук совершенно не исполнялся». Следовательно, после совершения обряда и устройства жертвенной трапезы Нингирсу мог считаться жрецом-очистителем при особе бога Ана — царя богов. Тогда переводим «Нингирсу — царь, жрец-очиститель Ана». Читая в первом значении (т.е. me), мы тоже не слишком ошибемся. Несколькими строчками выше Энлиль передает Нингирсу 50 me, после чего Нингирсу может называться повелителем небесных *МЕ* («небесными») они названы потому, что в начале времен были получены от бога Ана). Тогда переводим «Нингирсу — хозяин небесных *МЕ*». Й.Крехер предлагает понимать lugal me-an-па «царь, (при котором) *МЕ* Ана» (устное сообщение). Получается так же убедительно, как и в первом случае. Более того, если рассмотреть имя-эпитет Нингирсу целиком, получится замечательный параллелизм: «Ан — царь богов, Нингирсу — царь *МЕ* Ана». Можно понять это так, что Нингирсу отныне обладает главными сокровищами Неба, и это значительно расширяет его права в мире богов.
- 3 Среди шумерских текстов «путешествий богов» есть и такие, где отец кормит сына/дочь («Нанна в Ниппуре» I, «Инанна и Энки»), и такие, где сын/дочь кормит отца («Нининсина в Ниппуре», «Энки в Ниппуре»). Однако в текстах первого типа кормление потомка необходимо для подчеркивания превосходных качеств предкадарителя и несет своеобразную этическую функцию (особенно в контрасте с вероломством Инанны). В последнем же случае тема кормления органично присутствует в ткани текста и обряда и ничего не говорит о чертах характера путешествующего бога.
- 4 Восстановления Д.Райзмана, далее не оговариваются.
- 5 Райзман переводит [tur₁ a]maš-a i₃-gara₂ dugud-de₃-da «чтобы хлеба и загоны были тяжелы от молока и сливок».
- 6 Райзман понимает nisag ni₃-nam ak-aka-da «первые плоды...». Возможно, что речь идет о работах с первыми побегами тростника, но мы оставляем вариант пожертвования.
- 7 Субъект действия представляет проблему. Райзман полагает его неизвестным. Мы предполагаем, что это Энки, торжественно встречающий Нинурту. Однако вполне

возможно, что субъектом действия является некий царь, о котором мы ничего не знаем из-за лакун, и этот царь заботится о подготовке визита своего бога в Абзу.

- 8 Райзман считает, что *ur-saĝ-al-na* (11), *en-me-šaĝ-ga* — эпитеты Энки, но свою гипотезу не мотивирует. Мы полагаем, что это эпитеты Нинурты после того, как он получил *ME*. Ниже (21) мы увидим, что Нинурта после коронации сидит вместе с Аном и Энки. Так объяснились оба эпитета: Нинурта назван «героем Ана» по причине получения *ME* и введения в совет богов, «владыкой всех *ME*» — по факту их получения (не путать с Энмешаррой).
- 9 Аллативный показатель *-še₃* в сочетаниях *nam-lugal-še₃*, *nam-en-še₃* Райзман переводит «на царский манер», «на господский манер». Как можно надеть корону не на царский манер — представить себе трудно. Мы понимаем здесь *-še₃* как «ради, для».
- 10 Буквально: «герой, он там пашет, народ там постоянным делает». Возможно, речь идет о связи между земледелием и оседлостью.
- 11 Намек на войну между Нинуртой и воинами восточных гор (р-н Иранского нагорья).
- 12 Восстановление PSD, B, *banšur*.
- 13 Мы восстанавливаем здесь [dalla], а в 19 [dalla-zu].
- 14 *nam-maḥ* буквально «высочество», но вряд ли речь идет о достоинстве принца.
- 15 ⁴*En-lil₂-la₂ ni₃-ša₃-ga-na-ka* буквально «вещь сердца Энилия», но можно понять и как «вещь замысла Энилия», т.е. нечто, предопределенное Энилем.

Литература

- Дьяконов 1959 — Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья: Шумер. М., 1959.
- Емельянов 1997 — Емельянов В.В. Ниппурский календарь как источник по истории шумеро-аккадской культуры: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997.
- Инанна и Энки — *Инанна и Энки* // От начала начал: Антология шумерской поэзии / Вступ. ст., пер., коммент. В.К.Афанасьевой. СПб., 1997.
- Al-Fouadi 1969 — *Al-Fouadi A.H.* Enki's Journey to Nippur: The Journeys of the Gods. Ann Arbor, 1969.
- Angim — Cooper J.S. The Return of Ninurta to Nippur. Roma, 1978.
- Edzard 1997 — Edzard D.O. Gudea and His Dynasty. Toronto, 1997.
- Ent. — *Enmetena* // Steible H. Die Altsumerischen Bau- und Weihinschriften. Wiesbaden, 1982 (=FAOS 5).
- FAOS — *Freiburger Altorientalische Studien*.
- JCS — *Journal of Cuneiform Studies*. New Haven.
- Lug. — *Lugalanda* // FAOS 5.

PSD — *Pennsylvanian Sumerian Dictionary*. Philadelphia, 1984—
Reisman 1972 — *Reisman D.* Ninurta's Journey to Eridu // JCS. 1972. Vol. 24(1–2).
SGL I — *Falkenstein A.* Sumerische Götterlieder. Wiesbaden, 1959.
SGL II — *van Dijk J.J.A.* Sumerische Götterlieder. Wiesbaden, 1960.
STVC — *Chiera E.* Sumerian Texts of Varied Contexts. Chicago, 1934.
TCS 3 — *Sjöberg A; Bergmann E.* The Sumerian Temple Hymns. New York, 1969 (=Texts from Cuneiform Sources 3).
Ukg. — *UruKagina* // FAOS 5.
UMBS — *University Museum of Pennsylvania. Babylonian Section.*

V.V.Emelianov

THE SUMERIAN MYTHOLOGICAL TEXT «NINURTA'S JOURNEY TO ERIDU»
(The Nippur library. XIX–XVII B.C.)

The article deals with the Sumerian hymn «Ninurta's Journey to Eridu». This text contains very important information about the Old Sumerian ritual of the spring battle between the Young Hero and angry forces of Winter, which was the prologue to the rite of enthronization during all Sumerian history. Comparative study of all Sumerian «journey texts» led us to conclusion that the main aim of god's journey to his father was a petition about the beginning of separate life in his own domain, accompanied with sacrifice which was necessary to pay for this kind of separation (giving of *ME* and «prescriptions» as parts of father's body to his son).

Russian translation and philological comments to the text are included.

ШУМЕРСКОЕ СЛОВО ni_2 : ФУНКЦИИ И ЗНАЧЕНИЯ

Интерес к слову ni_2 объясняется тем, что наряду с употреблением в качестве имени существительного, оно часто используется в функции местоимения. Поскольку в работах по шумерскому языку этот факт отмечается, но специально не исследуется, показалось целесообразным более подробно рассмотреть функции и значения этого слова.

Сведения о значении ni_2 содержат прежде всего шумеро-аккадские словари. В этих словарях, составленных аккадскими писцами, слово ni_2 переводится на аккадский язык как: 1) *mimma* — неопределенное местоимение «нечто», «что-либо» (ŠL 597, 22);

2) *mimma šumšu* — эквивалент обобщительно-определятельного местоимения «все»; букв. «нечто имени его» (ŠL 597, 23);

3) *bušū, makkuru* «имущество», «владение» (Labat 597).

Кроме того, можно отметить следующие факты.

1. В двуязычных текстах (после строки, написанной по-шумерски, следует ее перевод на аккадский) ni_2 , находящееся в препозиции к придаточному предложению, переводится аккадским относительным местоимением ša_2 , вводящим придаточное дополнительное предложение: $\text{ni}_2 \text{ ma}_2\text{-e i}_3\text{-zu-a-tu}$ = акк. $\text{ša}_2 \text{ a-na-ku i-du-u}_2$ (ŠL 597, 39). Перевод с шумерского: «все мое, что я знаю, (ты тоже знаешь)». Перевод с аккадского: «что я знаю, (ты тоже знаешь)».

2. Рядом исследователей шумерского языка высказывается мнение о функционировании ni_2 в качестве местоименного союзного слова «который», «что», вводящего определятельное придаточное предложение — коррелят опорного слова, неодушевленного имени существительного (Poebel 1923, § 271; Lambert 1973, § 217, 227–228; Thomsen 1984, § 486).

3) В шумерологической литературе только на основании контекста это слово квалифицируется как имя существительное «вещь», ср. например: Poebel 1923, § 271; Thomsen 1984, § 486.

Клинописный знак, используемый для передачи этого слова, восходит к рисунку сосуда в форме плоской чаши либо конуса (Labat 597). Другие значения этого знака: *ninda* «хлеб» и мера емкости, приблизительно равная 0,8 л.

В предлагаемой работе на материале исследуемых текстов проверяется правомерность приведенных сведений о семантике этого слова. Представляется целесообразным начать исследование с рассмотрения

синтаксических функций, выполняемых pig_2 в составе предложения, и именно тех из них, которые в наибольшей степени способствовали бы выяснению его семантики.

1. Употребление pig_2 в функции приложения.

Приложение может быть расширено за счет присоединения к нему определения в виде глагольного корня (одного или с зависимыми от него словами), получающего значение причастия или прилагательного, или целого предложения. Имена существительные, по отношению к которым pig_2 выступает в роли приложения, обозначают (следующие ниже примеры распределены в зависимости от частоты употребления pig_2 в качестве приложения к тому или иному разряду имен существительных):

1) прежде всего и наиболее часто продукты питания: мука, хлеб, пиво, вода, вино и животные, когда они квалифицируются как продукты питания (овцы, свиньи). В таком контексте pig_2 может означать «продукт», «вещь», «нечто». Следует отметить, что неопределенные местоимения в шумерском не представлены.

$\text{geštin nig}_2\text{-dug}_3 \text{ i-im-nag-nag-e-ne kaš nig}_2\text{-dug}_3 \text{ i-im-dug}_3\text{-dug}_3\text{-ge-e-ne}$
«вино, вещь приятную, они пьют, пиво, вещь приятную, они смакуют» (IE 90);

$\text{zid}_2 \text{ nig}_2\text{-ku}_2\text{-da}$

«мука, продукт, долженствующий быть съеденным» (AWL 153 II 2);

$10 \text{ ninda-gu-KAL nig}_2\text{-ku}_2\text{-da}$

«10 хлебов (из муки) «гукал», продукт долженствующий быть съеденным» (AWL 67 I 1–2);

$\text{geme}_2\text{-šah}_2\text{-nig}_2\text{-ku}_2\text{-a-me}$

«они есть рабыни (при) свиньях, откармливаемых животных» (букв. «продукт/нечто съedaемое») (AWL 46 I 4).

2) Абстрактные (с нашей точки зрения) понятия типа «слово», «решение», «жизнь», «изобилие» и т.п. Здесь для pig_2 подходит значение «нечто», «вещь». Подобное употребление pig_2 характерно для текстов позднего времени.

$\text{ini[m]-kug nig}_2\text{-nu-kur}_2\text{-ru-da-ne-ne gi-ne}_2\text{-še}_2 \text{ bi}_2\text{-in-ne-eš-am}_3$

«свое святое слово, нечто, не долженствующее быть измененным, уверенно они произнесли» (Kärki 1980, 127: 21–22);

$\text{til}_3 \text{ nig}_2\text{-dug}_3 \text{ ha-la-nam-lugal-la sag-e-eš ha-ma-ab-rig}_7\text{-ge}$

«жизнь, вещь приятную, (и) долю царскую пусть он мне подарит!» (Kärki 1980, 128: 111–112).

3) Сооружения (городские ворота, колодец, дом). Засвидетельствовано всего три примера, и все они происходят из текстов так называемого позднешумерского периода. В подобном контексте nig_2 может означать «сооружение», «вещь».

abul nig_2 -ul-la

«городские ворота, сооружение древнее» (IE II iv 28);

tul₂ nig_2 -ban₃-da

«колодцы, сооружения малые» (GA 6);

e₂?- nig_2 -dug₃-ga-ke₄ na[m]...-a ba-dab₃-be₂

«к дому, сооружению добротному...он забирает» (IE SLTNi 32, 4).

4) Конкретные предметы, вещи. Засвидетельствовано всего два примера. Один из них происходит из старорумерского периода, в нем nig_2 соотносится с сосудом. В другом, из позднешумерского периода, оно выступает в качестве приложения к имени существительному — названию музыкального инструмента. В таком контексте nig_2 означает «вещь».

10 dug nig_2 -nag...e-na-sum

«10 сосудов, вещи (для) питья (букв. «вещь пить»)...он ему дал» (AWL 194 I 3 – III 1);

tigi nig_2 -dug₃-ge si he₂-im-m[i-ib-sa₂-sa₂]

«(музыкальный инструмент) «тиги», вещь прекрасную, пусть он построит!» (IE II iv 48).

II. Употребление nig_2 в функции именной части составного именного сказуемого.

В подобной функции nig_2 засвидетельствовано в связочных предложениях, где таким образом имеет место его отождествление с именем существительным, употребленным в качестве подлежащего. В роли подлежащего выступают:

1) сочинительный ряд имен существительных, носящий характер перечисления. Перечисляются продукты питания — зерно, пиво, молоко, финики и т.п., благовония — мазь, смола белого кедрa и поля. В подобном контексте nig_2 выступает в роли обобщающего слова и получает значение «имущество», «владение» или значение, эквивалентное обобщительно-определятельному местоимению «все» (обобщительно-определятельные местоимения в шумерском языке также не представлены).

60 še gur-sag-gal₂

60 гуров зерна

180 ma-na eren-bar₆-bar₆

180 мин смолы белого кедрa

1 dug i₃-ir-a
 10 dug i₃-šah₂
 15 ziz₂-AN gur-sag-gal₂
 nig₂-šu-tag₄-a-am₆

1 горшок мази
 10 горшков свиного жира
 15 гуров очищенного (?) эммера
 есть все отправленное

(AWL 189 I 1 – II 3).

2) Имена существительные, передающие абстрактные понятия типа «судьба», «родство», «любовь» (букв. «любящее сердце») и т.п. В этом контексте для nig₂ можно предположить значение, эквивалентное неопределенному местоимению «нечто».

nam-ku-li nig₂-ud-diš-kam₂ nam-gi₄-me-a-aš nig₂ ud-da-gi₂
 «дружба — нечто (вещь) одного дня, родство — нечто (вещь) вечное»
 (букв. «вещь вечного дня») (Дьяконов 1966, 68);
 šag₄-ki-ag₂ nig₂ e₂ du₃-du₃-u₃-dam šag₄-hul-gig nig₂ e₂ gul-gul-lu-dam
 «любовь (букв. «любящее сердце») есть нечто, способное сохранить семью (букв. «дом»), ненависть (букв. «злое сердце») есть нечто, способное разрушить семью» (IS 207–208).

3) Имя существительное, обозначающее конкретный предмет, а именно стелу. Засвидетельствован всего один пример из текста новошумерского периода. Здесь nig₂ может означать «вещь», «нечто».

na-7-e e₂-e da₅-ba-bi nig₂ lugal-bi-da sag₄ kuš₂-kuš₂-dam
 «7 его (т.е. храма) стел, находящиеся около храма, есть вещи, способные держать совет с его (т.е. храма) хозяином» (G. Syl. A XXIX 1–2).

III. Употребление nig₂ в функции подлежащего в связочном предложении.

Обнаружено пока только два таких примера. В них nig₂ отождествляется с быком и газелью как таковыми, а не квалифицируемыми как продукты питания. В подобном контексте nig₂ может означать «некто», «существо», «тварь».

gud-kur₂-ra u₂ ku₂-ku₂ gud ni₂-ba i₃-šim-ma(?) nad₃-nad₃
 nig₂ u₂ nu-ku₂ am-kur-ra-[am₃]

«чужой бык траву жрет (букв. «трава жрать»), собственный бык на лугу лежит (букв. «на лугу лежать»). Некто (тварь), траву не жрущая, есть дикий бык Кура (т.е. подземного мира)» (Alster 1978, 104, 81–83).
 nig₂ u₂ nu-ku₂ am-kur-ra-ka[nig₂(?)] a nu-nag maš-da₃-kur-ra-ka
 «некто (существо), траву не жрущее, есть дикий бык Кура. Некто (существо), воду не пьющее, есть газель Кура» (SP 1.30).

Итак, если судить по материалам исследуемых текстов, слово ni_2 могло означать «вещь», «нечто», «все», «имущество», «некто (тварь)». Добавим, что в отрицательных предложениях ni_2 получает значение, эквивалентное отрицательному местоимению «ничто» («никакие вещи»). Отрицательные местоимения также не представлены в шумерском.

$\text{ama dumu-ni ni}_2 \text{ nu-mu-ni-ra}$

«мать (в) своего сына ничего не бросала» (G. St. B IV 12);

$\text{ni}_2 \text{ nam-mu-z[uh-zuh]}$

«ничего пусть ты не ворует!» (IS 32).

Употребление ni_2 в качестве эквивалента неопределенного местоимения «нечто», а также, очевидно, его частое использование в роли приложения, содержащего при себе определение, способствовали превращению ряда сочетаний ni_2 + *определение* в застывшие, получившие затем статус имени существительного, а слова ni_2 в вид словообразовательного префикса.

В шумерском широко распространены имена существительные, образованные с помощью ni_2 : $\text{ni}_2\text{-si-sa}_2$ «справедливость» (ni_2 + быть прямым, правильным), $\text{ni}_2\text{-šam}_2$ «цена» (ni_2 + покупать, продавать), $\text{ni}_2\text{-na}$ «курильница» (ni_2 + камень).

Превращение сочетания ni_2 + *определение* в застывшее, где ni_2 , скорее всего, уже потерял свое собственное значение «вещь», «нечто», демонстрируют следующие два примера, где это сочетание соотносится как с одушевленным (бог), так и с неодушевленным (вода) именем.

$[\text{ki-a}]_2\text{g}_2\text{-šag}_4\text{-ga ni}_2 \text{ šag}_4\text{-te-en-na-me-en}$

«ты (бог Суэн) есть любимец сердца, нечто успокаивающее сердце» (MNS 14, 27);

$\text{a-muš}_3\text{-di ni}_2 \text{ šag}_4\text{-te-en de}_2\text{-m[u-na]-ni}$

«проточную воду (букв. «воду, бегущую змеей»), нечто, успокаивающее сердце, налей ей!» (IE I ii 10).

Обратимся теперь к проблеме функционирования ni_2 в качестве союзного слова, вводящего придаточные предложения. Речь идет об употреблении ni_2 в роли: а) местоименного союзного слова «который», вводящего определительное придаточное предложение — коррелят опорного слова, неодушевленного имени существительного; б) союзного слова «что», вводящего дополнительные придаточные предложения.

По способу выражения синтаксической зависимости шумерские сложноподчиненные предложения подразделяются на три вида.

1. Предложения с показателем синтаксической зависимости энклитикой *-a*. Сюда относятся предложения с придаточными определительными, придаточными-подлежащими и дополнительными.

2. Предложения с показателем зависимости *-a* и с показателями, функционирующими в качестве союзов. В роли союзов выступают:

а) словоформы, с помощью которых в системе имен выражаются грамматические отношения типа предложных. В функции определяемого эти словоформы получают значение предлогов, если определение выражено именем в родительном падеже, или союзов, если определение представлено придаточным предложением;

б) падежные форманты, оформляющие личные глагольные формы придаточного предложения (после энклитики *-a*). В подобном значении они употребляются в тех случаях, когда придаточное предложение, занимая в главном приглагольную позицию, функционирует в качестве распространенного члена главного. Придаточное предложение благодаря энклитике *-a* становится эквивалентно имени существительному и оформляется падежным показателем того члена предложения, функцию которого выполняет. Сюда относятся предложения с придаточными времени, причины, условия, сравнительными и дополнительными.

3. Предложения, вводимые только союзом. Речь идет о предложениях с придаточными условия, вводимых союзом *tukumbi* «если».

Участие местоимений в формировании подчинительной связи предложений ограничивается вопросительным местоимением *apa* «что?». Это местоимение, находясь в интерпозиции между именем и придаточным предложением может функционировать в качестве относительного, получая значение «что», «сколько». Относительные местоимения в шумерском не представлены.

Можно предположить, что использование *nig₂* в роли приложения к имени существительному и его позиция между этим именем и придаточным предложением могли привести к его прономинализации. Однако материалы исследуемых текстов дают следующую картину. В громадном большинстве случаев связь определительного придаточного предложения с главным осуществляется лишь посредством оформления сказуемого придаточного предложения энклитикой *-a*. В качестве подтверждения можно привести пример, где в роли определяемого выступает имя существительное, обозначающее продукт питания (*še*

«зерно»). Определительное придаточное предложение следует здесь непосредственно после определяемого имени.

še gi-zu-na^{ki}-ta mu-tum₃-da (mu-tum₃-ed-a) nibru^{ki} ha-bi₂-ib₂-da-e
«зерно, которое он должен принести из Гизуна, (в) Ниппуре пусть оставит!» (TCS I 77, 3–4).

Число примеров с nig₂ в интерпозиции между именем существительным и определительным придаточным предложением незначительно. Кроме того, и здесь вполне возможно предположить использование nig₂ в качестве приложения.

sizkur-sizkur-bi-ne-ne ag₂ (=nig₂) i-bi nu-mu-un-bar-ra
nig₂ a-na eme i₃-bal-bal-e

Здесь возможен двоякий перевод: «их жертвенные дары, которые (nig₂) глаза не видели» или «их жертвенные дары, вещи (nig₂), которые глаза не видели, все, сколько язык может назвать» (Poebel 1923 § 259).

Таким образом, говорить о функционировании nig₂ в качестве местоименного союзного слова, вводящего определительные придаточные предложения, скорее всего, не приходится.

То же самое можно сказать относительно его использования в роли союзного слова, вводящего дополнительные придаточные предложения. Как показывают примеры, nig₂ не принимало участия в осуществлении связи этих предложений с главным. Возьмем пример:

šabra na-be₂-a dug₃-ga-ra u₃-na-dug₄ (TCS I 3, 1–4).

Здесь благодаря энклитике *-a* происходит номинализация предложения šabra na-be₂-a, оно получает значение «то, что инспектор говорит» и выступает в роли распространенного члена главного предложения — пациенса при глаголе говорения dug₄ «сказать». Перевод всего предложения звучит так «то, что инспектор говорит, Дуге скажи-ка!».

В следующем примере nig₂ находится в препозиции к придаточному, но выступает в роли опорного слова (определяемого) для следующего за ним придаточного предложения:

nig₂ ki-en-gi-ra ba-a-gul-la (ba-ni-n-gul-a) kur-ra ga-am₃-mi-ib₂-gu-ul
«все, что в Шумере он разрушил, в чужой стране я обещаю разрушить» (Šulgi D 219).

Функционирование nig₂ в качестве опорного слова, получающего значение, эквивалентное местоимению «все», подтверждают примеры, где в аналогичном по содержанию контексте коррелятом nig₂ в прида-

точном предложении выступает вопросительное местоимение *apa* в значении «сколько».

ma₂-mu...ni_{g₂} a-na bi₂-dug₄-ga he₂-ib-ga₂-ga₂

«на мой корабль...все, сколько он сказал, пусть он погрузит!» (TCS I 109, 17–19).

Итак: 1) слово *ni_{g₂}* могло выступать в роли как имени существительного, получая значение «продукт», «вещь», «имущество», «владение», «тварь (о животных)», так и непредставленных в шумерском местоимений: неопределенного «нечто», обобщительно-определяющего «все», «всё», отрицательного «ничто» (в отрицательных предложениях).

2) В текстах старошумерского периода *ni_{g₂}* наиболее часто соотносится с именами существительными, обозначающими продукты питания.

3) Предположение о функционировании *ni_{g₂}* в качестве местоименного союзного слова, вводящего придаточные предложения, не подтверждается.

4) В системе имен существительных наблюдается превращение *ni_{g₂}* в вид словообразовательного префикса.

Литература

- Дьяконов 1966 — Дьяконов И.М. Общественные отношения в шумерском и вавилонском фольклоре // Вестник Древней Истории. 1966. № 1.
- Alster 1978 — Alster B. Sumerian Proverb Collection Seven // *Revue d'assyriologie*. Paris, 1978. T. 72(2).
- AWL — Bauer J. *Altsumerische Wirtschaftstexte aus Lagash*. Rome, 1972.
- GA — Römer W.H.Ph. *Das sumerische Kurzepos «Gilgameš und Akka»*. Neukirchen-Vluyn, 1980.
- G. Cyl. A — Thureau-Dangin F. *Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften* // *Vorderasiatische Bibliothek*. Leipzig, 1907. Bd. I. S. 88–120.
- G. St. B — *Op.cit.* S. 66–75.
- IE — Farber-Flügge G. *Der Mythos «Inanna und Enki» unter besonderer Berücksichtigung der Liste der me*. Rome, 1973.
- IS — Alster B. *The Instructions of Suruppak: A Sumerian Proverb Collection*. Copenhagen, 1974.
- Kärki 1980 — Kärki I. *Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften der altbabylonischen Zeit*. Helsinki, 1980.
- Labat — Labat R. *Manuel d'épigraphie akkadienne*. Paris, 1959.

- Lambert 1973 — *Lambert M.* Grammaire sumerienne // L'École du Louvre. Paris, 1973. Fasc. 2.
- MNS — *Sjöberg Å.W.* Der Mondgott Nanna-Suen in der sumerischen Überlieferung. Stockholm, 1960.
- Poebel 1923 — *Poebel A.* Grundzüge der sumerischen Grammatik. Rostock, 1923.
- SP. 1 — *Gordon E.I.* Sumerian Proverbs (Collections 1 and 2): Glimpses of Everyday Life in Ancient Mesopotamia. Philadelphia, 1959.
- ŠL — *Deimel A.* Šumerisches Lexikon. Roma, 1925–1947.
- Šulgi D — *Klein J.* Three Šulgi Hymns: Sumerian Royal Hymns Glorifying King Šulgi of Ur. Ramat-Gan, 1981.
- TCS I — *Sollberger E.* The Business and Administrative Correspondence under the Kings of Ur // Texts from Cuneiform Sources. I. New York, 1966.
- Thomsen 1984 — *Thomsen M.-L.* The Sumerian Language. Copenhagen, 1984.

I.T.Kaneva

SUMERIAN WORD NIG₂: ITS FUNCTIONS AND MEANINGS

The author of this article explores those syntactic functions of nig₂ in a sentence that, as she thinks, give the best opportunity to inquire its meaning; that is the usage of nig₂ in a function of an apposition, subject or nominal part of a compound nominal predicate.

The results of the research are listed below:

1) Word nig₂ may function as a noun in the sense of a «food product», «thing», «property», «creature» (about animals) and also as the following pronouns (that do not exist in the Sumerian language): indefinite pronoun «something», defining «all», «everyone», negative «nothing».

2) In the texts of the Old Sumerian period nig₂ is mostly used in a function of an apposition of nouns denoting food products.

3) Supposition that nig₂ may function as a relative pronoun has not been proved in the course of the research.

ОБ ОСНОВНОМ ЗНАЧЕНИИ ПЕРФЕКТА В СТАРОВАВИЛОНСКИХ ПИСЬМАХ

(в связи с аккадскими «эпистолярными» глагольными формами)

Согласно грамматике В. фон Зодена, перфект в старовавилонском диалекте аккадского языка обозначает, прежде всего, только что завершившееся действие или же действие, мыслимое как завершённое, а на самом деле продолжающееся (GAG § 80b).

Кроме Законов Хаммурапи основной источник наших сведений о перфекте в старовавилонском диалекте — многочисленные старовавилонские письма. В них перфект чаще всего обозначает:

1) п у н к т и в, непосредственно предшествующий моменту речи (в формулировке фон Зодена, только что завершившееся действие):

i-na-an-na GIŠ.TÚG.PI.LAL...A.ŠĀ-li ib-ta-aq-ra-an-ni ù še-e i-na-aš-ša-ar
«Сейчас Глухой...мое поле оспорил у меня и мое зерно сторожит»
(AbB 4,40,18–20).

2) написание или отправку автором самого письма (в формулировке фон Зодена, это действие — только мыслимое как завершённое, а на самом деле — продолжающееся)¹:

i-na-an-na a-nu-ut-ma a-na be-lí-ja áš-ta-ap-ra-am
«Вот сейчас моему господину я пишу» (букв. «я написал»)
(ARM II,90.25–26).

a-nu-ut-ma ka-ni-kam ša BÙR.19 IKU A.Š[Ā]...uš-ta-bi-la-ak-[ku]m
«Сейчас табличку с печатью относительно 19 бур поля...я посылаю
(букв. «я послал») тебе»
(AbB 9,191,4–10).

Из грамматик древнегреческого и латинского языков хорошо известно понятие «эпистолярные времена». Речь идет о том, что автор рассматривал написание и отправку своего письма как прошедшие действия, ставя себя на место адресата, для которого эти действия действительно уже прошедшие. Аналогичные эпистолярные условности как будто бы наблюдаются также в древнееврейских, сирийских и хеттских письмах (Pardee, Whiting 1987, 1–31).

Еще Ф.Тюро-Данжен считал, что подобные условности прослеживаются в аккадских письмах (Thureau-Dangin 1935, 192. L. 14). Но только в последние годы в аккадских грамматиках появились понятия «эпистолярный претерит» и «эпистолярный перфект» (GAG § 79b, § 80c; Huehnergard 1997, § 17.2). Ничто не мешает предположить, что в

старовавилонских письмах широко применялись подобные эпистолярные формы. Встречаются они, вероятно, и в староассирийских письмах (GKT § 76g), и в аккадских письмах из Угарита и Эль-Амарны (Pardee, Whiting 1987, 1–31).

Если авторы аккадских писем автоматически ставили себя на место адресатов, то «эпистолярные» претерит и перфект ничем для них не отличались от претерита и перфекта, обозначающих действия прошедшего времени.

Таким образом, основную функцию перфекта в старовавилонских письмах, в целом, можно сформулировать как *выражение пунктива, непосредственно предшествующего моменту речи*. При переводе же аккадских писем, к примеру, на русский язык, который не знает упомянутых эпистолярных условностей, приходится передавать «эпистолярные» претерит и перфект глагольными формами настоящего времени.

Примечания

- 1 В аналогичном употреблении встречается и претерит:

i-na qá-bé-e be-lí-ia aš-pu-ra-ak-kum

«По велению моего господина я пишу (букв. написал) тебе» (AbB 4,54,12).

Вместо сообщения об отправке письма, автор может уведомить об отправке вещей или людей, сопровождающих письмо:

a-ni-um-ta ma-an-na-ši áš-ta-ap-ra-ki-im

«Сейчас Маннаши я посылаю (букв. послал) к тебе» (BB 117,14–15).

Литература

AbB 4 — *Altbabylonische Briefe in Umschrift und Übersetzung*. H. 4. Leiden, 1968.

AbB 9 — *Op.cit.* H. 9. 1981.

ALM — *Finet A. L'Accadien des lettres de Mari*. Brussel, 1956.

ARM — *Archives Royales de Mari* (Paris). — Цит. по: ALM § 881.

BB — *Ungnad A. Babylonische Briefe aus der Zeit der Hammurapi-Dynastie*. Leipzig, 1914.

GAG — *Soden W von. Grundriss der Akkadischen Grammatik*. 3. erg. Aufl. Roma, 1995.

GKT — *Hecker K. Grammatik der Kültepe-Texte*. Roma, 1968.

Huehnergard 1997 — *Huehnergard J.A Grammar of Akkadian*. Atlanta (Georgia) 1997.

Pardee, Whiting 1987 — *Pardee D., Whiting R.M. Aspects of epistolary verbal usage in Ugaritic and Akkadian // Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. London, 1987. Vol. 1. Pt. 1.

G.H.Kaplan

ON THE MAIN MEANING OF THE PERFECT IN OLD BABYLONIAN LETTERS
(in connection with the «epistolary» verbal forms of Akkadian)

The main meaning of the Perfect in Old Babylonian letters is to express the Punctive, immediately previous to the moment of speaking.

The compilers of Akkadian letters, who had automatically put themselves in place of their addressees, seem to have made no difference between the «epistolary» Preterite or Perfect and those denoting the past. But when one translates Akkadian letters into the language unfamiliar with the epistolary convention, e.g. into Russian, he has to express the «epistolary» Preterite and Perfect by the verbal forms of the Present tense.

Н.В.Козырева

РАЙОН ЕМ В ГОРОДЕ УРЕ

Территория Ура, как свидетельствуют данные археологии, была обитаема с середины V тысячелетия и вплоть до последних веков старой эры. Именно в старовавилонский период площадь города достигла своих наибольших размеров, а сам город представлял собой неровный овал размером примерно 1200 м на 800 м и площадью около 60 га. В предшествующее время — период III дин. Ура — город окружала мощная стена, построенная из обожженного кирпича. После падения города она, вероятно, была разрушена, и начала отстраиваться вновь уже при царях ларсской династии, сначала при Синиддинаме, и затем при ВарадСине (RIM 1992, 174–175; 236–243). Этот же царь объявил в своей надписи, что он построил ворота в Уре, но следы этих ворот археологи не обнаружили. Вход в город, возможно, находился в середине восточной стены, в том районе, который на плане раскопок обозначен как *CLW* (Mieroop 1992, 92).

С севера на юг и затем на юго-запад всю территорию города пересекал канал. Л.Вулли раскопал две пристани, на западе и на севере города, но на их территориях не было никаких строений старовавилонского периода. Главная «коммерческая гавань» (*kārum*), судя по текстам, располагалась в центре города.

Вся площадь города внутри городских стен была тесно застроена различными общественными и частными зданиями. При этом отдельные части города явно отличались друг от друга по типу застройки. Значительную часть города занимал мощный храмовый комплекс, располагавшийся в его северо-западной части. Он был исследован археологами наиболее тщательно. Кроме того, были раскопаны три жилых района города, обозначенные в планах как *ЕМ*, *АН* и *CLW*¹.

Жилой район, непосредственно примыкавший с юга к храмовому комплексу, на плане археологических раскопок был обозначен как *ЕМ*. Эта часть города сохранилась лучше других. Был обследован участок площадью около 3000 кв. м, на котором было найдено 16 домов, образовавших 4 улицы. Расположение домов и улиц носило, по-видимому, регулярный характер. В домах археологи обнаружили более ста пятидесяти клинописных табличек (имеются в виду только те, которые были в хорошем состоянии), из них более половины были найдены в доме № 7 по Quiet Str. Почти треть найденных текстов представляет собой остатки «школьной библиотеки». Это литературные тексты самого разнообразного содержания, копии царских надписей, учебники, сборники упражнений по грамматике и т.п.

Около 60 табличек — это административно-хозяйственные записи, совершенно сходные с теми, какие хранились поблизости на территории хозяйственного комплекса храма бога Нанны.

И, наконец, 40 с небольшим табличек представляют собой частно-правовые акты и договоры.

В этой группе документов из района ЕМ исследователи выделяют три сравнительно больших архива, принадлежавших отдельным лицам. Прежде всего это архив Экигаллы, жившего в доме № 5 по Quiet Str. (Дьяконов 1990, 226–233). 10 документов архива относятся к 1911–1888 гг. до н.э. 9 из них — это разрозненные хозяйственные записи, связанные со служебными обязанностями владельца. В документах нет точного указания на должность Экигаллы. На своей печати он называет себя писцом: *Eki-galla dub.sar dumu Ur-dNinazu* (UET 5 545). Такой титул в надписях на печатях указывал на принадлежность, владельца печати к высшим кругам администрации. Сам характер имени собственного указывает на происхождение этого человека из потомственного храмового персонала. В переводе имя Экигалла означает «храм — место великое». Такое же имя носил и один из его внуков и, вероятно, правнук, который был жрецом *nam.šita*. Оба они упоминаются в документах из района ЕМ (UET 5 140, 191). Последний из доку-

ментов относится уже к 1768 г. до н.э., т.е. мы можем сказать, что документально зафиксировано почти 150 лет проживания семьи Экигаллы в районе *ЕМ*, с 1911 по 1768 гг.

Сферой деятельности Экигаллы, судя по документам его архива, были рабочие ресурсы храма Нанны. В его подчинении находились «начальники» (*ugula*), которые непосредственно руководили большими группами работников (*éren*), объединенных в отряды. Эти люди занимались сельскохозяйственными работами (UET 5 269), садовыми работами (UET 5 722), рытьем каналов (UET 5 233), резкой тростника (UET 5 545). Общее количество работников, которыми через «начальников», руководил Экигалла, могло насчитывать более 3 тыс. человек (UET 5 223).

О частной деятельности Экигаллы нет почти никаких сведений. В 1911 г. до н.э. он выступил свидетелем при разделе имущества (UET 5 254).

В 1888 г. до н.э. его сын, Синшеми, купил жилое строение площадью около 30 кв. м. Середина таблички, на которой был записан этот договор (UET 5 135), повреждена, но и то, что сохранилось, позволяет заключить, что формуляр этой сделки отличался от обычных частных-правовых договоров, в частности, отсутствовал список свидетелей. Внук Экигаллы продал два садовых участка их соседу и, возможно, родственнику, КуНингалу (UET 5 140, 189).

Второй значительный архив из этого района был найден в доме № 7 по Quiet Str. В нем проживало по крайней мере три поколения семьи, входившей в круг высшей администрации храма Нанны. Документы позволяют проследить за деятельностью обитателей этого дома с 1821 по 1740 г. до н.э. Первый известный нам член этой семьи, КуНингаль, занимал должность управителя канцелярии или главного архивиста храма Нанны (*gá.dub.ba*) по крайней мере с 1833 по 1831 г. до н.э., что засвидетельствовано не документами, а оттисками печатей. Первые документы появились в доме при его сыне УрНанне, который после смерти отца унаследовал его должность и занимал ее не менее 5 лет, с 1825 по 1819 г. до н.э. Сын УрНанны, носивший семейное имя КуНингаль, занимал должность жреца-*abṛikku*, которая перешла впоследствии к его сыновьям, внукам УрНанны, Энамтисуду и Эшулухура (Дьяконов 1990, 249–256).

В этом же доме находилась, вероятно, и школа. Из более чем сотни найденных здесь документов, 46 — это литературные и учебные тек-

сты, а также 27 административно-хозяйственных записей, 22 частных-правовых документа и 9 писем.

Управление канцелярией храма Нанны означало контроль за всеми сторонами хозяйственной деятельности храма: управление землей, стадами, контроль за садоводством и рыболовством, учет всех жертвоприношений и т.п. Лица, исполнявшие эту должность, занимали высокое положение и при царском дворе и входили в круг «рабов царя». В архиве дома № 7 по Quiet Str. сохранились письма от царя РимСина и от его отца Кудурмабука.

И, наконец, третий архив был найден в одном из соседних домов, он принадлежал некоему Илшуиббишу. Это 9 документов, датированных 1830–1815 гг. до н.э. Должность Илшуиббишу в документах не упоминается, но судя по тем ресурсам, которые находились в его распоряжении, она была весьма значительной. Он контролирует расходы больших партий зерна со складов храма Нанны. Это выдачи на оплату грузовых барж, на питание слугам, ежемесячные выдачи храмовым чиновникам. Свободное распоряжение ресурсами дает ему возможность в случае надобности предоставлять займы зерном своим сослуживцам. Все документы архива это административные и служебные записи, за исключением договора о покупке рабыни (UET 5 188).

Сын Илшуиббишу, Синикишам, занимал ту же должность, которую ранее занимал УрНанна. Он был жрец-gudapsu и главный архивист храма Нанны (UET 1 304) и на своей печати называл себя «рабом (царя) Хаммурапи». Эту должность он передал своему сыну, т.е. внуку Илшуиббишу, который был тезкой деда (UET 1 149) и также называл себя в надписи на своей печати «рабом (царя)», но уже не Хаммурапи, а его преемника Самсуилуны.

Таким образом, архивы найденные в районе *ЕМ*, о которых мы говорили выше, принадлежали представителям высшей храмовой администрации, которые вместе со своими семьями жили здесь, поблизости от храма, передавая из поколения в поколение наследственные храмовые должности и семейные имена.

Помимо архивов в домах района *ЕМ* было найдено некоторое количество отдельных документов, в которых отразилась деятельность других лиц, проживавших здесь же. В большинстве случаев это ближайшие соседи, а зачастую и родственники тех лиц, чьи архивы стали нам известны. Так, в том же доме, где жил Илшуиббишу, были найдены документы, касающиеся некоего Наннамунтила и его сыновей. Все они были тесно связаны с храмом Нанны. Сам Наннамунтил отвечал за

выдачу довольствия работникам храма (UET 5 500), его сыновья контролировали поступление зерна и серебра в храм от каких-то групп поставщиков (UET 5 429; 444). Шарпен предполагает, что Наннамунтил был отцом Илшуиббишу, а его сыновья — братьями Илшуиббишу (Charpin 1986, 132). Даже если здесь не было прямого родства — а установить его достаточно сложно — совершенно очевидно, что и эта семья занимала высокое положение в администрации храма.

В текстах из *ЕМ* упоминается множество должностей, представляющих всю высшую храмовую иерархию:

сборщик платежей	zabar.dab ₃ (UET 5 52, 163),
главный жрец	sanga (UET 5 243),
главный архивист	gá.dub.ba ₄ (UET 5 243),
управляющий хозяйством	ab.a.ab.du (UET 5 191; 212),
хранитель печати	kišib.gal (UET 5 191),
чиновник-контролер	šá.tam (UET 5 123, 449) и многие другие.

Как уже упоминалось выше, из 150 текстов, найденных в районе *ЕМ* (имеются в виду тексты достаточно хорошо сохранившиеся), большая часть представляет собой административно-хозяйственные записи и «школьные таблички» (соответственно 60 и 50), частных-правовых документов немногим более 40, при этом некоторые из них, в частности ряд займов, как мы постараемся показать ниже, также носят характер служебных записей. На основании этих документов мы можем составить определенное представление о характере и масштабах частного-правовой деятельности жителей *ЕМ*.

Общий обзор частных-правовых документов из района *ЕМ*

Из района *ЕМ* нам известен только один документ раздела имущества: три брата, соседи жреца-abrikku, разделили жилое строение общей площадью около 30 кв. м, различную утварь, кроме того, каждый из братьев получил лодку (UET 5 109) (Дьяконов 1990, 244).

Договоров купли-продажи жилых строений сохранилось 4 за период примерно в 130 лет (1888–1761 гг. до н.э.). Площадь покупаемых строений и участков городской земли колеблется от 4 до 30 кв. м (UET 5 135, 1888 г.; 149, 1810 г.; 162, 1761 г.; 154, без даты). Общая площадь купленной недвижимости около 80 кв. м, а общая сумма серебра, которую уплатили покупатели по этим договорам составляет примерно $\frac{1}{2}$ мины 4 сикля серебра (в одном случае, UET 5 135, цифра отсутствует), т.е. 500 г серебра. Все продавцы и покупатели, упоминаемые в договорах, соседи, и по всей вероятности родственники.

Еще три документа купли-продажи недвижимости из района *ЕМ* касаются садов (UET 5 140, 179, 180). Покупатель во всех трех договорах один и тот же, вышеупомянутый КуНингаль, продавцы также соседи и родственники. Общая площадь купленных садов около 0,7 га. Количество серебра, указанное в договорах как плата, — 18½ сикля, т.е. примерно 185 г.

Кроме того, сохранилось два документа обмена жилыми строениями и один договор обмена садами с соседями (UET 5 123, 124, 277). В последнем случае один из меняющихся называет себя на печати, отписанной на договоре, «рабом (царя) РимСина».

Таким образом, можно сказать, что случаи купли-продажи недвижимости в районе *ЕМ* были единичными, редкие сделки такого рода совершались в кругу ближайших соседей и/или родственников.

Некоторые сведения о масштабах финансовых операций, в которых жители *ЕМ* участвовали как частные лица, могут дать документы займа. Договоров такого рода здесь найдено 8 (в другом районе, *АН*, почти в 10 раз больше). Из них 5 документов касаются займа серебра:

UET 5 357 — 1 сикль (1888 г.)

UET 5 332 — 1¼ сикля 10 ше (1821 г.)

UET 5 334 — 1¼ сикля 6 ше (1819 г.)

UET 5 340 — ⅔ сикля (1807 г.)

UET 5 326 — ⅔ сикля 5 ше (1805 г.)

Все займы выдаются на короткий срок, от 1 до 3 месяцев, рост составляет 20%. Суммы займов очень небольшие, и общее количество серебра, выданное в качестве займов за 80 с лишним лет, не превышает 50 г.

Три договора о займе зерна, известные из этого района, представляют собой, по-видимому, служебные ссуды, которые администраторы храмового хозяйства предоставляли друг другу (UET 5 371, 370, 372).

Редкие сделки по купле-продаже недвижимости, заключавшиеся обычно в рамках семьи, и скудные суммы займов вовсе не являются свидетельством того, что обитатели района *ЕМ* были беднее жителей других районов Ура. Напротив, данные археологии свидетельствуют, что домашняя обстановка и погребения этого района были самыми богатыми в городе, хотя богатство это весьма относительно. Золота в Уре вообще было найдено очень мало, но все находки, за одним исключением, были сделаны в районе *ЕМ*. Это 6 золотых сережек в виде колец, 2 золотых кольца, украшение из золотой проволоки и несколько золотых бусин. Кроме того, здесь было найдено с десятков медных

предметов: чашка, лезвия, наконечники для плуга, а также два бронзовых браслета (UE 7. P.215).

Весьма ограниченные масштабы частной деятельности обитателей *ЕМ* по сравнению, например, с жителями *АН* во многом объясняются, по-видимому, тем, что именно эта группа населения занимала наиболее прочное положение среди горожан, располагая постоянными и стабильными источниками существования, что было обусловлено их положением в системе храмовой иерархии.

Административная и культовая деятельность — обе эти стороны были неразрывно связаны воедино — отнимала, вероятно, большую часть времени обитателей *ЕМ*, предоставляя взамен право располагать определенной долей храмовых ресурсов, каждому в соответствии с его местом в иерархии.

Снабжение высшего храмового персонала всем необходимым для жизни их и их семей осуществлялось двумя основными способами: 1) путем распределения жертвоприношений и выдач различных продуктов и 2) путем предоставления во владение сельскохозяйственных угодий, принадлежавших храму.

Многочисленные документы, часть из них была найдена в архиве УрНанны, свидетельствуют о том, что существовала тщательно разработанная система, в соответствии с которой ежедневно в определенное время дня, вечера и ночи во всех многочисленных святилищах и священных помещениях главных храмов Ура перед статуями богов, покойных царей, перед различными священными изображениями, священными предметами, вплоть до дверных засовов и порогов храмовых помещений, совершались ритуальные приношения продуктов (зерно, хлеб, финики), возлияния пивом и очищение маслом. Количество продуктов, которое передавалось для этих целей с храмовых складов, было строго определено и тщательно учитывалось. Жрецы-gudapsu, которые несли ответственность за эти расходы, одновременно, видимо, отвечали и за последующее распределение этих продуктов между служителями храма, в соответствии с положением каждого (Mieroop 1992, 101).

Помимо ежедневных обязательных приношений, почти каждый день отмечались различные ритуальные празднества, которые требовали дополнительных расходов такого рода. Так, например, ежемесячно отмечалось 4 лунных праздника (UET 5 507). В одном из урских документов перечисляются выдачи хлебов персоналу храма по случаю новолуния. В перечне должностей все те должности, которые занима-

ли обитатели *ЕМ*: *zabar.dab₅*, *gá.dub.ba*, *šá.tam*, *sanga*. (YOS 5 163) . Количество хлебов, которое они получают, колеблется от 60 до 30 л.

В том же доме № 7 по *Quiet Str.*, где жил УрНанна, среди административно-хозяйственных документов была найдена запись выдач разнообразных продуктов, одежды и серебра отдельным лицам, многие из которых известны нам как обитатели *ЕМ* и служители храмового хозяйства (UET 5 607). Так, например, некий Вакрум получает различные масла, одежды, 24 000 л зерна, 150 л муки, 9 овец, 360 рыб одного вида, 70 — другого и одну особенно ценную рыбу стоимостью в 1 сикль серебра, и все это, «кроме муки и пива, кроме ежемесячных выдач хлеба по 30 л и ежемесячных выдач вина по 60 л». Среди получателей упоминаются имена лиц, известных нам из других документов как жрецы-*gudapsu*. Среди тех, кто выдает продукты, фигурирует уже упоминавшийся КуНингаль. Помимо продуктов, овец и одежд, почти каждый из упомянутых в списке получает небольшое количество серебра — от 1 до 5 сиклей, всего по этому документу было выдано 19 сиклей 15 ше серебра (190 г). Все предметы выдач были также оценены в серебре, как это было принято в храмовой системе учета, и общая сумма расходов составила 2½ мины серебра.

Вторым важнейшим источником обеспечения обитателей *ЕМ* и их семей, как уже упоминалось выше, были находившиеся в их пользовании земельные владения храма.

Многие жители *ЕМ* располагали служебными наделами на храмовой земле, размеры которых зависели от занимаемого ими места в храмовой бюрократии. Это четко засвидетельствовано документами в отношении жреца-*abrikku* КуНингалья и его семьи (Дьяконов 1990, 249–256).

Сам КуНингаль, в соответствии со своей должностью, владел полями на землях, принадлежавших храму Нанны в пяти различных селениях в окрестностях города Ура. После его смерти эти служебные наделы, также как и должность, перешли к его сыновьям (UET 5 883); к сожалению, ни одной цифры в документе не сохранилось. Кроме того, дополнительные земельные пожалования жрецам такого ранга предоставлял и царь (UET 5 35: царь РимСин отдает приказ предоставить сыну КуНингалья, жрецу-*abrikku*, земельный надел площадью около 20 га). Большую часть этих земель, находившихся на территориях сельских поселений, обрабатывали местные жители, которые определенную долю урожая, по-видимому, передавали либо в храм, либо тем должностным лицам храма, которым данная земля была предос-

тавлена в служебное владение. Земельные ресурсы, которыми распоряжались представители высшей администрации храма, были, вероятно, очень велики, и при отсутствии достаточного числа рабочих рук отдельные служебные наделы могли быть сданы в аренду.

Итак, мы приходим к заключению, что район *ЕМ*, непосредственно примыкавший к территории главного храмового комплекса города Ура, был заселен, в основном, семьями наследственного высшего административно-культового персонала храма. Основными источниками их существования были: доля в храмовых поступлениях, соответствующая занимаемому положению, и доходы со служебных земельных наделов. Устойчивое материальное положение, которое было гарантировано населению этого района их местом в храмовой структуре, не способствовало развитию в их среде активной частной деятельности. С другой стороны, именно население этого района города Ура (и сходных районов в других городах Южной Месопотамии) было той средой, где наиболее тщательно сохранялись и передавались из поколения в поколение традиции шумерской цивилизации.

Примечания

- 1 Исследованию города Ура старовавилонского периода посвящены три серьезные монографии, авторы которых, объединяя документальный и археологический материал, представляют свой взгляд на разные стороны жизни города.

- 1) Дьяконов 1990 — работа, на наш взгляд, наиболее значительная из всех трех с точки зрения общего понимания проблем социально-экономической истории древнего Востока.

- 2) Charpin 1986 — работа, содержащая огромную и хорошо систематизированную информацию по всем вопросам, касающимся храмового персонала города Ура.

- 3) Mieroop 1992 — работа общего характера, важным достоинством которой является точная увязка документов по месту находки и подбор информации по различным аспектам экономической жизни города.

В данной небольшой работе мы надеемся рассмотреть документальный и отчасти археологический материал района *ЕМ* города Ура под другим углом зрения, исследуя и сравнивая между собой свидетельства о частной и служебной деятельности его обитателей.

Литература

- Дьяконов 1990 — Дьяконов И.М. Люди города Ура. М., 1990.
Charpin 1986 — Charpin D. Le Clergé d'Ur au siècle d'Hammurabi (XIX–XVIIIe siècles au J.-C.). Geneva, 1986.
Mieroop 1992 — de Mieroop M. Society and Enterprise in Old Babylonian Ur. Berlin, 1992.
RIM 1992 — Royal Inscriptions from Mesopotamia. Toronto; London, 1992. Vol. 4.
UE — Ur Excavations. London.
UET — Ur Excavation Texts. London.
YOS — Yale Oriental Series. Babylonian Texts. London.

N.V.Kozyreva

REGION EM OF THE CITY OF UR

Region EM of the ancient city of Ur adjoining main city temple complex was inhabited chiefly with the family groups of hereditary priesthood. They got their means for life receiving a certain part of temple offerings and incomes from service land plots. The inhabitants of this city part had no need to take part in business money transactions, because of the stable supporting they had according to their position in the temple hierarchy. On the other hand, just this part of rural population carefully preserved the ancient Sumerian traditions and passed them down to new generations.

С.Г.Кошурников

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ СТАРОВАВИЛОНСКОГО ВРЕМЕНИ

Значительный период, прошедший с начала публикации и изучения клинописных документов, с появлением методов компьютерного анализа позволяет произвести оценку ряда статистических данных.

Личные имена в юридических и административных документах и письмах составляют внушительную часть лексики данных текстов: в среднем до одной трети всех слов документа. Произвольная выборка десяти старовавилонских юридических документов показала, что личные имена составляют в среднем от 25 до 30% от общего количества слов любого контракта. Это соотношение зависит от времени составления документа, сферы деятельности упомянутых в текстах контрагентов и т.п. В хозяйственных и административных документах данное соотношение может быть еще выше, достигая, в зависимости от вида документа, 90–95% от общего количества слов.

Личные имена повторяются на протяжении веков, представляя, таким образом, своеобразный и исключительно важный социальный феномен, выходящий за границы семейных традиций¹. Выбор конкретного имени отражает взгляды родителей и родственников, однако он обусловлен не только их культурным и религиозным воспитанием, но и сопутствующими «территориальными» и социальными факторами.

Как феномен социально ориентированный и, соответственно, являющий высокую степень консерватизма, личные имена, точнее их зарегистрированные в текстах варианты и временная ротация этих вариантов, а также появление новых имен, могут отражать произошедшие в обществе социальные, религиозные, культурные изменения. Данное наблюдение особенно значимо при изучении древних обществ, которые в большей степени, по сравнению с обществами средневековыми или современными, были сориентированы на множество местных религиозных традиций.

Опыт изучения локальных архивов требует четкой дифференциации между поколениями «действующих лиц» и их родителей, т.е. между именами и отчествами.

Оценка статистических данных, обобщенных на материале полных баз данных личных имен по документам из старовавилонского города Дильбата², позволила сделать ряд неожиданных наблюдений³. Эти наблюдения легли в основу разработанной автором методики анализа личных имен и могут стать интересным инструментом исследования исторических изменений по личным именам из других регионов Месопотамии и в различные периоды древней истории.

Первоначальной целью статистического исследования личных имен было выявить популярность различных божеств, чьи имена включались в имена собственные. В дальнейшем стала очевидной важность теофорного элемента личных имен для статистической обработки данных. Количество таких имен было не только весьма значительным в общем количестве разных личных имен (а также разных индивидуумов), но и фактически удвоилось (см. табл. 1) за полтора столетия с начала правления I Вавилонской династии (1894–1595 гг. до н.э.).

Таблица 1

Параметры	Соотношение личных имен, содержащих теофорный элемент, с общим количеством имен и индивидуумов по периодам (в %)					
	До Sumu-abum	Sumu-abum: Sumu-la'el	Sumu-la'el: Sabium	Sabium: Sīn-muballit	Конец Sīn-muballit	Ḫammurapi: Samsu-iluna
Имена	32.1	46.7	46.5	48.0	53.3	52.7
Индивидуумы		36.3		44.5		59.3

Несколько предварительных замечаний об архивном контексте и методах анализа данных. Поскольку все документы из самого старовавилонского Дильбата, датируемые периодом правления I Вавилонской династии от 2-го года Суму-абума до 15-го года Самсу-илуны (1893–1735 гг. до н.э.), происходят из одного семейного архива, представленного четырьмя поколениями, имеет смысл сфокусировать внимание только на этом периоде⁴. Данный выбор обладает всеми преимуществами и недостатками анализа имен людей из одного городского квартала и из одной сферы общения конкретной семьи.

Документы из Дильбата, датированные данным периодом, можно разделить на два качественно различных архивных блока, а именно:

- документы, тщательно отобранные с целью сохранения и составляющие частный деловой архив двух первых известных нам поколений семейства⁵;
- разнообразные документы, характеризующие текущую деловую активность третьего и четвертого поколений семьи и не подвергшиеся тщательной селекции.

Документы архива прерываются в 8-м году правления сына Хаммурапи Самсу-илуны (1742 г.), и некоторые члены семьи лишь упоминаются в качестве свидетелей в 15-м году правления Самсу-илуны (1735 г.). Это может свидетельствовать о том, что семейство, по тем или иным причинам, утратило тот дом, в котором и был обнаружен во время тайных раскопок их семейных архив (более вероятное объяснение см. ниже). Нельзя сбрасывать со счета и психологические особенности личности представителей разных поколений семейства. Аккуратная селекция документов могла быть следствием педантизма должителя Нахи-илума (его активная деятельность охватывает 41 год правления Сабиаума, Апил-Сина и Син-мубаллита).

Отсутствие археологического контекста не позволяет в деталях исследовать судьбу семейного архива в древности. Следует лишь отметить, что серьезные изменения места жительства семейства произошли в 36-м году правления Хаммурапи (1757 г.), когда Хузалум и его сын Син-бэль-аплим обменяли свой большой дом на строение меньших размеров (TLB I 248/248a; табличка датирована 12-м месяцем 36-го года правления Хаммурапи).

Возможно, именно переезд подвигнул членов семьи произвести селекцию более ранних документов. Как представляется, данное объяснение является наиболее вероятным. Незначительное количество сохранившихся документов самого Хузалума (третье поколение семьи), по-видимому, также может указывать на произведенную при переезде селекцию. При переезде большинство документов престарелого на тот момент Хузалума были попросту уничтожены или оставлены по месту прежнего обитания как малозначимые. Сам Хузалум упоминается последний раз в документе, датированном через два года после переезда (Gautier, 60; табличка датирована 11-м месяцем 38-го года правления Хаммурапи).

Часть документов, датированных временем Самсу-илуны (один текст — VAS 7 4; дата разбита, по-видимому, конец правления царя), Хаммурапи и Син-мубаллита, относится к деятельности близких и дальних родственников Син-бэль-аплима и Мардук-нацира, сыновей Хузалума. В документах, происходящих из самого Дильбата, далее следует значительная зременная лакуна, что не позволяет нам проследить и историю данного семейства со второй половины правления Самсу-илуны (1749–1712 гг.).

Анализ статистических данных проводился по четырем основным параметрам:

- общее число различных имен, зарегистрированных в документах;
- число упоминаемых в текстах различных субъектов;
- число различных имен, включающих имя одного и того же божества;
- число различных субъектов, имена которых включают имя одного и того же божества.

Параметр 1. Число значительно «поврежденных» имен различно в разных группах выборки, поэтому они учитывались, в основном, лишь при бесспорном отличии от прочих имен. В общем, количество «поврежденных» имен незначительно и не превышает 11% (81 из 750 раз-

личных имен), а для имен, содержащих теофорный элемент, еще меньше — не более 6 процентов (17 из 309 различных имен). Для эпохи Суму-абума и Суму-лаэля статистическая оценка по данному параметру более точна, в остальных случаях принято округление до ближайшей пятерки (данные приведены в табл. 2).

Параметр 2. Оценка произведена по данным просопографии, т.е. с учетом контекста, отчеств упоминаемых лиц и т.д. Замечания к параметру 1 относятся и к параметру 2. При наличии «поврежденных» имен значительная часть их игнорировалась, и было принято округление до ближайшего десятка (данные приведены в табл. 2).

Параметр 3. Группа «наиболее популярных» божеств была отделена от божеств, зарегистрированных лишь в каком-либо одном имени. Имена богов, упоминаемые с различными падежными окончаниями, шумерские и аккадские (например, Ниншубур и Илабрат), а также аморейские и аккадские (например, Астар и Иштар) варианты объединены. Для имени аморейского бога Эля (в том числе, и для «аккадизированной» версии его имени Элум) приводится как отдельный статистический анализ данных, так и совместный с аккадским вариантом Эль-Амуррум (далее по тексту смотри более подробный комментарий, посвященный имени этого аморейского божества).

Параметр 4. Замечания к параметру 3, касающиеся вариантов имени одного божества, относятся и к параметру 4.

На базе имеющихся данных были проанализированы три основные соотношения. Первое, а именно, отношение различных имен к числу различных субъектов, заслуживает особого внимания.

*Таблица 2**

Параметры	Количество разных личных имен и различных индивидуумов по периодам					
	До Sumu- abum	Sumu- abum: Sumu- la'el	Sumu- la'el: Sabium	Sabium: Sīn- muballit	Конец Sīn- muballit	Ḫammurapi: Samsu-iluna
Имена	78	135	155	225	135	245
Индивидуумы	100	190	210	330	140	290
%	78	71	74	68	96	84

Результаты анализа исключительно надежны, поскольку, в отличие от ряда архивов старовавилонского времени из других регионов Месопотамии, подавляющее большинство имен упоминаются с отчествами.

Что же касается отчеств, то для имен отцов, зарегистрированных в период со 2-го года Суму-абума (1893 г.) до 14-го года Син-мубаллита (1799 г.), данный показатель в большей степени субъективен вследствие очевидной затруднительности выявления упоминаемых в отчествах различных субъектов. Наоборот, данное соотношение для отчеств, зарегистрированных в текстах времени Хаммурапи и Самсу-илуны, исключительно достоверно, поскольку все упоминаемые в отчествах субъекты имеют разные имена.

Сравнение вышеназванного соотношения для имен — 71% в правление Суму-абума и Суму-лазля (I пол. XIX в. до н.э.), 68% при Сабуме, Апил-Сине и Син-мубаллите (II пол. XIX в. до н.э.), для отчеств и имен при Хаммурапи и Самсу-илуне (I пол. XVIII в. до н.э.), соответственно 96 и 84% — позволяет рассматривать социальную ситуацию до эпохи Хаммурапи как более замкнутую в пределах конкретной территории, а эпоху Хаммурапи как исключительно мобильную в плане демографических и социальных сдвигов.

Более высокий процент соотношения между разными именами и количеством субъектов, зафиксированный в отчествах, по сравнению с именами субъектов, упоминаемых в текстах эпохи Хаммурапи и Самсу-илуны, может указывать на значительную степень мобильности населения в эпоху Син-мубаллита и Хаммурапи, а также на то, что ряд упоминаемых в текстах лиц, или же их отцы, осели на данной территории примерно в это время. Данное наблюдение подтверждается данными, основные статистические показатели которых сведены в табл. 3. В таблице представлено соотношение между личными именами с конкретным теофорным элементом (именем божества) и общим числом имен с теофорным элементом. Иными словами, в таблице представлен уровень популярности конкретных божеств в именах с теофорным элементом.

В табл. 3 представлены лишь наиболее «популярные» в Дильбате божества. «Популярность» божества, зафиксированная на уровне 5% и более от общего количества имен с теофорным элементом, выделена полужирным шрифтом, что позволяет более наглядно оценить ее колебания.

Наблюдаются значительные изменения в частотности упоминания в именах собственных имен таких божеств как Эйа, Илабрат, Лага-

маль, Мардук, Набиум, Нанна, Шамаш и Ураш. Кажется, что такие местные божества как Лагамаль и Ураш уступают в отчествах эпохи правления Хаммурапи и Самсу-илуны таким божествам как Эйя, Мардук и Шамаш. Однако в эту же эпоху данное явление не наблюдается для имен людей, упоминаемых в документах как действующие лица. Число таких индивидуумов, чьи имена включают имена богов Лагамаля и Ураша даже возросло. «Популярность» Мардука в именах собственных упала примерно на 25%, в то время как пропорциональная «популярность» Шамаша выросла на 100%.

При Хаммурапи и Самсу-илуне Шамаш, возможно, «потеснил» и бога Сина, причем количество индивидуумов, носивших имена, включавшие имя Сина, упало почти в два раза по сравнению с предыдущим периодом.

Низкий уровень «популярности» местных божеств в отчествах наблюдается и при Суму-абуме и Суму-лаэле в начале правления I Вавилонской династии: ни одного упоминания Лагамаля, а также самый низкий показатель для Ураша с последующим его ростом на 200%.

Таблица 3

Теофорный элемент (имя божества)	Соотношение между личными именами с конкретным теофорным элементом и общим числом имен с теофорным элементом по периодам (в %)					
	(первая строка указывает соотношение для различных имен, вторая — для различных индивидуумов)					
	До Sumu- abum	Sumu- abum: Sumu- la'el	Sumu- la'el: Sabium	Sabium: Sīn- muballit	Конец Sīn- muballit	Ḫammurapi: Samsu-iluna
Adad	4.0	6.3	4.2	7.4	5.6	5.4
		5.8		5.4		5.8
Ea	12.0	3.2	2.8	1.9	9.7	2.3
		2.9		1.4		1.7
El(-Amurru)	8.0	3.2	6.9	4.6	8.3	4.7
		2.9		4.8		5.8
El	8.0	1.6	1.4	0.9	4.2	2.3
		1.4		0.7		1.7
El-Amurru	0.0	1.6	5.6	3.7	4.2	2.3
		1.4		4.1		4.1

Erra	0.0	3.2	1.4	3.7	4.2	2.3
		2.9		3.4		1.7
Ilabrat	4.0	0.0	2.8	1.9	1.4	2.3
		0.0		4.1		1.7
Ištar	12.0	6.3	4.2	3.7	5.6	3.9
		5.8		2.7		4.7
Lāgamāl	0.0	4.8	1.4	5.6	1.4	1.6
		4.3		5.4		5.8
Marduk	0.0	0.0	0.0	2.8	6.9	4.7
		0.0		2.0		6.4
Nabim	0.0	0.0	0.0	3.7	0.0	3.9
		0.0		3.4		2.9
Nanna	0.0	6.3	6.9	3.7	0.0	2.3
		5.8		2.7		2.9
Sîn	32.0	31.7	31.9	28.7	26.4	24.0
		37.7		38.1		22.1
Šamaš	4.0	0.0	1.4	2.8	5.6	13.2
		0.0		2.0		9.9
Uraš	8.0	25.4	16.7	14.8	8.3	13.2
		23.2		12.2		14.0

Согласно просопографическому анализу документов, имя бога Мардука в именах «местных» жителей зафиксировано лишь в эпоху Хаммурапи⁶. Стабильный же рост «популярности» бога Шамаша может свидетельствовать как в пользу реального роста популярности этого божества, так и в пользу миграционных процессов в данном регионе при Син-мубаллите и Хаммурапи, в то время как «популярность» бога Эйи только в отчествах, зафиксированная как при Сумулазле, так и при Хаммурапи и Самсу-илуне, кажется очевидным свидетельством миграционных процессов.

В одном длинном списке имен (VAS 7 154) имя Эйи зафиксировано четырежды в отчествах и лишь один раз в имени субъекта. В том же списке имя местного божества Лагамала зафиксировано для пяти субъектов, носивших одно и то же имя Иддин-Лагамаль. Просопографический анализ другого документа (TIM 5 33; единственный контракт из Дильбата конца правления Сумулазля), зафиксировавшего

два из трех упоминаний имени бога Эйи в отчествах в период правления Суму-лаэля, также показывает, что как покупательница недвижимости (Син-дури, дочь Иддин-Эйи), так и один из свидетелей (Укайа, сын Эйа-ишненни), могут представлять семьи переселенцев (продавцы — местные, два имени собственных из трех включают имя Ураша).

Аналогичным индикатором может служить имя бога Эля (или Эль-Амуррума; встречается также «аккадизированная» версия Элум). В табл. 3 данные для имени этого аморейского божества приведены раздельно по вариантам Эль — Эль-Амуррум и совместно. Нетрудно заметить любопытную динамику «популярности» того или иного варианта имени этого бога.

В отчествах эпохи Суму-абума и Суму-лаэля вариант Эль-Амуррум вообще не встречается, в то время как «популярность» Эля очевидна. В именах действующих субъектов данной эпохи употребление вариантов уравнивается. Затем с четырехкратным перевесом «лидирует» Эль-Амуррум. В отчествах эпохи Син-мубаллита и Хаммурапи наступает равновесие, а в эпоху Хаммурапи и Самсу-илуны «популярность» употребления вариантов имени уравнивается лишь в отношении разных имен, количество же индивидуумов, чьи имена включали имя Эль-Амуррума, в три раза превышает количество индивидуумов с именем Эля в качестве теофорного элемента.

Все вышесказанное относительно аморейского бога Эля может свидетельствовать о том, что вариант Эль-Амуррум был характерен для оседлых амореев, а появление большего количества имен с Элем в качестве теофорного элемента может свидетельствовать о новых миграциях аморейских племен.

Особого комментария заслуживает также имя такого божества как Илабрат. Трудно определить, насколько «пришлым» это божество было для Дильбата. Имя данного божества часто упоминается как в отчествах, так и в именах субъектов, начиная с эпохи Сабиаума — Апиль-Сина — Син-мубаллита. Заметен и последовавший спад его «популярности». Поражает, однако, стойкая традиция в определенных семьях давать детям имена непременно с теофорным элементом, включавшие имя Илабрата или другого божества.

Соотношение между количеством имен с теофорным элементом и общим количеством различных имен, а также его стабильный рост может впечатлить любого исследователя просопографии. Данное соотношение лежит в пределах от 32 до 53% при очевидно наблюдаемой тенденции роста от периода Суму-абума до Самсу-илуны.

С одной стороны, рост с 32 до 47%, или на 50%, зафиксирован для отчеств и имен эпохи Суму-абума и Суму-лаэля, т.е. «от отцов к детям», с последующей «стабилизацией» данного показателя и некоторым ростом при Хаммурапи и Самсу-илуне.

С другой стороны, соотношение между количеством различных субъектов, носивших имена с теофорным элементом, и общим количеством различных субъектов сравнимо с аналогичным показателем для отчеств. Данный показатель проявляет стабильную тенденцию роста, и в период Хаммурапи и Самсу-илуны он опережает аналогичное соотношение между именами, включающими теофорный элемент, с общим количеством различных имен. Это может указывать как на культурные, так и на демографические изменения.

Выводы

Данные просопографии свидетельствуют о высокой популярности имен с теофорными элементами, что делает подобные имена важным статистическим материалом для изучения социальных, культурных и политических изменений, происходивших в истории древнего общества.

Колебания «популярности» имен богов, выбор определенных имен богов, а также основные тенденции и соотношения, могут обозначить периоды переселений и миграций. Вышеперечисленные соотношения и тенденции не дают прямых свидетельств, однако могут послужить интересным критерием для сравнительного анализа.

Статистический анализ, проведенный на материале лишь из одного старовавилонского города, показывает, насколько интересными могут оказаться сравнительные данные при проведении подобных исследований на материале из различных городов древней Месопотамии.

Примечания

- 1 Значительной монографией по аккадским именам собственным является труд Штамма (Stamm 1936). Работа представляет всестороннее исследование имен в социальном контексте и, прежде всего, их значений. Попытка Штамма представить региональные особенности в употреблении имен богов в личных именах (см. таблицу и комментарии на с. 68–69) даст лишь примерные ориентиры, не учитывает исторические периоды, основана на опубликованных к середине 30-х гг. материалах, причем публикациях различного качества, не дифференцирует имена и отчеств и в связи с этим не позволяет делать какие-либо обоснованные выводы по теме

данной статьи. Данная статья представляет собой переработанный и дополненный доклад, основанием которого послужили методика статистического анализа и часть данных, представленных на Международной встрече ассириологов в Венеции в 1997 г. (Koshurnikov 1997, 29).

- 2 Клинописные документы и письма из Дильбата времени правления Суму-абума, родоначальника I Вавилонской династии, по 15-й год правления Самсу-илуны (1894–1735 гг. до н.э.) издаются с 1908 г. (BIN 7; Ball, Pinches, Johns 1906–1907, 275–276; OECT 13; Gautier; VAS 18; Koshurnikov, Yoffee 1986; AbB 10; TLB 1; YOS 14; CTTMA 1; TJDB; TCL; VAS 7; TIM 5). Насколько известно автору, неизданным остается один текст, относящийся к данному периоду и хранящийся в коллекции Древневосточного семинара Свободного университета Берлина (Altorientalisches Seminar, Freie Universität Berlin), номер 29 (содержание документа учтено автором). Из вышеперечисленных изданий лишь некоторые содержат транслитерации и переводы документов (Ball, Pinches, Johns 1906–1907; Gautier; Koshurnikov, Yoffee 1986, 117–130; AbB 10; CTTMA 1; TJDB). Издания транслитераций и переводов (HG 3, 1909; HG 4, 1910; VAB 5, 1913) значительно устарели. Единственное исследование личных имен из дильбатских текстов принадлежит А. Унгнаду (BA 6/5).

- 3 Статистические данные были собраны на базе версии 5.0 программы GOSHA, разработанной автором для работы с клинописными архивами и историческими материалами по генеалогиям. Версия 5.0 программы GOSHA включена в издание на CD вместе с версиями 2.1–4.1: GOSHA Software, Sergei Koshurnikov, 1999. Все версии программы являются реляционными базами данных, разработанными на платформе MS Access 97. Предполагаются издания данных на компакт-дисках и в Интернет.

Информация о программах представлена в Интернет:

http://www.infran.ru/labs/humboldt/Gosha/gosha_h1.HTM.

- 4 В основу представленного в данной статье статистического анализа лег 171 документ (151 табличка, 16 конвертов, 4 отдельных оттиска печатей): BIN 7 190, 206; Ball, Pinches, Johns 1906–1907, 275; OECT 13 269–274; Gautier 1–45, 48–57, 59–62, 64, 67; VAS 18 16, 16a; AbB 10 204; TLB 1 208, 219, 232–250, 256, 258–261, 282; YOS 14 131, 154, 347; CTTMA 1 48; TJDB 35 (16.610), 53 (15.940), 84 (16.190); TCL 1 57; VAS 7 1–14, 17–32, 34–42, 146, 149, 150, 152, 154, 156, 157, 158, 164, 165, 167, 168, 169, 171, 174, 175, 177, 188, 189, 191; TIM 5 17, 33; неопубликованный текст из коллекции Altorientalisches Seminar, Freie Universität Berlin, табличка 29.
- 5 Лишь два текста из Иракского музея (Багдад), изданные Ван Дийком (17, 33), а также несколько значительно поврежденных табличек и фрагментов конвертов, изданных Леесмансом (239, 249) и Готье (26, 38), могут не иметь прямого отношения к семейному архиву. Местом находки текстов, хранящихся в Багдаде, может быть тот же раскоп, где был найден во время тайных раскопок дом потомков Иддин-

Лагамаля. Обе таблички, по-видимому, не являются составной частью семейного архива и попали в Иракский музей довольно поздно. Что же касается остальных текстов, то они, вероятнее всего, являлись частью семейного архива, и лишь значительные повреждения не позволяют четко соотнести содержательную часть документа с архивной подборкой. Все остальные документы периода деятельности Иддин-Лагамаля, его сына Нахи-илума и их ближайших родственников (2-й год Суму-абума — 14-й год Син-мубаллита, 1893–1799 гг. до н.э.), безусловно, являются подборкой важных документов семейного архива.

- 6 Мардук-эннам, сын Сагила-ду, не был местным жителем, как, очевидно, и «солдат-редум царя» Мардук-гамиль, сын Риш-Туту. Ситуацию с «популярностью» вавилонского бога Мардука напоминает аналогичное отсутствие типично «вавилонских» топонимов как части имен собственных в период до Хаммурапи и их появление при Хаммурапи. В эпоху до Хаммурапи упоминается лишь храм вавилонского Мардука Эсагила в отчестве вышеупомянутого лица. Есть также упоминания самого города Дильбата и местного канала Арахтум. Арахтум включается в имена и в период правления Хаммурапи, появляются также города Вавилон и Куту. Город Акшак упоминается в одном имени эпохи Суму-абума и Суму-лаэля. К сожалению, топонимы не дают достаточно данных для статистического анализа.

Литература

- AbB 10 — *Kraus F.R.* Briefe aus kleineren westeuropäischen Sammlungen // *Altbabylonische Briefe in Umschrift und Übersetzung*. Leiden, 1985. Bd. 10.
- BA 6/5 — *Ungnad, A.* Untersuchungen zu den im VII. Hefte der Vorderasiatischen Schriftednkmalen veröffentlichten Urkunden aus Dilbat nebst einem Anhang: Die Lücke in der Gesetzestele Hammurapis // *Beiträge zur Assyriologie und semitischen Sprachwissenschaft*. Leipzig; Baltimore, 1909. Bd. 6/5.
- Ball, Pinches, Johns 1906–1907 — *Ball C.J., Pinches T.G., Johns C.H.W.* A "Kassite" Text, and a First Dynasty Tablet // *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology London*, 1906–1907. Vol. 29.
- BIN 7 — *Alexander J.B.* Early Babylonian Letters and Economic Texts // *Babylonian Inscriptions in the Collection of J.B.Nies*. New Haven, 1943. Vol. 7.
- CTTMA 1 — *Tablets, Cones and Bricks of the Third and Second Millenia B.C.* / Spar I., ed. // *Cuneiform Texts in the Metropolitan Museum of Art*. New York, 1988. Vol. 1
- Gautier — *Gautier J.-I.* Archives d'une famille de Dilbat au temps de la première dynastie de Babylone // *Mémoires publiées par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire*. Caire, 1908. T. 26
- HG 3 — *Kohler J., Ungnad A.* Hammurabi's Gesetz. Leipzig, 1909. Bd.3.
- HG 4 — *Kohler J., Ungnad A.* Hammurabi's Gesetz. Leipzig, 1910. Bd.4.

- Koshurnikov 1997 — *Koshurnikov S.G.* Prosopography and Migrations: Demographic Changes Detected by Way of Analysing Name Files // *Landscapes: Territories, Frontiers and Horizons in the Ancient Near East*. XLIV Rencontre Assyriologique Internationale, Venezia, 7–11 July 1997. Abstracts of Papers and Posters. Venezia, 1997.
- Koshurnikov, Yoffee 1986 — *Koshurnikov S.G., Yoffee N.* Old Babylonian Tablets from Dilbat in the Ashmolean Museum // *Iraq*. London, 1986. Vol. 48.
- OECT 13 — *Dalley S., Yoffee N.* Old Babylonian Texts in the Ashmolean Museum // *Oxford Editions of Cuneiform Texts* Oxford. 1991. Vol. 13.
- Stamm 1936 — *Stamm J.J.* Die Akkadische Namengebung. Leipzig, 1936.
- TCL 1 — *Thureau-Dangin F.* Lettres et contrats de l'époque de la première dynastie babylonienne: Textes cunéiformes // *Musée du Louvre*. Paris, 1910. T. 1.
- TIM 5 — *Van Dijk J.* Old Babylonian Contracts and Related Material // *Texts in the Iraq Museum*. Baghdad; Wiesbaden, 1968. Vol. 5.
- TJDB — *Szlechter I.* Tablettes juridiques de la 1re dynastie de Babylone conservées au Musée d'Art et d'Histoire de Genève. Pt. 1: Planches. Pt. 2: Transcription, traduction, commentaire. Paris, 1958.
- TLB 1 — *Leemans W.F.* Old Babylonian Legal and Administrative Documents // *Tabulae cuneiformae a F.M.Th. de Liagre Böhl collectae, Leidae conservatae* 1. Leiden, 1954–1964.
- VAB 5 — *Schorr M.* Urkunden des altbabylonischen Zivil- und Prozessrechts // *Vorderasiatische Bibliothek*. Leipzig, 1913. Bd. 5.
- VAS 18 — *Klengel H.* Altbabylonische Rechts- und Wirtschaftsurkunden // *Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Staatlichen Museen zu Berlin*. Neue Folge. Berlin, 1973. Bd. 18.
- VAS 7 — *Ungnad A.* Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Königlichen Museen zu Berlin. Leipzig, 1909. Bd. 7.
- YOS 14 — *Simmons S.D.* Early Old Babylonian Documents // *Yale Oriental Series: Babylonian Texts*. New Haven, 1978. Vol. 14.

S.G.Koshurnikov

PERSONAL NAMES AND DEMOGRAPHIC CHANGES DETECTED IN OLD BABYLONIAN DOCUMENTS

The introduction of computer-based techniques now lets us efficiently analyze statistical data.

Personal names in legal contracts, administrative documents and letters constitute from 25 to 30% of all words in an average cuneiform legal document to 90–95% in an administrative text.

Being a socially oriented phenomenon, the practice of giving personal names may preserve a good deal of conservatism and, at the same time, may reflect social, religious and cultural

shifts. Ancient societies manifested an important role of local cults in the tradition of giving personal names.

The experience of prosopographic studies of Old Babylonian documents makes us clearly distinguish between the generation of acting persons (sides to contracts, witnesses, etc.) and their fathers mentioned in patronymics.

The evaluation of statistical data, collected on the basis of complete personal name files from Old Babylonian Dilbat, resulted in some unexpected observations. These observations may become a valuable tool of analyzing historical shifts on the basis of analyzing name files from other regions of Mesopotamia and from different periods.

The original purpose of collecting the statistics was to find out the popularity of different gods whose names were used in personal names of the citizens of Dilbat. The study has shown the importance of theophoric element in personal names. The proportion of personal names with such element nearly doubled (see Table 1) within one and a half century period from the beginning of the I Babylonian dynasty (1894–1595 B.C.).

All documents from Dilbat itself, dated to the period from Sumu-abum to the first decade of the reign of Samsu-iluna, derive from one family archive represented by four generations. The cuneiform tablets can be divided into two large groups.

One group may constitute the documents that characterize the activities of the first and second generations (Iddin-Lagamal and his son Nahi-ilum). It seems that documents of this group have been selected for the purposes of further preservation. Nearly all of them deal with immovable property.

Documents of the third and fourth generations (Huzalum and his sons) constitute the second group. The texts cover different activities of the family, and we cannot trace any selection.

Documents of Huzalum are scarce. This observation, as well as the above distinction of two large groups of texts, can be explained by the fact that the family had exchanged its house and moved to a different place in the last years of Huzalum (36th year of Hammurapi; see TLB 1 248/248a).

Thus we will have all advantages and disadvantages of analyzing personal names from one neighborhood, or within the sphere of contacts of one family.

While collecting statistic data, four general parameters were evaluated:

- total number of different personal names,
- total number of different persons mentioned in texts,
- number of different names with one and the same theophoric element,
- number of different persons bearing names with one and the same theophoric element.

On the basis of available data, several general proportions were evaluated. One of them is the proportion of different names to the total number of registered persons (see Table 2).

When we compare the above proportion, being 71% for the names registered in the reigns of Sumu-abum and Sumu-la'el (first half of the 19th century B.C.), 68% under Sabium, Apil-Sin and Sin-muballit (second half of the 19th century B.C.), 96% for patronymics and 84% for persons registered under Hammurapi and Samsu-iluna (18th century B.C.), we can observe that the data present us a more so-to-say «closed» and local tradition-oriented society before Hammurapi in comparison with the situation of a political, social and cultural «melting pot» in the time of Hammurapi and Samsu-iluna.

The considerably higher proportion of different names to the total number of persons, registered in patronymics, in comparison with the same proportion for persons mentioned with patronymics under Hammurapi and Samsu-iluna, show that many of the persons, or their fathers, had recently settled in this area and had come from different other regions of Mesopotamia. The above observation is supported by the data in Table 3.

A group of so-to-say most «popular» gods was separated from a group of gods that count a single occurrence, or no long-standing tradition of being included in personal names in Dilbat.

It is easy to observe a considerable fluctuation for the names of Ea, Ilabrat, Lagamal, Marduk, Nabium, Nanna, Shamash and Urash. It may seem that local gods Lagamal and Urash had lost tremendously to such gods as Ea, Marduk and Shamash in patronymics. This is not attested for the names of persons who were mentioned with patronymics in the same period.

The number of persons whose names include the name of Lagamal appears to be proportionally higher, and a similar modest increase is quite obvious for the name of Urash. The name of Marduk seems to have lost some 25% in proportion, but the proportional «popularity» of Shamash gained a hundred percent increase.

A similar downfall for local gods is manifested by patronymics registered in the time of Sumu-abum and Sumu-la'el. Not a single occurrence for Lagamal, and the lowest attested number of cases in comparison with other periods for Urash, with the consecutive rise of 200%.

The name of Marduk in personal names was first registered in the period before Hammurapi. Anyhow, the three registered names belonged to persons from Babylon. The first period when Marduk was distinctly attested in Dilbat in personal names is the time of Hammurapi.

As for the name of Shamash, the constantly rising popularity may attest both to the real rise in popularity of this god, and to the process of resettlement under Sin-muballit and Hammurapi, while the peaks of popularity of Ea only in patronymics, registered under Sumu-la'el, and then under Hammurapi and Samsu-iluna, seem to be a very distinctive feature of resettlement. The

latter is strongly supported by the name list VAS 7 154 where the name of Ea is registered in 4 patronymics and only once in the name of a person.

Another indicator of resettlement seems to be the name of 'El-Amurru. In table 3 this name is actually represented by two variants ('El and 'El-Amurru). The analysis has shown that the variant 'El-Amurru was probably a characteristic feature of personal names of settled Amorites, while the variant 'El may show a new wave of migration of Amorites into the region.

The name of Ilabrat deserves special attention. It is difficult to specify to what extent Ilabrat was so-to-say «imported» deity for Dilbat. This god is clearly attested both in patronymics and for persons registered in the reigns of Sabium, Apil-Sin and Sin-muballit, but further considerable decline in his «popularity» is also noticeable. Really impressive is the strong family tradition of giving names that included the name of Ilabrat, or at least another theophoric element.

The group of names with theophoric elements appeared to be very high among all personal names, with the range of 32 to 53 percent, and the obvious trend to rise through the periods from Sumu-abum to Samsu-iluna.

On the one hand, the rise from 32 to 47%, i.e. some 50% increase, is manifested for this proportion calculated for patronymics and the proportion calculated for persons registered in the texts dated to Sumu-abum and Sumu-la'el. This proportion remains about stable through the following periods.

On the other hand, the proportion of the number of different people, bearing names with theophoric elements, to the total number of registered persons, was not that high under Sumu-la'el and can be compared to the above proportion registered for patronymics from the same period. This parameter is manifesting a steady trend to rise, and during the period of the reigns of Hammurapi and Samsu-iluna it appeared to be higher than the proportion of names with theophoric elements to the total number of different personal names. This is a very interesting phenomenon that may point both at cultural shifts and the process of resettlement.

Conclusions

The prosopographic data in general manifest a high popularity of personal names with theophoric elements which makes them valuable for the study of cultural, social and political shifts in the contemporary society.

Peaks and pits of fluctuations, the choice for particular names of the gods, as well as general trends and proportions, may highlight the periods of resettlement and migration.

The results of the statistical analysis of data from one Old Babylonian city show the importance of such studies and call for additional comparative research of this kind.

К ИСТОРИИ НАХОДКИ КОПТСКИХ РУКОПИСЕЙ В НАГ ХАММАДИ

В середине нынешнего столетия в Верхнем Египте в местечке Наг Хаммади совершенно случайно (а не в результате специальных раскопок) было сделано очень важное открытие. В песке на месте древнего кладбища феллахи нашли более десятка больших книг в кожаных переплетах. В свернутом виде они были помещены в глиняный кувшин...

Так начинается история раннехристианских коптских текстов религиозно-философского содержания, вошедших в науку как «рукописи из Наг Хаммади». До сих пор остается открытым вопрос о происхождении и принадлежности этих рукописей. Первоначальное предположение о принадлежности их общине гностиков (поскольку многие сочинения по характеру гностические, см.: Doresse 1958/1960) было со временем опровергнуто. На долгое время господствующим становится представление о происхождении рукописей из христианского монастыря св. Пахомия — основателя киновитских монастырей в Верхнем Египте вблизи местечка Наг Хаммади (Save-Söderbergh 1975, 12; Barns 1975, 16). Но и оно было поставлено под сомнение в связи с дальнейшим исследованием кодексов и, прежде всего, их палеографических особенностей. Подлинный район распространения рукописей остается также неизвестным, более того — перед нами тексты, переведенные на коптский с греческого языка. Исходя из содержания текстов, можно с большей долей вероятности отнести их греческие оригиналы к александрийской культурной среде. Однако книги на коптском языке были найдены в Верхнем Египте и относятся к более позднему времени.

Менее чем через год с момента обнаружения несколько текстов уже были известны первым исследователям, но до 1956 г., когда все кодексы были национализированы египетским правительством и стали доступны для официального исследования, документы проделали долгий и тернистый путь, находясь в руках многочисленных посредников и перекупщиков древностей. Многие факты и события на этом пути, равно как и обстоятельства самой находки, стали доподлинно известны лишь десятилетия спустя. Тем не менее, на наш взгляд, история находки и перепродажи рукописей сама по себе заслуживает отдельного рассмотрения прежде всего потому, что, опираясь на живых свидетелей, доказывает подлинность документов и опровергает возможность разного рода фальсификаций.

В январе 1948 г. в каирской прессе появилось небольшое сообщение об открытии уникального письменного памятника — рукописного сборника на коптском языке, содержащего несколько не известных ранее сочинений¹. В сборнике находились пять «книг», которые были атрибутированы как принадлежащие общине египетских гностиков — сифиан и описывали преимущественно их космогоническую систему. 20 февраля того же года известный французский коптолог А.-Ш.Пюэш выступил с сообщением об этом открытии в Парижской Академии надписей и изящной словесности (Puech, Doresse 1948), а 8 марта хранитель Коптского музея в Каире Того Мина рассказал о нем на заседании Египетской академии наук (официально называемой Институт Египта) (Mina 1947, 325–326; Mina 1948, 129). Сборник был лишь одним из десятка коптских кодексов — III, согласно современной нумерации, — найденных в Наг Хаммади. Так впервые в научных кругах стало известно об этой находке.

III кодекс был приобретен Коптским музеем в октябре 1946 г.² и долгое время оставался единственным из серии коптских документов, доступным для научного исследования. В течение года с небольшим со дня находки разрозненные материалы коптского собрания через перекупщиков и посредников попали в Каир и осели в частных антикварных коллекциях. Почти все кодексы, как полные, так и фрагментированные, оказались сконцентрированы в одних руках, но лишь в 1956 г. все они были национализированы и переданы Коптскому музею.

Одним из первых исследователей рукописей из Наг Хаммади, наряду с тогдашним хранителем Коптского музея³ Того Мина, стал впоследствии крупный французский ученый, а тогда молодой исследователь, Жан Доресс. Ему выпало сделать наиболее трудные, первые шаги на начальном этапе изучения документов, попыток их анализа и систематизации. Доресс не просто готовил кодексы к публикации. Он первым представил полную картину коптского собрания как единого целого, интерпретировал сочинения в связи с известными уже гностическими источниками. Его исследование собрания из Наг Хаммади было первым фундаментальным трудом, основанным на доступной по тем временам информации (Doresse 1958/1960). Долгое время все другие исследования коптских документов базировались на представлении Доресса и зависели от его наблюдений, полевых изысканий и уровня его знаний о Наг Хаммади.

С целью серьезного научного исследования вновь открытых рукописей Ж.Доресс и его супруга Марианн прежде всего посетили предполагаемое место находки документов в Наг Хаммади в январе 1950 г. и оказались практически первыми исследователями-специалистами, побывавшими там, не считая Ф.Тано — владельца Галереи древностей в Каире.

Связанная с находкой местность находится в Верхнем Египте приблизительно в 100 км к северу от Луксора (595 км от Каира). Если посмотреть на карту, видно, как в общем ровная полоска Нила делает в этом месте значительный изгиб. Текущий здесь с востока на запад Нил, прежде чем повернуть на север, сначала поворачивает на юг и только потом — в северном направлении. В этом изгибе реки расположились деревушки эль-Каср, эс-Сайад, эд-Дебба с арабским и коптским населением. Рядом с деревушками имеются действующие церкви — церковь св. Ангела и монастырская церковь св. Паламуна. Самое крупное поселение района — Наг Хаммади, которому весь район обязан своим названием. Оно лежит на противоположном, левом, берегу Нила, с юго-западной стороны изгиба.

Посещение Наг Хаммади Дорессом, безусловно, в определенной мере способствовало изучению загадки рукописей, его полевые изыскания были необходимы для их дальнейшего исследования, однако ни время, ни место находки он не сумел установить точно.

Прежде всего Дорессу не удалось опросить главных действующих лиц этой истории — феллахов из деревни эль-Каср Мухаммеда Али и его братьев, обнаруживших коптские рукописи. Дело в том, что как раз примерно за полгода до находки документов семья Мухаммеда Али оказалась вовлечена в обычную для тех мест кровную вражду, затянувшуюся на десятки лет и вылившуюся в несколько жестоких убийств.

Поскольку окрестности Хамра Дум, где были найдены рукописи, находились в сфере влияния враждебного клана, Мухаммед Али и его братья боялись даже приближаться к этому месту долгие 30 лет. Они не только не были там сами, но и положили начало большим противоречиям в устном предании о находке рукописей, особенно, о ее месте и времени. Исследователи оказались в затруднительном положении.

Доресс имел возможность встретиться с Мухаммедом Али где-нибудь в другом месте, однако он не использовал эту возможность и ограничился лишь косвенными свидетельствами — рассказами фелла-

хов, как будто бы бывших поблизости, когда Мухаммед Али с братьями обнаружил тайник.

Именно на основании этих сведений Доресс создал свою версию, согласно которой он датировал открытие рукописей 1945 г., никак не объясняя такую перемену даты: ранее находку рукописей он относил к 1946 г. (Doresse 1949б, 61). Поэтому долгое время в научной литературе как равновероятные фигурировали обе даты: 1945 и 1946 гг. Встречается датировка открытия рукописей даже 1947 г. (см. прим. 1). Опросив кое-кого из местных жителей, Доресс пришел к выводу, что документы были найдены на заброшенном древнем кладбище, расположенном у подножия горы Джебель ат-Тариф к северу от Наг Хаммади. И склон горы, и осыпь, как заметил еще Доресс, имели ноздреватую поверхность с естественными ячейками-пещерами и со специально сделанными отверстиями. Они и служили для захоронений. В дальнейшем экспедиция Робинсона обнаружила свыше 150 таких пещер в осыпи горы. Это место представлено на фотографии и во французском, и в английском изданиях главной работы Доресса по Наг Хаммади (Doresse 1958/1960, 137). Как оказалось впоследствии, оно было почти правильным.

Таким образом, местность тогда была изучена недостаточно, и установить происхождение документов более конкретно не удалось. Одно было выяснено точно: кувшин с документами находился непосредственно в земле — точнее, в песке в южной части древнего кладбища. Это очень важное обстоятельство, ввиду того что долгое время в научной литературе была широко распространена гипотеза о происхождении рукописей из пещеры или из руин какого-либо здания (монастыря, церкви). Она оказалась тем более вероятной, что область Наг Хаммади с IV в. служила центром египетского христианского монашества и не вдалеке до сегодняшнего дня сохранились руины древней базилики одного из монастырей св.Пахомия. Несмотря на то что факт обнаружения документов в земле, казалось бы, доказан еще в результате экспедиции Доресса, противоположная идея продолжала витать в воздухе вплоть до середины 70-х гг. Даже в путеводителе по Коптскому музею 1975 г. указано, что кодексы были обнаружены в глиняном кувшине в руинах коптского монастыря близ Наг Хаммади (TNH).

С исследованиями Доресса завершился первый большой этап изучения документов из Наг Хаммади, когда большинство ученых находилось в серьезной зависимости от его полевых изысканий. Кроме Доресса, в этот период в Наг Хаммади побывали и другие исследователи

(в 1958 г. — С.Гиверсен и Е.Ф.Венте; в 1959 г. — Р.Норт; в 1960 г. — М.Краузе), но их посещения места обнаружения рукописей не дали новых результатов.

Существенно новым этапом исследования стала американская экспедиция под руководством профессора Дж.Робинсона, проработавшая в Наг Хаммади несколько сезонов (1975, 1976, 1978 и 1980 гг.). Этот этап исследования был характерен тем, что впервые были опрошены очевидцы и участники события и, прежде всего, Мухаммед Али. Чтобы получить интересующие его сведения, Робинсон ездил по всему Египту. Он опросил всех людей, так или иначе связанных с рукописями, в эль-Касре, Хамра Дум, Наг Хаммади, Дишне, Кине, Каире, Александрии, Никосии, Брюсселе, Париже, Страсбурге, Бильтховене, Цюрихе, Иерусалиме, Клэрмонте.

Прежде всего необходимо было обнаружить действительное место находки коптских документов и рассмотреть происхождение рукописей в историческом контексте. Осенью 1975 г. Мухаммед Али впервые сам рассказал о событии, происшедшем целых 30 лет назад. За эти годы многое ушло из его памяти. Только сопоставив друг с другом ряд важных событий своей жизни, он как будто сумел вспомнить время находки рукописей — декабрь 1945 г. Но указать место находки оказалось для него сложнее. Одно он помнил точно: место, где были обнаружены рукописи, имело большой объем, где человек мог стоять в полный рост; над его головой, под ногами, и вокруг поверхность представляла собой камень, но это место не было пещерой.

В конце концов, Робинсону и его коллегам удалось уговорить Мухаммеда Али пройти вечером по кладбищу в поисках истинного места находки. Вот тогда-то Мухаммед Али и подошел к огромному валуну, осыпи горы на удалении от склона и видимому на фотографии Доресса. Справа над землей нависал большой выступ валуна, и под ним Мухаммед Али начал копать руками песок, говоря, что это и есть то самое место.

Несмотря на то что при раскопках и здесь ничего не было обнаружено (ибо фрагменты папируса, кожаные обложки, черепки разбитого кувшина могли быть с течением времени утрачены), место под выступом валуна на расстоянии от подножия горы теперь считают наиболее вероятным местом находки коптских рукописей. Оно полностью соответствует устному преданию о находке под валуном и представлениям самого Мухаммеда о некоем пространстве из камня вверху, внизу и вокруг. Кроме того, под всеми другими валунами, находившимися не

на осыпи, а на равнине, кувшин с рукописями вообще не мог быть спрятан, так как все это пространство вплоть до подножия Джебель ат-Тариф заливалось водой во время ежегодных разливов Нила, и, следовательно, только осыпь горы с ее ячейками-пещерами могла быть использована для любых захоронений.

В соответствии с рассказом Мухаммеда Али события выстраиваются следующим образом. По-видимому, в декабре 1945 г. Мухаммед Али и два его брата, а также пять погонщиков верблюдов из эль-Касра на старом заброшенном кладбище у осыпи горы занимались заготовкой плодородного слоя почвы, естественного перегноя, или так называемого *sabakh*. Обычно в декабре месяце он используется для удобрения полей. Под выступом валуна в песке младший брат Мухаммеда Али, 15-летний Абу аль-Маджд, обнаружил большой глиняный кувшин. Кувшин был красным, в отличие от обычной в тех местах керамики кремового цвета, с четырьмя небольшими ручками у отверстия. Его высота, по словам Мухаммеда Али, составляла около 60 см, а в диаметре он был от 15–20 до 30 см. Кувшин был плотно закрыт, что обеспечило хорошую сохранность большей части рукописей, причем вместо пробки использовали сосуд, вставленный в горлышко кувшина и приклеенный чем-то вроде дегтя. В надежде на то, что в кувшине может оказаться золото, Мухаммед Али попытался его открыть. Когда сосуд-пробку не удалось вынуть, кувшин пришлось разбить. Кувшин, таким образом, был уничтожен, но сосуд остался целым. Один из братьев отнес этот сосуд в эль-Каср, где работал слугой у хозяина-копта, и тот сохранил сосуд. Он представляет собой образец коптской красной керамики IV–V вв. с четырьмя полями полос по кромке.

В кувшине в свернутом виде находились кодексы документов — большие книги в кожаных обложках. Листы книг были сделаны из папируса, и, как выяснили в дальнейшем исследователи, по способу изготовления все кодексы относятся к однотоетрадным, за исключением одного многотоетрадного (I кодекс).

До сих пор неясным остается вопрос о точном числе кодексов. Мухаммед Али настаивал, что изначально кодексов было 13. В свою очередь, исследователи еще до рассказа Мухаммеда долгое время привычно считали, что собрание состояло из 12 полных и части XIII кодекса, полагая, что большая часть XIII кодекса была утеряна при раскопках. Однако это не так. Рукопись, что считали XIII кодексом, состоит всего лишь из 8 листов, и обнаружены они были внутри обложки VI кодекса. Характер повреждений листов XIII кодекса в результате

гниения, и других причин совпадает с повреждениями VI кодекса. Таким образом, рукопись XIII кодекса было помещена в обложку VI до или при захоронении кодексов. Вряд ли эти листы, заложенные в обложку VI кодекса, были замечены Мухаммедом Али при обнаружении документов. Вероятно, эта рукопись не потерпела урона во время раскопок, а дошла в своем первоначальном виде. Теперь принято считать, что собрание рукописей состоит из одиннадцати полных кодексов, фрагментов кодекса, большая часть которого утрачена (=XII кодекс), и одного отдельного трактата (XIII кодекс). Возможно, был еще один какой-то кодекс, виденный Мухаммедом Али и тут же утраченный.

Самые тяжкие повреждения были нанесены документам непосредственно после их обнаружения. Вынув из кувшина кодексы, Мухаммед Али честно разделил их по числу присутствующих людей на 8 частей. Каждая часть состояла из одного целого кодекса и фрагмента разрозненных листов оставшихся кодексов. Обложки с нескольких кодексов (VII, XII) были сняты и, по словам Мухаммеда, остались на песке. Поскольку остальные феллахи отказались от своей доли документов, все рукописи остались у Мухаммеда Али, который надеялся их выгодно продать.

Продать рукописи жителям своей деревни Мухаммеду Али не удалось даже за бесценок. Он неоднократно предлагал документы коптам, но и у них документы не имели особого спроса. Со временем рукописи начали постепенно расходиться из семьи Мухаммеда Али, и в дальнейшую их историю оказались вовлечены многие — перекупщики, посредники, хранители и владельцы документов. Только в 70-е гг. стали доподлинно известны многие имена и сама последовательность событий.

Несколько кодексов было приобретено неким Бахиджем Али из эль-Касра, человеком без определенных занятий. Он был тесно связан с Заки Баста, хорошо известным собирателем и скупщиком древностей. Заки Баста скупал антиквариат не только для своей маленькой лавчонки, но и поставлял его на каирский антикварный рынок. Очевидно, Бахидж Али был доверенным лицом Заки Баста в эль-Касре. Сговорившись о дележе прибыли, они оба едут с кодексами в Каир. Там в антикварном магазине М.Мансура — известного каирского ювелира и торговца древностями, — они предлагают два кодекса (II и VII) за 700 егип. фунтов сотруднику Французского Института восточной археологии в Каире Жаку Шварцу. После того, как сделка не состоялась, поскольку Шварц настаивал на приобретении сразу всего имею-

шегося у них материала, они продали оба кодекса Ф.Тано за 400 егип. фунтов. По словам Шварца, это произошло в марте 1946 г. Тогда же Тано приобрел еще два кодекса, по-видимому, у каких-то феллахов из эль-Касра, в то время работавших в Гизе близ Каира.

Вернувшись в эль-Каср, Бахидж Али решил действовать сам без посредников. Он скупил за бесценок все документы, еще остававшиеся в доме Мухаммеда Али: то ли 4, то ли 5 целых кодексов и фрагменты кодексов, разорванных Мухаммедом на кладбище, т.е. разрозненные листы без обложек (возможно, XII кодекс). Этот материал составлял в общем 7 полных и неполных кодексов. Все они были проданы Бахиджем Али Ф.Тано. Большая часть коллекции кодекса оказалась в Каире у А.Эйда, сына бельгийского консула в Египте, владельца крупного антикварного магазина в Каире и большого знатока египетских древностей. Покупка произошла, по-видимому, в 1946 г. (Malinine 1963).

Уже в октябре 1947 г. Доресс видел в лавке Эйда эту рукопись, состоящую из 41 листа. К началу 1949 г. в коллекции Эйда появились еще 11 листов I кодекса, но у кого он их купил и где они были до этого, так и осталось неизвестно. В итоге рукопись, которую Эйд приобрел двумя фрагментами, состояла из 52 листов⁴.

Постепенно в коллекции Тано оказались следующие кодексы: II и VII, полученные от Заки Баста и Бахиджа Али; 4 кодекса и фрагменты, полученные от Бахиджа Али; 2 кодекса, купленные у феллахов, и фрагмент I кодекса. Среди них были 8 полных кодексов (II, IV–IX и XI) и фрагменты еще 4 (I, X, XII и XIII). По утверждению самого Тано, у него были именитые и состоятельные иностранные покупатели — библиофилы из Великобритании и Швейцарии (по-видимому, это были Честер Битти и Мартин Бодмер), которые предлагали за документы 100 тыс. фунтов (10 тыс. за кодекс), и только вмешательство Службы древностей помешало покупке осуществиться (Robinson 1984, 108).

III кодекс в октябре 1946 г. перешел Коптскому музею и, таким образом, стал доступен для научных исследований. Через год после приобретения рукописи Доресс впервые приехал в Египет, и в октябре 1947 г. Т.Мина показал документ Дорессу. 10–11 января 1948 г. в каирской прессе было опубликовано заявление об открытии и перспективах опубликования III кодекса. Примерно в это время стало известно и о существовании I кодекса, находившегося тогда в Каире у А.Эйда. Т.Мина и Ж.Доресс были убеждены в том, что никаких новых текстов обнаружено быть не может (Doresse 1958/1960, 119). Согласно проекту публикации кодекса, в его редколлегию вошли Ж.Доресс, А.-Ш.Пюшш

и Т.Мина. В редколлегию включили также известного коптолога из ГДР Вальтера Тилля — он тогда самостоятельно работал над Берлинским коптским гностическим кодексом № 8502, в котором содержатся два сочинения из III кодекса (это «Апокриф Иоанна» и «Мудрость Иисуса Христа»).

С опубликованием III кодекса в научный оборот сразу же был бы введен уникальный письменный памятник, но этому научному начинанию не суждено было сбыться. Отчасти это было, по-видимому, связано с кончиной Т.Мина в октябре 1949 г., повлекшей за собой и некоторое ослабление научного престижа и активной деятельности Ж.Доресса. Тем не менее, вскоре Ж.Доресс вместе с П.Лабибом подготовили издание «Апокрифа Иоанна» с переводом. Работа была уже напечатана во Франции, но никогда не увидела света. Началась египетская революция 1952 г. Э.Дриотон, возглавлявший египетскую Службу древностей, вынужден был покинуть страну, сложности с визой возникли и у Доресса. В.Тилль и А.-Ш.Пюэш были отстранены от издательской работы. Даже когда в 1956 г. был сформирован новый Комитет по изданию рукописей, не все иностранные специалисты, приглашенные для участия в его работе, смогли по ряду отнюдь не научных причин воспользоваться этим приглашением.

По-видимому, шел 1948 г., когда Доресс, вернувшись из Египта в Париж, внезапно узнал о существовании новых коптских рукописей. Очевидно, опасения, что незаконно хранящиеся древние рукописи могут быть конфискованы в пользу государства без выплаты компенсации, заставили Тано искать иные, нелегальные или полуполигальные пути их реализации. Доресс получил частное письмо с фотокопиями от «владелицы» документов (это была некая М.Даттари, выступавшая от лица Тано), которой требовалась его научная консультация. Предложение было настолько заманчивым, что Доресс немедленно выехал в Египет и получил там частным образом доступ к рукописям. Доресс и Э.Дриотон, который тоже был поставлен в известность относительно новых документов, понимая их большую научную ценность, стремились их сохранить для Египта. Самым подходящим местом для них был Коптский музей. Для этого необходимо было изыскать средства: если бы их не оказалось, рукописи по желанию владельца могли быть тайно вывезены за рубеж. После осмотра коллекции Доресс подготовил отчет для Совета музея по поводу приобретения документов, и согласие на это было получено.

Владелец затребовал от государства сначала 100 тыс. фунтов (сумму, которую ему предлагали иностранные покупатели), потом 65 тыс. Сумма в 40 тыс. его не удовлетворила, и М.Даттари даже не побоялась возбудить судебное разбирательство против властей. В результате решено было выплатить владельцу в общей сложности 5000 егип. фунтов (около 500 фунтов за кодекс) (Robinson 1984, 107). Но и эта сумма никогда не была выплачена. Весной 1949 г. удалось достичь согласия владельца передать рукописи Т.Мина, а чуть позднее новые документы были легализованы. 17 июня 1949 г. (с разрешения владельца) Доресс объявил об открытии рукописей на заседании Академии надписей и изящной словесности во Франции (Doresse 1949a, 176–180), а со временем — в других научных обществах.

До оформления покупки документы временно хранились в опечатанном чемодане Тано в помещении Службы древностей. В 1952 г. было получено разрешение министра просвещения Египта начать исследование рукописей до их официальной покупки. Они были перевезены в Коптский музей, но начавшаяся вскоре революция и связанная с ней административная реорганизация (директором Службы древностей впервые со времени основания этого учреждения в XIX в. Мариэттом стал египтянин — доктор Мустафа Амр, а руководства Коптского музея, Арабского музея и Отделения арабских древностей были объединены под ее началом) надолго отсрочили приобретение и изучение документов. В 1955 г., когда Жюлю Киспелю было разрешено приступить к изучению документов, они все еще находились в чемодане. И только в 1956 г. на основании нового судебного законодательства они были объявлены национальной собственностью Египта и переданы Коптскому музею на хранение, после чего началось их постепенное систематическое исследование.

Тем не менее, за период 1946–1956 гг. в научных журналах были опубликованы многочисленные сообщения, посвященные находке в Наг Хаммади.

Фрагменты I кодекса, находившегося у А.Эйда, вскоре оказались за границей. Этому, по-видимому, способствовал Ж.Киспель, молодой ученый из Нидерландов. Узнав весной 1948 г. от Доресса об обнаружении рукописей на коптском языке, он обратился в фонд Боллинггена в Нью-Йорке, финансировавший покупку египетских древностей. Вероятно, в результате этих переговоров зимой 1948–1949 гг. Эйд и предложил документы этому фонду за 20 тыс. долларов⁵, но покупка тогда не состоялась. Тогда же кодекс был предложен Мичиганскому

университету, возможность приобрести его (по рекомендации Дореса) имела и Национальная библиотека в Париже.

После смерти Эйда в 1949 г. след кодекса на некоторое время затерялся. Сложилась крайне неблагоприятная ситуация, когда за большие деньги документы могли попасть к кому угодно. Вот как описывает дальнейшие события Ж.Киспель (ЖС 35–78). В 1950 г. он узнал, что кодекс находится в Бельгии у своего нового владельца, а в июле 1951 г. Мейер, будущий директор Института Юнга, узнал и точный адрес владельца, и требуемую им за продажу кодекса сумму денег. Теперь Киспель имел возможность обследовать документы и, убедившись в их действительной научной значимости, вновь рекомендовал фонду Боллингена их приобрести. Но владелец попросил об отсрочке, да и фонд был в то время ограничен в средствах. Ситуация вновь обострилась. Решать вопрос о приобретении кодексов нужно было немедленно. Здесь неоценимой оказалась помощь К.-Г.Юнга. Дело закончилось тем, что 10 мая 1952 г., по-видимому, по поручению Юнга и Мейера Ж.Киспель после переговоров с представителями фонда Боллингена за 8 тыс. долларов приобрел кодекс для Института Юнга в Цюрихе⁶, и 15 ноября 1953 г. после полуторагодового молчания, обусловленного требованиями владельца, об открытии кодекса Юнга было объявлено публично Пюэшем и Киспелем (ЖС 11–34; 35–78).

Не совсем понятна роль, сыгранная в истории с I кодексом американским фондом Боллингена. Он оказался неспособным выделить средства на его приобретение и тем не менее через 4 года был согласен финансировать многообразную деятельность Международного комитета по изданию всех документов из Наг Хаммади. Напротив, Институт Юнга, который купил I кодекс на собственные средства, выступал как его временный хранитель и пользователь. Юнг приобретал I кодекс с таким расчетом, что после своей публикации кодекс будет возвращен Египту. Условием его возврата он ставил необходимость изучения всех рукописей из Наг Хаммади, находившихся в Египте, будто бы стимулируя исследователей к активной научной деятельности.

Та часть, которая стала именоваться «кодексом Юнга», состояла из 52 листов и включала 5 сочинений. Пятое сочинение («Трехчастный трактат») не закончено, фрагмент его (18 листов) из коллекции Тано находился в Каире в Коптском музее. В 1955 г. Киспель получил разрешение ознакомиться с коптскими материалами в Каире, среди них был фрагмент I кодекса. В результате договоренности, достигнутой

между Институтом Юнга и Коптским музеем, было решено использовать каирские листы при издании «Трехчастного трактата» в Цюрихе.

В свою очередь, уже в 1956 г. в Каире вышло в свет факсимильное издание фрагмента I кодекса (наряду с частью II кодекса, с. 1–110) (Labib 1956). В период 1950–1970-х гг. началась постепенная передача материалов I кодекса в Египет, и теперь все сочинения, найденные в Наг Хаммади, находятся в Коптском музее. Поскольку важное значение имеют не только листы текста, но и обложки кодексов, обращает на себя внимание следующий факт. В лавке Эйда, где Доресс видел I кодекс в 1947 г., он имел кожаную обложку. В Институте Юнга он, однако, находился без обложки. Переплет I кодекса был приобретен где-то кафедрой античности и христианства Высшей школы в Клэрмонте в самом начале 70-х гг. или ранее. Во всяком случае, в 1972–1973 гг. он был тщательно исследован в Клэрмонте и включен в работу Дж.Барнса (Barns 1975, 9–18), посвященную переплетам и картонажам, в полное издание картонажей переплетов Барнса, Брауна и Шелтона (Barns 1981), а также в факсимильное издание кодексов.

Первое полное издание I кодекса с переводом текстов на английский язык, комментарием к текстам и словарем вышло в свет в серии «Коптская гностическая библиотека» в 1985 г. (Attridge 1985).

Коптское рукописное собрание состоит сейчас из 11 полных кодексов, фрагментов кодекса и одного целого трактата. В основном кодексы находятся в удовлетворительном состоянии, листы повреждены преимущественно по краям сверху и снизу. В ряде кодексов листы утеряны. Но поскольку наибольшие потери произошли сразу же после обнаружения рукописей, очевидно, не стоит ожидать, что еще обнаружатся новые листы, находящиеся сейчас в частных коллекциях. Тем не менее, ряд листов кодексов мог быть утерян не при раскопках, а позднее, поскольку эти листы служили образцом при продаже рукописей. Состояние III кодекса с утраченными ныне 6 листами, принадлежащими четырем из пяти сочинений кодекса, вероятно, свидетельствует именно о такой ситуации. В таком случае листы еще могут обнаружиться в дальнейшем (Wisse 1975, 227).

Общее количество сочинений в собрании исчислялось в разное время по-разному: от 47 в 1949 г. до 51 в 1962 г. Робинсон насчитывал 53 сочинения, и именно эта цифра фигурирует в предисловии к факсимильному изданию всех рукописей из Наг Хаммади (NHS: Introduction. P. 13, 17–19). Но к моменту издания английского перевода коптских текстов в 1977 г. под редакцией Робинсона автор снижает численность

собрания с 53 до 52 сочинений (Robinson 1977). X кодекс, один из наиболее фрагментированных и в силу этого трудных для исследования, содержит единственный текст — «Марсан», очевидно, объединяющий 2 фрагмента (а не 2 отдельных сочинения, как полагал Краузе, а затем Робинсон). Хотя в собрании сейчас насчитывается 52 сочинения, однако, в действительности оригинальных сочинений меньше. Пять текстов повторяются в нескольких кодексах (четыре сочинения — дважды, одно — трижды): «Апокриф Иоанна» — II, I; III, I; IV, I; «Евангелие от египтян» — III, 2; IV, 2; «Блаженный Евгност» — III, 3; V, 1; «Евангелие истины» — I, 3; XII, 2; «О происхождении мира» — II, 5; XIII, 2. Шесть текстов были известны ранее на греческом (Платон, «Государство» 588в–589в — VI, 5; «Молитва благодарения» — VI, 7; «Поучения Секста» — XII, 1), латинском («Асклепий» 21–29 — VI, 8) и коптском («Апокриф Иоанна» и «Премудрость Иисуса Христа» — III, 4 — оба сочинения известны ранее из Берлинского гностического папируса № 8502) языках. Более того, ряд фрагментов коптского текста II, 4 содержится в греческих документах из Оксирина.

Поэтому число новых сочинений сокращается до 40, из которых 30 текстов дошли более или менее полностью и еще 10 лишь во фрагментах⁷. Повторяющиеся сочинения, уменьшая многообразие коптского собрания, тем не менее способствуют более глубокому изучению текста, сохранившегося в нескольких списках.

Необходимо было также выяснить первоначальный объем собрания и определить количество его страниц. Листы не всех кодексов пронумерованы: II и XIII кодексы целиком не имеют пагинации (она была произведена уже в Коптском музее); в X кодексе она отсутствует везде, кроме 3–5 страниц; в кодексах I и XI не были пронумерованы листы, исписанные вторым писцом (Robinson 1982, 43).

В нумерованных кодексах не все цифры сохранились, что же касается листов кодексов, часть из них была утеряна при раскопках, другая в процессе перепродажи кодексов. Рукописи покупались и перепродавались по частям. Ф.Тано, например, приобретал кодексы несколькими порциями. Помимо восьми целых кодексов, I, X, XII и XIII кодексы были приобретены не полностью, а фрагментами. Таким образом, не просто было идентифицировать сочинения и определить общий листаж. В процессе исследования приводились разные цифры: от 1 до почти 1,5 тыс. страниц (Doresse 1949a, 131; Doresse 1958/1960, 165–167/142–145). В последнее время, когда были идентифицированы практически все фрагменты сочинений и установлено число отсутст-

вующих листов (1 во II кодексе, 9 в III кодексе, 3 в VIII кодексе, 2 в IX кодексе), подсчеты показали, что к моменту захоронения общий объем кодексов составлял 1313 страниц, из которых — 1261 страница текста (NHC: Introduction. P. 13). Идентифицированы были 1175 страниц, или же 1139 страниц текста. Фрагменты, которые не удалось идентифицировать, либо написаны почерком, уже известным в кодексах, либо просто очень малы и, таким образом, никак не могут относиться к новому неизвестному кодексу, о возможности находки которого говорил Мухаммед Али.

В 1956 г., когда коптское собрание стало законным экспонатом Коптского музея, тут же было запланировано факсимильное издание всех кодексов. Однако в самом скором времени удалось опубликовать только II кодекс (не полностью) и небольшой фрагмент I, издание других кодексов было отложено. Факсимильное издание вышло под редакцией Пахор Лабиба, преемника Т.Мина. Одновременно с этим П.Лабиб настаивал на необходимости опубликования в первую очередь хотя бы наиболее сохранившихся текстов. В связи с переходом руководства Коптским музеем от Т.Мина к П.Лабибу наметился и характерный поворот в научных исследованиях в сторону немецкой научной школы. Научная карьера Лабиба начиналась в ГДР — ученую степень доктора философии в области египтологии он получил в университете Гумбольдта в Берлине. Поэтому для работы над текстами он пригласил в первую очередь Александра Бёлига и Мартина Краузе.

Важнейшим шагом в исследованиях, в постановке их на международный уровень было формирование Международного комитета, цель которого состояла в критическом издании всех документов библиотеки. В Комитет, заседание которого состоялось осенью 1956 г., вошли представители Египта, Франции, США, Великобритании, Нидерландов и Швейцарии (Мейер — Директор Института Юнга в Цюрихе). На заседании был достигнут ряд существенных договоренностей, в частности, что кодекс Юнга будет со временем возвращен Египту. По-видимому, еще сам Юнг поставил условием этому обязательство египетской стороны осуществить полное издание кодексов. Однако этому изданию тогда не суждено было осуществиться, а немногочисленные опубликованные тексты вышли независимыми отдельными изданиями.

Новая попытка объединения научных сил была сделана благодаря вмешательству ЮНЕСКО. В 1961 г. состоялось подготовительное заседание нового Международного комитета и на нем было принято решение издать всю коллекцию рукописей полностью. Однако и на сей

раз серии работ, публикующих тексты, не получилось. Не было и специального полного издания перевода всех сочинений на какой-либо из современных языков. Фактическая деятельность Международных комитетов не способствовала дальнейшему исследованию документов из Наг Хаммади. Нежелание или невозможность исследователей из разных стран договориться, стремление к научному приоритету своей страны в ущерб общему делу привело к тому, что к 1960 г. из более чем 1000 страниц текста было опубликовано всего 48. К 1970 г. 34% собрания было опубликовано на французском и немецком языках и 21% — на английском.

Факсимильное издание, порученное Комитету, также оказалось делом нелегким. Решение о нем было утверждено ЮНЕСКО в августе 1962 г., тем не менее, первый том вышел в свет только в 1972 г., после очередного заседания Международного комитета в 1970 г. Его постоянным секретарем был назначен Дж.Робинсон. Робинсон лично участвовал в восстановлении пагинации и последовательности фрагментов текстов (по фотокопиям), а источниковедческое исследование, проделанное его группой, легло в основу работы, целью которой была окончательная подготовка всех кодексов к изданию. 12-томное факсимильное издание кодексов Наг Хаммади вышло под эгидой Службы древностей Египта в сотрудничестве с ЮНЕСКО.

Это издание положило начало новому этапу в исследовании текстов, обеспечив их полную доступность. В каждом томе представлены фотокопии листов текста в натуральную величину, а также фотографии кожаных переплетов, форзаца и неидентифицированных фрагментов. Издание тем более ценно, что в него удалось включить ряд ныне уже не существующих фрагментов. Они были утрачены в процессе работы над документами, но сохранились на самых старых фотографиях. Последний том содержит материалы картонажей.

В настоящее время сформировались три основных школы по изучению рукописей Наг Хаммади. Первая из них находится в США в Калифорнии (основана Дж.Робинсоном) и ведет работу в двух направлениях: единое критическое издание всех текстов собрания с коптской транскрипцией, английским переводом, примечаниями и указателем и второе — перевод всех сочинений на английский язык. Франкоязычная серия «Коптская библиотека из Наг Хаммади» представляет собой коллективный труд ученых из университета Лавала в Квебеке. Исследователи пошли по пути издания всех текстов с переводом на французский язык, а также их интерпретации, разделив серию на два разде-

ла: «Тексты» и «Исследования». Немецкие исследователи из университета Гумбольдта в Берлине выдвинули новый принцип публикации переводов: не традиционно — по порядку расположения сочинений в кодексах — а систематически, сгруппировав тексты по их характеру и содержанию. Начата публикация монографических изданий по переводу, исследованию и интерпретации отдельных сочинений.

Примечания

- 1 Une importante découverte: Un papyrus gnostique copte du IVe siècle // La Bourse Égyptienne. 1948. 10 January. Перепечатано в: Chronique d'Égypte. 1948. № 23. P. 260–261. Обобщено: Le Progres Égyptien. 1948. 11 January.
- 2 Точнее, III кодекс был приобретен Коптской библиотекой в Старом Каире, которая тогда еще не принадлежала Коптскому музею.
- 3 Должность директора была установлена в Коптском музее с 1951 г. Первым директором был П.Лабиб, вступивший в должность после кончины Т.Мина в 1949 г.
- 4 Возможно, что Эйд уплатил от 500 до 600 фунтов за I кодекс, но за обе его части (52 листа) вместе (BA 1979, 221).
- 5 Потом, якобы, эта сумма была снижена до 10 тыс. долларов в знак благодарности США, оказавшим помощь в I-й мировой войне родине владельца кодекса — Бельгии — см.: Robinson 1984, 107. По другим данным, владелец требовал за кодекс 12 тыс. долларов (JC 41–43).
- 6 Кодекс был приобретен у нового владельца, жившего в Бельгии, а не у Симоны Эйд, вдовы антиквара, как часто указывалось.
- 7 Фрагментированные тексты: VIII, 1 — «Зостриан»; IX, 2 — «Мысль Нореи»; IX, 3 — «Свидетельство истины»; X, 1 — «Марсан»; XI, 1 — «Толкование знания»; XI, 2 — «Валентинианское изложение»; XI, 3 — «Аллогенес»; XI, 4 — «Гипсифроне»; XII, 3.

Литература

- Attridge 1985 — *Codex I* (The Jung Codex). I: Introductions, textes, translations, indices. II: Notes / Ed. H.W.Attridge // NHS. 1985. Vol. XXII–XXIII.
- BA 1979 — *Biblical Archaeologist*. 1979. № 42. Vol. 4.
- Barns 1975 — *Barns J.W.B.* Greek and Coptic Papyri from the Covers of the Nag Hammadi Codices: A preliminary Report // NHS. 1975. Vol. VI.
- Barns 1981 — *Greek and Coptic Papyri from Cartonnage of the Covers* / Ed. by J.W.Barns, G.M.Browne and G.C.Shelton. NHS. 1981. Vol. XVI.

- Doresse 1949a — *Doresse G.* Nouveaux documents gnostiques coptes découverts en Haute-Égypte // Académie des Inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances de l'année 1949. Paris, 1949.
- Doresse 1949b — *Doresse G.* Une bibliothèque gnostique copte // La nouvelle Clio 1. Paris, 1949.
- Doresse 1958/1960 — *Doresse G.* Les livres secrets des gnostiques d'Égypte. Paris, 1958. [Пер. на англ.: G.Doresse. The Secret Books of the Egyptian gnostics. London, 1960. New York, 1960].
- JC — *The Jung Codex.* Three Studies by Puéch, Quispel, van Unnik. London, 1955.
- Labib 1956 — *Labib P.* Coptic Gnostic Papyri in the Coptic Museum at Old Cairo. Cairo, 1956. Vol. I.
- Malinine 1963 — *De Resurrectione* (Epistula ad Rheginum) P. VII / Ed. M.Malinine, H.-Ch.Puéch, G.Quispel, W.Till. Zürich; Stuttgart, 1963.
- Mina 1947 — *Mina T.* Un papyrus gnostique du IVe siècle // Bulletin de l'Institut d'Égypte 30 (1947/48).
- Mina 1948 — *Mina T.* Le papyrus gnostique du Musée Copte // Vigiliae Christianae. 1948. T. 2.
- NHC — *The Facsimile Edition of the Nag Hammadi Codices.* Leiden, 1972.
- NHS — *Nag Hammadi Studies.* Leiden.
- Puéch, Doresse 1948 — *Puéch H.-Ch., Doresse G.* Nouveaux écrits gnostiques découverts en Égypte // Académie des Inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances de l'année 1948. Paris, 1948.
- Robinson 1977 — *Nag Hammadi Library in English* / Director J.M.Robinson. New York; London; San Francisco, 1977.
- Robinson 1979 — *Robinson J.M.* Discovering of the Nag Hammadi Codices // BA. 1979.
- Robinson 1982 — *Robinson J.M.* The Future of Papyrus Codicology // R.Wilson. The Future of Coptic Studies. Leiden, 1982.
- Robinson 1984 — *Robinson J.M.* The Discovering and Marketing of Coptic Manuscripts: The Nag Hammadi Codices and the Bodmer Papyri // Sundries in honour of T.Säve-Söderbergh. Upsala, 1984.
- Säve-Söderbergh 1975 — *Säve-Söderbergh T.* Holy Scriptures or Apologetic Documentations // NHS. Leiden, 1975. Vol. VII.
- TNH — *Les textes de Nag Hammadi: Colloque du Centre d'Histoire des Religions.* Strasbourg, 1974.
- Wisse 1975 — *Wisse F.* Nag Hammadi Codex III: Codicological Introduction.

TO THE HISTORY OF THE DISCOVERY OF NAG HAMMADI COPTIC MANUSCRIPTS

Nag Hammadi Coptic manuscripts were found in 1945 in the abandoned old cemetery in Upper Egypt lying in the sand in a ceramic jar. In a year their first scholars already knew some texts and in 1948 there was a small publication in the press about these manuscripts. Unfortunately, the Egyptian government only in 1956 nationalized the collection of 40 texts and only then their official research began. During these 11 years (1945–1956) the manuscripts were sold many times and a lot of people was connected with them. But many names and facts of this period became known only in the 70-s during the expedition of J.M. Robinson in Egypt, when one of the finders — the Egyptian countryman showed the real site of the discovery. The presence of a lot of witnesses that told the whole story of the discovery excludes the possibility of any kind of falsifications and proves the authenticity of the manuscripts.

А.В.Немировская

О ПРОБЛЕМЕ ВОКАЛИЗМА ТАРГУМА ОНКЕЛОС

Таргум Онкелос (ТО) — единственный арамейский перевод Пятикнижия, авторитет которого признает еврейская традиция. В трактате «Кидушин» Вавилонского Талмуда он упоминается как «наш таргум».

Наблюдаемое в дошедшей редакции ТО смешение западно- и восточноарамейских диалектных черт вызвало в арамеистике длительную дискуссию по поводу языка/диалекта текста-первоосновы (так назыв. Прото-Онкелос). Все же практически общепринято, что, первоначально сложившись к III в. н.э. в Палестине, окончательную редакцию ТО получает к V в. н.э. в академиях Вавилонии¹ (Goshen-Gottstein 1978, 173–174). Причем вокализация текста была, вероятно, впервые осуществлена именно в Вавилонии (Nöldeke 1899, 38) и именно вавилонской огласовкой (Kutscher 1970, 267). Таким образом, огласовка ТО, как правило, рассматривается в рамках изучения вавилоно-арамейского вокализма (Kutscher 1976, 1; Bojarin 1978, 146).

Несмотря на большое количество различных вокалических чтений в рукописях ТО, можно все же выделить 4 системы вокализации, а именно:

две, обозначающие гласные с помощью надстрочных знаков и содержащиеся в так называемых вавилонских и йеменских рукописях ТО;

две, обозначающие гласные с помощью подстрочных знаков — так называемая тивериадская огласовка и «вавилонская транслитерированная огласовка», как ее определяет А.Диас Мачо (Diez Macho 1958, 113–133), т.е. по сути вавилонская огласовка, формально переданная тивериадскими подстрочными знаками. Об этом явлении, впрочем, писал еще выдающийся немецкий гебраист и семитолог Пауль Каале: «Die mit tiberischen Zeichen versehene Vorlage der Editio Sabbioneta ist offenbar erst in viel späterer Zeit aus einer echt babylonischen Hs in mehr mechanischer Weise hergestellt worden» (Kahle 1913, 214–215).

В научном отношении более ценными огласованными текстами, по мнению Диас Мачо, являются «вавилонские» как содержащие первоначальную огласовку ТО (не путать с исконным вокализмом ТО!). Прочие же системы вокализации признаются ценными лишь в той степени, в какой они приближаются к «вавилонскому» вокализму: «...the Mss. Vocalized in the Tiberian system are of no value; the Yemenite Mss., chiefly the old ones, have preserved a good number of Babylonian characteristics, mixed, however, with great Tiberian influence» (Diez Macho 1958, 119). Отметим, что автор цитаты отличает тивериадскую систему вокализации от тивериадского вокализма².

Текст, лежащий в основе так называемого Саббионетского издания ТО 1557 г. (далее — Саббионета) — получившего довольно широкое распространение у арамеистов, в том числе отечественных, еще и благодаря доступности переиздания А.Берлинера (Berliner 1884) — очень близок, по мнению А.Диас Мачо, к вавилонскому прототипу («Vorlage»).³ Как следует из приведенного ниже абзаца статьи Диас Мачо, Саббионета — это один из образцов «вавилонской транслитерированной» огласовки: «The Sabbioneta text is very closely related to a Babylonian “Vorlage”. But so far as we know, 448 *is first in preserving the Babylonian vocalic “Vorlage” in a transliterated form*» (Diez Macho 1958, 120).

В своей программной для арамеистики монографии Ф.Розенталь, возможно, несколько упрощал дело, когда, пересказывая позицию П.Каале, писал, что Саббионета является одним из лучших примеров того, как вавилонские знаки огласовки были преобразованы в тивериадские после того, как первые были фактически забыты; преобразование же это, как будто бы, происходило в странах Европы (Rosental 1964, 128–129). А.Диас Мачо, однако, говоря о древнейшем из известных ему образцов «вавилонской транслитерированной» огласовки (рукопись Ms. Eb. 448), фактически указывает на гораздо более раннее

возникновение этого явления, когда характеризует вокализм этой рукописи как «восточный, вавилонский» и датирует ее временем не позже XI в. Под «восточным» здесь понимается обширный регион, охватывающий практически весь Ближний Восток (Diez Macho 1958, 117), но никак — не Европа. При этом автор призывает не путать происхождение записываемого текста (the origin of the writing) с происхождением написанного текста (the origin of the written text), т.е. конкретного списка.

Таким образом, необходимо различать вокализм и вокализацию (т.е. систему огласовки), когда речь идет о памятнике, огласованном гораздо позже фиксации консонантного текста, к тому же на территории распространения других арамейских диалектов. Возможно, дело даже не столько во влиянии одной ветви арамейского языка (а именно: восточноарамейской) на другую (а именно: западноарамейскую), сколько в преобладании в Вавилонии отличной от сложившейся в Палестине интерпретации вокализма, прежде всего, древнееврейского языка. По этому поводу Д.Бойарин заключает: «It follows, therefore, that the system of vocalization signs — invented for Hebrew and adopted for Targumic Aramaic — most probably represents a Hebrew whose vocalic system had been adapted to the vocalic system of Babylonian Aramaic at the time of its invention» (Bojarin 1978, 147)⁴.

Примечания

- 1 «Вавилония» — традиционное название Южной Месопотамии I тыс. н.э. в еврейских источниках, а также в гебраистике и арамеистике.
- 2 Ряд ученых считает, что вавилонская огласовка является древнейшей системой вокализации по сравнению с тивериадской и так называемой «палестинской» системами.
- 3 Немецкое слово «Vorlage», употребляемое в английском тексте статьи А. Диас Ма-чо и фактически уже превратившееся в термин со значением «прототекст», восходит к П.Каале (Kahle 1933, 212).
- 4 Ш.Мораг, однако, полагал, что принципиального значения это не имеет, поскольку ощутимого различия между древнееврейским вокализмом и вокализмом иудео-арамейских диалектов, возможно, и не существовало (Morag 1962, 45).

- Berliner 1884 — *Targum Onkelos* / Hrsg. und erl. A. Berliner. Berlin, 1884.
- Bojarin 1978 — *Bojarin D.* On the history of the Babylonian Jewish Aramaic reading traditions // JNES. 1978. Vol. 37. № 2.
- Diez Macho 1958 — *Diez Macho A.* 'Onkelos manuscript with Babylonian transliterated vocalization in the Vatican library // *Vetus Testamentum*. Leiden, 1958. T. 8.
- Goshen-Gottstein 1978 — *Goshen-Gottstein M.* The language of Targum Onkelos and the model of literary diglossia in Aramaic // JNES. 1978. Vol. 37. № 2.
- JNES — *Journal of Near Eastern Studies*. Chicago.
- Kahle 1933 — *Kahle P.* Masoreten des Ostens. Leipzig, 1933.
- Kutscher 1970 — *Kutscher E.* Aramaic // *Encyclopaedia Judaica*. Jerusalem, 1970. Vol. 3.
- Kutscher 1978 — *Kutscher E.* Galilean Aramaic / Transl. from Hebr. by M. Sokoloff. Bar-Ilan Univ. Press, 1976.
- Morag 1962 — *Morag Sh.* The vocalization systems of Arabic, Hebrew and Aramaic. 'S-Gravenhage, 1962.
- Nöldeke 1899 — *Nöldeke Th.* Die Semitischen Sprache. 2. Aufl. Leipzig, 1899.
- Rosenthal 1964 — *Rosenthal F.* Die Aramäistische Forschung seit Th. Nöldeke's Veröffentlichungen. 2. Aufl. Leiden, 1964.

A. V. Nemirovskaya

ON THE PROBLEM OF THE VOCALISM OF TARGUM ONKELOS

The author briefly observes the literature on the subject, which indicates the extreme difficulty of reconstructing the original vocalism of Targum Onkelos, since the preserved manuscripts have not unfrequently presented a complicated mixture of a few punctuation systems. Besides, the picture grows much more complicated because of: a) transmission of one vocalic tradition with the signs of another (the so called «Babylonian transliterated, vocalization»); b) use of the same signs to mark the vocalism of both Hebrew and Aramaic.

Ю. Н. Прорубицкова

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБСКИХ СОЧИНЕНИЯХ (по работам российских ученых)¹

В средневековых арабских сочинениях есть упоминание о Древнем Египте. Арабы, которые пришли в Египет вслед за греками, римлянами и византийцами, по-своему увидели и передали историю той страны, в которой обосновались. Их сведения также достаточно интересны.

О.Д.Берлев отмечает, что «следует иметь в виду, что античные источники имеют многочисленные заимствования у предшественников и современников, во всех этих сочинениях содержатся сведения из сочинений, ныне утраченных. Поэтому важное значение приобретает хорошо разработанный у специалистов по классической филологии метод, а именно систематическое собирание всех сведений по тому или иному вопросу из трудов греческих и латинских авторов, раннехристианских писателей и патристики» (Берлев 1984, 52). Полностью соглашаясь с этим высказыванием О.Д.Берлева, мы можем добавить к списку перечисленных им источников и произведения арабских средневековых авторов.

По этой теме, однако, в нашем востоковедении имеется очень немногое: всего лишь несколько работ. В частности, из оказавшихся доступными нам, исследования двух российских авторов, которые в какой-то мере касались этого вопроса, С.Б.Певзнера и К.А.Бойко. В своей монографии «Арабская историческая литература в Египте в VII–IX вв.» К.А.Бойко отмечает, что «с первых лет мусульманского господства в этом регионе основное внимание в местной мусульманской исторической традиции уделялось Египту, древнему и мусульманскому... Роль посредников в деле приобщения арабов к местным культурным и духовным ценностям сыграли копты... Они как раз и явились той средой, где сохранялось наследие египетской цивилизации, как древней, так и греко-римской, где жили воспоминания о далеком прошлом их родины и царила атмосфера неугасавшего интереса к местным немусульманским древностям... Со временем появились уже на арабском языке в виде историко-эпического фольклора предания и рассказы о Древнем Египте, приукрашенные вымыслом и фантазией, в соответствии с давней склонностью египтян ко всему необычному и таинственному» (Бойко 1983, 10). Сведения, которые можно почерпнуть из сочинений различных жанров арабской историографии, можно условно разделить на 2 группы: в первой из них сведения чисто описательного характера — географическое положение, природные условия, описание памятников, во второй дается картина прошлого страны, где в качестве исходного материала использовался «уходящий корнями в седую древность коптский фольклор», на основе которого была представлена «история господства фараонов и царей как собственная история арабов Египта» (Бойко 1983, 18).

В своей книге К.А.Бойко дает библиографические очерки каждого из привлекаемых им источников. Среди них биографические и

библиографические словари, исторические хроники, историко-географические энциклопедии, географические и космографические описания, сборники фольклорных и легендарно-исторических рассказов. Даже из этих небольших очерков можно извлечь некоторые сведения о Древнем Египте, например, говоря об Усмани бен Салихе (IX в.), К.А.Бойко приводит его рассказ, в котором объясняется коптское происхождение названия Мемфиса. «Первым, кто поселился в Египте после того, как Аллах потопил людей Нуха, был Байсар б.Хам б.Нух. Жил он в Манфе, а это первый город, который застроился после потопа, он и его дети в количестве тридцати душ... Поэтому он назван Мафат, а *мафат* на языке коптов — тридцать» (Бойко 1983, 130).

Второй рассматриваемый нами автор, в работах которого затрагиваются вопросы истории Древнего Египта по данным средневековых арабских историков, — это С.Б.Певзнер. Сюжеты, освещаемые этими авторами, относятся, в основном, ко второй группе сведений арабских средневековых сочинений о Древнем Египте, т.е. касаются прошлого этой страны. Это статьи «Рассказ арабского историка о выборах царя в Египте в предисламское время» и «Рассказ Ибн 'Абд ал-Хакама о древней истории Египта». Они представляют собой анализ и краткий пересказ некоторых эпизодов из книги Абд ар-Рахмана ибн Абд ал-Хакама «Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса» (IX в.), касающихся древней истории. Исследуя рассказ о выборах царя, содержащийся в первой из упомянутых выше двух статей, С.Б.Певзнер пишет, что «арабские историки, приведшие этот рассказ, скорее всего не имели представления о древнеегипетской религии и тем более о ритуальных действиях. Однако в народных рассказах пережитки древнеегипетских религиозных и магических представлений (само собой в чрезвычайно искаженном и измененном виде) продолжали существовать. Об этом свидетельствует ряд других рассказов, переданных Ибн Абд ал-Хакамом, Мухаммадом ибн Йусуфом ал-Кинди и другими арабскими писателями» (Певзнер 1986, 55). Во второй статье С.Б.Певзнер рассматривает некоторые сведения, приведенные в первой части знаменитого труда Ибн Абд ал-Хакама, а именно о царице Далуке и царях после «старухи Далуки». В этой же части имеются «рассказы о географических достопримечательностях Египта, о Ниле, о холмах Мукаттам (около Каира), которые также связываются со «священной» историей» (Певзнер 1974, 62). Говоря об источниках, послуживших основой для труда Ибн Абд ал-Хакама, С.Б.Певзнер приводит высказывание Б.Карра де Во о том, что «легендарная исто-

рия Египта не может быть возведена ни к сообщениям Геродота, ни к списку Манефона, ни к данным современной египтологии... Автор, приведший эти рассказы, не собрал их по кусочкам из книг, он их не читал, а слушал, как эти истории рассказывают» (Певзнер 1974, 72), т.е., заключает С.Б.Певзнер, значительная часть этих рассказов «основана на легендах коренного египетского населения» (Певзнер 1974, 82).

Анализируя далее труды других арабских историков, С.Б.Певзнер упоминает о сочинении ал-Мас'уди «Промывальни золота и рудники самоцветов» (IX в.), где есть раздел о храмах, пирамидах, письменности и магии древних египтян. «Что касается исторической части — перечня древних царей, то, отмечает С.Б.Певзнер, весьма вероятно, она была заимствована из исторического труда ал-Йа'куби» (Певзнер 1974, 70) или они (ал-Йа'куби и ал-Мас'уди) пользовались одними и теми же источниками. (Здесь нельзя не упомянуть о недавно вышедшей книге Д.В.Микульского «Арабский Геродот» (Микульский 1998), которая посвящена жизни и трудам ал-Мас'уди, этого выдающегося арабского историка X в., в которой несколько страниц отводится описанию различных сведений о Древнем Египте у ал-Мас'уди.)

Древней истории Египта были посвящены специальные сочинения или главы книг историко-географического характера таких авторов, как Ибн Хордадбех (IX в.), 'Умар бен Мухаммад ал-Кинди (X в.), Ибн Зулак (X в.), Ибн Маммати ал-Мисри (XII в.), Ибн Васиф-шах (XIII в.), Хасан бен 'Абдаллах ас-Сафадн (XIV в.), ал-Макризи (XV в.) и др.

В качестве примера можно привести выдержку из труда «Книга путей и стран» Ибн Хордадбеха (IX в.), изданного в 1986 г. в Баку, перевод которого выполнен Наилей Велихановой. Глава «Диковинные сооружения» «дает нам подробные сведения об открытии одной из малых пирамид (такие пирамиды были описаны европейцами только с XVIII в.) в период правления основателя династии Тулунидов (868–884 гг.)» (Ибн Хордадбех 1986, 47). Гробница оказалась неразграбленной, в ней были найдены мумия старика, возможно, сановника (как предполагает Н.Велиханова) и различные предметы, как то: каноны с фигурными крышками, золотые фигуры с посохом (жезлом) и змеей, 360 статуэток (ушебти), а также папирусы. «К сожалению, скудные познания (а скорее невежество) открывателей помешали им по достоинству оценить обнаруженные ими памятники древней цивилизации» (Ибн Хордадбех 1986, 47). «Мы разобрали восточную дверь и обнаружили там кувшин из оникса, головка его тоже из оникса, имела форму

свиньи и была заполнена мумией... В этом помещении было 360 статуй людей, похожих на неверных... Мы разобрали северную нишу и обнаружили там купель из черного массивного камня... Затем мы открыли /купель/ и увидели там мертвого старца... В стороне... мы нашли две фигуры из золота. Одна из них фигура мужчины, в руках у которого была змея, а другая — фигура мужчины на осле, в руках у которого был посох (жезл?). В другой стороне лежала фигура мужчины на верблюде, в руках у которого был бич...» (Ибн Хордадбех 1986, 127–128). Н.Велиханова дает довольно подробный комментарий к этому средневековому рассказу.

К сожалению, значительная часть арабских средневековых сочинений не переведена на русский язык, а, следовательно, и те их разделы, в которых упоминается Древний Египет, недоступны большинству отечественных исследователей. А это, на наш взгляд, тоже достаточно интересный материал, написанный людьми, которые пришли на землю Древнего Египта и поселились там спустя тысячелетие после распада самостоятельного древнеегипетского государства. Их знания о древнеегипетской истории, о памятниках, сохранившихся к тому времени, не менее интересны, чем сообщения античных авторов. Однако эта группа источников до сих пор остается недостаточно изученной, так как арабисты больше занимаются арабской историей Египта, а египтологи — египетской историей на основе источников древнеегипетских и античных. Изучение сочинений арабских средневековых авторов, как мы постарались показать выше, внесет немало нового в наше познание древнеегипетской цивилизации.

Примечания

- 1 Тему моего сообщения в свое время подсказали мне ст. преп. кафедры истории стран Ближнего Востока Тамара Михайловна Сипенкова и проф. кафедры арабской филологии Ольга Борисовна Фролова, которым выражаю свою благодарность.

Литература

- Абд ар-Рахман 1985 — *Абд ар-Рахман ибн Абд ал-Хакам*. Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса. М., 1985.
- Берлев 1984 — *Берлев О.Д.* Восточные и античные историки по истории Древнего Египта // *Источникведение истории Древнего Востока*. М., 1984.
- Бойко 1983 — *Бойко К.А.* Арабская историческая литература в Египте в VII–IX вв. М., 1983.

Ибн Хордадбех 1986 — *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. Баку, 1986.

Микульский 1998 — *Микульский Д.В.* Арабский Геродот. М., 1998.

Певзнер 1974 — *Певзнер С.Б.* Рассказ Ибн 'Абд ал-Хакама о древней истории Египта (К вопросу о некоторых особенностях арабской исторической литературы в Египте) // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования: Ежегодник 1971. М., 1974.

Певзнер 1986 — *Певзнер С.Б.* Рассказ арабского историка о выборах царя в Египте в предисламское время // Памятники истории и литературы Востока: Период феодализма. М., 1986.

Yu.N.Prorubshchikova

SOME REPORTS ON ANCIENT EGYPT IN ARABIC MEDIEVAL WORKS

(according to works of Russian scholars)

The author demonstrates the importance of Arabic medieval historical sources for studying the history of Ancient Egypt

А.Г.Сущевский

СООБЩЕНИЯ ГЕРОДОТА О ЦАРСКИХ СПИСКАХ ЕГИПТЯН

При изучении древнейшей истории Египта современный исследователь полагает более надежным обращаться к анализу «объективных свидетельств» памятников материальной культуры. Историко-филологический анализ египетских текстов требует к себе гораздо более осторожного отношения. Причины этого коренятся в отсутствии у египтян историографической традиции, соответствующей условиям современного мироописания. Коротко говоря, современного историка заинтересовало бы описание деяний людей, обращенное именно к человеческому восприятию событий. Египтяне же фиксировали лишь священную историю своих царей, которых чтили как богов, и история эта не предполагала повседневного человеческого интереса. В III в. до н.э. египетский ученый муж Манефон предпринял попытку познакомить людей эллинской образованности, составлявших окружение Птолемея I, со словом египетской мудрости, заключенной в священных книгах. К изложению божественных предметов и физической доктрины он приложил и знаменитое «Сочинение о Египте по памятным записям» (*Aegyptiaca monumenta*), содержащее списки египетских царей от начала династий до персидского завоевания.

Списки этого сочинения Манефона, которые сохранились в трудах первых христианских хронографов, до сих пор представляют множество загадок. Например, Манефон называет египетских царей под их «солнечными» именами, тогда как в египетских книгах приводятся «тронные» имена. Именно поэтому храмовые списки царей такого рода, как Туринский папирус (Gardiner 1959) не могли быть источниками Манефона.

Между тем сочинение Манефона и по сию пору считается единственным надежным античным свидетельством о египетской историографии.

Почти выпадает из круга современных исследований ряд свидетельств о царских списках египтян у Геродота, которого в античности критиковали все, даже Манефон (Waddell 1964. Fr. 88). Но именно у Геродота можно четко выделить «книжную» историографическую традицию с «тронными» именами, и устную традицию, знающую лишь «солнечные» имена.

Хорошо известно, что сведения по древней истории Египта Геродот получил, беседуя со жрецами храма Птаха в Мемфисе. Большой удачей Галикарнасца было именно то обстоятельство, что храм Птаха (Гефестий у греков) являлся важнейшим центром, где хранилась историческая традиция, не прерывавшаяся в течение 2,5 тыс. лет.

Передавая свою беседу со жрецами, Геродот прямо указывает, что ему были перечислены имена царей ἐκ βύβλου, т.е. по свитку папируса. Указывается и другой факт: после первого исторического царя Менеса список содержал 330 имен (Herodot. II, 100). Здесь, возможно, цифра дана округленной. Но она близка к действительности и, вот почему. По списку Манефона у Евсевия Кесарийского — первого христианского хронографа, оформившего христианскую доктрину об истории мира от Творения до Христа — назван 371 царь, но VII–IX не представлены по именам, то же справедливо и в отношении XIII–XIV, XVI–XVII и XX дин. Поэтому сообщения Манефона и Геродота о количестве *только тех* царей Египта, чьи имена были занесены в списки, могут быть сведены к единой цифре, что уже и было сделано К.Р.Лепсиусом (Lepsius 1858).

При чтении списка египтянами особое внимание обращает Геродот на имя царя Мерида и на события, связанные с этим именем. Имя Мерида (Μοϋρις) отождествлено с именем царя Аменемхета III *Nj-M3ʿ.r-Rʿw* (Vergote 1962, 66–76). Причем это именно «тронное» имя, из тех, что действительно приводились в царских списках египтян, тогда как у

Манефона приводится греческая форма «солнечного» имени этого же царя Ἀσμενέμης (Waddell 1964. Fr. 34).

Характерно для Геродота то, что под «солнечными» именами он знает тех царей, о которых он сообщает те самые «новеллы-небылицы», которые повлекли за собой обильную критику. Под этими же именами цари Египта были известны устной традиции (ср. например царя Амени, «солнечное» имя — Аменемхет, в «Пророчестве Неферти» (Hermitage II 1116B recto, 58)¹. «Тронное» же имя было характерно именно для документов и, в частности, для царских списков.

Геродот особо выделяет Мерида из списка потому, что τῶν δὲ ἄλλων βασιλέων, οὐ γὰρ ἔλεγον οὐδεμίαν ἔργων ἀπόδεξιν καὶ οὐδὲν εἶναι λαμπρότης... «У других же царей, как говорят, ни одно деяние не указано и ни один не был покрыт славой» (Herodot. II, 101).

И это свидетельство оказывается чрезвычайно важным для историка, хотя на первый взгляд оно, казалось бы, не информативно. Однако дело в том, что и в подлинном египетском списке (Туринский папирус), и в так называемых «царских таблицах» в храмах Карнака и Абидоса деяния царей, как правило, не указывали, а лишь приводили имена.

На мой взгляд, именно чрезвычайно объемистое сообщение о царствовании гиксосов, которое приводит Иосиф Флавий (Jos. Con. Ap., 75–90), как, якобы, взятое из Манефона, как раз и свидетельствует о подлоге первоисточника. Подлинная египетская историография не содержала подробных и развернутых описаний. И если слова Геродота показывают, что он действительно был свидетелем обращения его собеседников к подлинному царскому списку, то многоречивость Флавия выдает его с головой.

Кроме того, Геродот сообщает нам нечто такое, что заставляет предполагать его знакомство с документальной исторической традицией египтян в более широком плане, чем высказано ранее. Так, например, Herodot. II, 13: «И жрецы же сообщили мне еще важную особенность относительно этого места (т. е. Мемфисской округи), будто бы при Мериде царе, когда Река поднималась самое малое на восемь локтей, то питала водой Египет (и) ниже Мемфиса, а Мерида никак не (насчитать) 900 лет с его кончины (тогда), когда я слышал об этом от жрецов».

Резонно предположить, что сведения в Herodot. II, 13 и в Herodot. II, 100–101 были получены в одном месте и одновременно. Тогда, по Геродоту, сообщения об уровне разлива Нила связывались традицией египтян с именами царей. Подтверждение этому мы находим уже в древнейшей летописи египтян, «Палермском камне»

(Schäfer 1902; Черезов 1960). Другим источником таких сведений могли быть записки на набережной храма, как это можно видеть и по сей день в Карнаке (Beckerath 1966, 43 ff.). Точность указания числа локтей для высоты разлива показывает, что источником были именно письменно зафиксированные сведения о Мериде. Обращает на себя внимание и хронологическая оценка источника Геродота — правление Мерида приходится на середину XIV в. до н.э. По современным расчетам, окончание этого правления приходится на 1773/2 гг. (Franke 1988, 134). Ошибка составляет что-то около 400 лет, что характерно. Так, согласно Манефону у Евсевия, от начала персидского владычества до конца XII дин. (≈ время Мерида) прошло около 2334 лет. Расхождение Манефона с современной оценкой ≈561 г. А между данными Геродота и Манефона — более 900 лет. Таким образом, хронологические расхождения едва ли свидетельствуют против источника Геродота.

И, наконец, и у Геродота, и у Манефона мы обнаруживаем вполне определенное указание на то, что египетская историческая традиция была однажды прервана. Так из Herodot. II, 142 следует заключить, что на правлении царя Сетона/Сетоса завершались памятные записи, которые вели египтяне, а при Саисском правлении они были возобновлены (Herodot. II, 43).

У Манефона след «нестыковки» еще более очевиден. Так, XXV дин. заканчивается на царе по имени Таракос (Тахарка), но следующая, XXVI дин. начинается не с Псамметиха I, как следовало бы ожидать (Стела Аписа IM 3743 дает прямую последовательность этих двух царей), а с некоего Аммериса-эфиопа, вслед за которым идут предки Псамметиха. Очевидно, что на Тахарке источник Манефона обрывался, а далее шла новая историческая традиция, открытая Саисским царским домом.

Такое положение вещей у Геродота и Манефона можно объяснить только из мемфисской исторической традиции, нашедшей отражение в памятниках Серапеума. В самом деле, традиция погребений Аписов в «малых подземельях» здесь продолжалась от Рамсеса II. При Псамметихе I было положено начало новой традиции в «больших подземельях». При этом следует учесть, что жизнь каждого Аписа фиксировалась на особых царских памятниках, составлявших основу поздней исторической традиции в Мемфисе.

В силу изложенных фактов не подлежит сомнению то, что Геродот приводит подлинные сведения о мемфисской храмовой традиции царских списков, которая сейчас утрачена и иначе как у Геродота не со-

хранилась, что наделяет сообщение античного историка огромной ценностью.

Примечания

- 1 См. издание папирусов: W.Golenischeff. Les Papyrus hiératiques № 1115, 1116A et 1116B de L'Ermitage Impérial à St.-Petersbourg.

Литература

- Черезов 1960 — *Черезов Е.В.* Древнейшая летопись «Палермский камень» и документы Древнего Царства Египта // *Древний Египет*. М., 1960.
- Beckerath 1966 — *Beckerath J. von* The Nile Level Records // *Journal of the American Research Center in Egypt*. Berlin, 1966. Vol. 5.
- Franke 1988 — *Franke D.* Zur Chronologie des Mittleren Reiches. Teil 2: 13–17 Dynastien. Roma, 1988.
- Gardiner 1959 — *Gardiner A.H.* The Royal Canon of Turin. Oxford, 1959.
- Herodot. — *Wiedeman A.* Herodots zweites Buch. Leipzig, 1890.
- Jos. Con. Ap. — *Josephus.* The life. Against Apion. With an English translation by H.St.J.Thackeray. London, 1993.
- Lepsius 1858 — *Lepsius C.R.* Königsbuch der Alten Ägypter. Abt. I: Text und Dynastientafeln. Berlin, 1858.
- Schäfer 1902 — *Schäfer H.* Ein Bruchstück altägyptischen Annalen. Berlin, 1902.
- Vergote 1962 — *Vergote J.* Le roi Moiris-Mares // *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde*. Leipzig, 1962. Vol. 87.
- Waddel 1964 — *Waddel W.G.* Manetho. London, 1964.

A.G.Soushchevsky

HERODOTUS' ACCOUNT ON THE «ROYAL LISTS» OF THE EGYPTIANS

A new consideration is put on the mention by Herodotus of the «royal lists» in the Egyptian temples against the background of the wellstudied data of Manetho and the Royal Canon of Turin. Two historiographical traditions can be discerned in the «Egyptian logos» of Euterpa: documental one which drows «throne names» of the Egyptian kings, that generally similar to the original royal lists, and a vernacular tradition with the «solar names», which meets manethonian sources.

Comparison of the data drown by Manetho, Herodotus and some Egyptian monuments on the history of king Moiris and on the end of the Ethiopian dynasty reveals the fact of Herodotus' close acquaintance with the Memphite temple tradition of the Royal lists and their monumental sources.

[ГОСУДАРСТВЕННАЯ]

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От друзей и коллег</i>	5
<i>Афанасьева В.К.</i> О композиции стелы Ур-Намму	7
<i>Богданов И.В.</i> Замечания к «текстам проклятий» Старого царства	29
<i>Богословская И.В.</i> Виды древнеегипетских украшений	41
<i>Грибов Р.А.</i> Дороги и путешественники в Древней Месопотамии	54
<i>Дандамаева М.М.</i> Сведения о городах Ассирии и Вавилонии в античной традиции ..	59
<i>Емельянов В.В.</i> Шумерский космогонический миф «Путешествие Нинурты в Эреду» (Библиотека Ниппура, XIX–XVII вв. до н.э.)	71
<i>Канева И.Т.</i> Шумерское слово <i>nig₂</i> : функции и значения	84
<i>Каплан Г.Х.</i> Об основном значении перфекта в старовавилонских письмах (в связи с аккадскими «эпистолярными» глагольными формами)	93
<i>Козырева Н.В.</i> Район <i>EM</i> в городе Уре	95
<i>Кошурников С.Г.</i> Личные имена и демографические изменения по материалам старовавилонского времени	104
<i>Марахонова С.И.</i> К истории находки коптских рукописей в Наг Хаммади	120
<i>Немировская А.В.</i> О проблеме вокализма Таргума Онкелос	137
<i>Прорубишчикова Ю.Н.</i> Некоторые сведения о Древнем Египте в средневековых арабских сочинениях (по работам российских ученых)	140
<i>Сушчевский А.Г.</i> Сообщения Геродота о царских списках египтян	145

SUMMARIES

<i>Afanasieva V.K.</i> On the composition of the Ur-Nammu stele	28
<i>Bogdanov I.V.</i> Notes on the «expulsion texts» from the Old Kingdom	40
<i>Bogoslovskaya I.V.</i> Different kinds of jewelry in Ancient Egypt	53
<i>Gribov R.A.</i> Roads and travelers in Ancient Mesopotamia	59
<i>Dandamayeva M.M.</i> Towns of Assyria and Babylonia in Greco-Roman tradition	71
<i>Emelianov V.V.</i> The Sumerian mythological text «Ninurta's journey to Eridu» (The Nippur library. XIX–XVII B.C.)	83
<i>Kaneva I.T.</i> Sumerian word <i>nig₂</i> : its functions and meanings	92
<i>Kaplan G.H.</i> On the main meaning of the Perfect in Old Babylonian letters (in connection with the «epistolary» verbal forms of Akkadian)	95
<i>Kozyreva N.V.</i> Region <i>EM</i> of the city of Ur	104
<i>Koshurnikov S.G.</i> Personal names and demographic changes detected in Old Babylonian documents	116
<i>Marakhonova S.I.</i> To the history of the discovery of Nag Hammadi Coptic manuscripts	137
<i>Nemirovskaya A.V.</i> On the problem of the vocalism of Targum Onqelos	140
<i>Prorubshchikova Yu.N.</i> Some reports on Ancient Egypt in Arabic medieval works (according to works of Russian scholars)	145
<i>Soushchevsky A.G.</i> Herodotus' account on the «royal lists» of the Egyptians	149

Научное издание

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

*Материалы научных чтений
памяти Игоря Владимировича Виноградова
(К 65-летию со дня рождения)*

Отв. редактор Н.В.Козырева

Зав. редакцией Г.Чердниченко
Редактор Н.Михайлова
Техн. редактор Е.Миллер
Оригинал-макет А.Немировской

Лицензия ЛР № 040050 от 15.08.96

Подписано в печать 14.09.2000. Формат 60х84 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура таймс. Усл.печ.л. 8,83. Уч.-изд.л. 8,5.
Тираж 250 экз. Заказ № **464**

РОПИ издательства С.-Петербургского университета.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9

ЦОП типографии Издательства С.-Петербургского университета.
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 6.

Ассириология и египтология: Материалы научных чтений
A90 памяти Игоря Владимировича Виноградова (К 65-летию со дня рождения) /
Отв. ред. Н.В.Козырева. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000 — 152 с.

Сборник включает статьи, подготовленные на основе докладов, которые были прочитаны 17 ноября 1998 г. в рамках научных чтений памяти доцента кафедры истории Древнего Востока, прекрасного египтолога и замечательного лектора И.В.Виноградова (1933–1984), награжденного в 1981 г. Почетной грамотой Университета «За высокое педагогическое мастерство».

Чтения были организованы кафедрой истории стран Древнего Востока Восточного факультета. Авторы статей — коллеги, ученики и друзья Игоря Владимировича, помимо С.-Петербургского государственного Университета представляющие также:

- Филиал Института Востоковедения РАН;
- Государственный Эрмитаж;
- НИИ «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)» РАН.

Настоящее издание — второй выпуск кафедрального сборника «Ассириология и египтология». Первый выпуск был опубликован к 75-летию со дня рождения академика В.В.Струве (Ассириология и египтология: Сб. ст. / Отв. ред. Л.А.Липин. Л., 1964).

The present volume contains articles based on papers that were presented in their original form at the conference dedicated to I.V. Vinogradov (1933–1984) — professor of the Department of the Ancient Near Eastern studies — on 17.XI.1998. He had been an exceptional Egyptologist and an outstanding speaker, who received a prestigious award: a university certificate «The highest pedagogical mastery» (1981).

The conference was arranged by the Department of the Ancient Near Eastern studies of the Faculty of Oriental studies (St.-Petersburg State University). The authors of the articles are colleagues, students and friends of Igor Vinogradov. Some of them are working now in the following institutions:

- The Institute of Oriental studies (St.-Petersburg branch);
- The State Hermitage Museum;
- The Museum of Anthropology and Ethnography («Kunstcamera of Peter the Great»).

The present issue is the 2nd edition of «Assyriology and Egyptology» (ed.: Prof. N.V.Kozyreva). The 1st edition was published in order to celebrate the 75th anniversary of academician W.W.Struve (Assyriologia i Egiptologia / Ed.: L.A.Lipin. Leningrad Univ. Press, 1964 (Rus.).

ББК 63.3(0)31

